

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2021. № 10(154)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China).

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** О государственном управлении и государственной идеологии

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 БАРАНОВ Н. А.**
Выборы как институт доверия: особенности функционирования в условиях пандемии COVID-19
- 22 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Измерение политического доверия в условиях современной демократии
- 35 ЕВСЕЕВ А. Ю.**
Внешнеполитический образ Чеченской Республики в зарубежных СМИ

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 46 ЖИРЯЕВА Е. В., КОЛЬЦОВА В. Г.**
Проблемы применения товарных номенклатур в международной торговле на примере группы 56 ТН ВЭД ЕАЭС «Нетканые материалы»

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 54 ГАВРА Д. П., БАЙЕР Ю. П.**
Креативный социальный потенциал цифрового общества
- 62 КАШИНА М. А., ЛЯШКО С. В., ТКАЧ С.**
Актуальная повестка исследования ценностей в зарубежной социологии: тематика, теории, методологии
- 83 КОЗЫРЕВА Л. Д., САНТОС А. А.**
Доверие к власти как результат проводимой ею социальной политики (по результатам социологических исследований в Республике Ангола)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 91 ЧЕРНУХИН В. А., ЩЕРБАКОВ Ю. В.**
Основные результаты технического перевооружения артиллерии Красной армии в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны

A LINEA**102 ШУЛЬЖЕНКО С. И.**

Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 2)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**117 КАРНАУХ В. К.**

Историческое время: новые подходы к его переосмыслению
Рецензия на книгу «Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism»

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** On Public Administration and State Ideology

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10** **NIKOLAY A. BARANOV**
Elections as an Institution of Trust: Features of Functioning
in the Context of the COVID-19 Pandemic
- 22** **VIKTOR P. KIRILENKO, GEORGY V. ALEKSEEV**
Measuring Political Trust in a Modern Democracy
- 35** **ALEXANDER Yu. EVSEEV**
Foreign Political Image of the Chechen Republic
in Foreign Media

POWER AND ECONOMY

- 47** **ELENA V. ZHIRYAYEVA, VALENTINA G. KOLTSOVA**
Problems of Commodity Nomenclatures Implementation
in the International Trade on the Example of Chapter 56 “Nonwovens”
of the EAEU Commodity Nomenclature
of Foreign Economic Activity

SOCIETY AND REFORMS

- 54** **DMITRII P. GAVRA, JULIA P. BAYER**
Creative Social Potential of Digital Society
- 63** **MARINA A. KASHINA , SVETLANA V. LYASHKO, SERGEI TKACH**
Topical Agenda for the Study of Values in Foreign Sociology:
Topics, Theories, Methodologies
- 83** **LARISA D. KOZYREVA, ADILSON ANDRE DOS SANTOS**
Trust in the Government as a Result of its Social Policy
(Based on the Results of Sociological Research
in the Republic of Angola)

HISTORY AND CULTURE

- 91** **VIKTOR A. CHERNUKHIN, YURI V. SHCHERBAKOV**
The Main Results of the Technical Re-Equipment
of the Red Army Artillery in the Pre-War Years and During
the Great Patriotic War

A LINEA

- 102 STANISLAV I. SHULZHENKO**
Constitutional Court's of the Russian Federation Impact
on Public Property (Part 2)

SCIENTIFIC LIFE

- 117 VLADIMIR K. KARNAUH**
Historical Time: New Approaches to its Rethinking. Review of the Book
«Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism»

О государственном управлении и государственной идеологии

On Public Administration and State Ideology

В течение очень долгого периода после 1991 года, а можно сказать еще более конкретно — в течение почти 30-летнего периода после 1991 года, Российская Федерация жила в режиме, хорошо отраженном в народной поговорке: «не до жиру, быть бы живу». Увы, это представляется оправданным. Девальвация и дефолт отвлекли общество и государство от философских размышлений на тему о судьбах мира и страны.

Вопрос, поставленный в песне группы ДДТ, — «что же будет с Родиной и с нами» — так и остался вопросом. Однако речь Президента Российской Федерации на ежегодной сессии дискуссионного клуба «Валдай» поставила точку на этом этапе развития. Сегодня абсолютно очевидно то, что обществу нужно не только знание минимального размера оплаты труда, но и понимание стратегии, курса, направленности государственного развития.

Обращаясь к анализу пройденного пути, отметим, что все получилось довольно странно. Тридцать лет назад многие из нас без жалости, а кто-то и с удовольствием расстались с идеологическим наследием Советского Союза. Вопрос идеологии был вырван из Конституции, но разве только в Конституции может быть закреплено понимание программных, целевых установок развития? Конечно же нет.

Как ни странно, именно объединенная Европа пришла к нам в 91-м году с достаточно четким пониманием набора ценностей, необходимых в современной жизни, фактически с идеологией и практикой ее реализации. Признаемся в том, что этот набор ценностей в 1991 году устраивал практически всех. Согласимся и с тем, что сегодня «европейские ценности» — это иные ценности, иной набор и выбор.

Кризис либеральной идеологии, классической глобализации сегодня очевиден не только ученым, ученые об этом говорят много лет, но он был озвучен и доказан Президентом Российской Федерации. Глава государства фактически сказал, что развитие России по принципу «сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня» нас устроить не может, да и не факт, что это в принципе возможно. Коллективный Запад не то чтобы отверг, но пе-

реформатировал классическое понимание демократии и рынка в середине XX века. Новая модель прячет под демократическими одеждами отчетливые авторитарные черты. Но кто может гарантировать то, что на месте нового авторитаризма не появится новый тоталитаризм? В этих условиях Российской Федерации необходимо не только сформировать новые идеологические ориентиры, что в общем-то уже сделано Президентом, но и перестроить управленческую практику в соответствии с ними.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Выборы как институт доверия: особенности функционирования в условиях пандемии COVID-19*

Баранов Н. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nicbar@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования выборов как демократического института в условиях пандемии. На основе конструктивистского подхода и метода сравнительного анализа автором предпринята попытка концептуализировать выборы как институт доверия и охарактеризовать выборные практики, применяемые европейскими странами в избирательном процессе. Основываясь на исследованиях Д. Коулмана, Н. Лумана, Р. Патнэма, П. Розанваллона, П. Штомпки, И. Крастева, Ф. Фукуямы, Д. Гамбетто, автор, несмотря на неопределенность понятия «доверие», делает вывод о его существенной роли во взаимоотношениях власти и общества. Недоверие означает отчуждение общества от социальной сферы, неверие в справедливость, ощущение неуверенности и угрозы, исходящей от властных институтов. Доверие формирует моральную обстановку в обществе, которая способствует развитию и эффективному решению проблем. В обстановке доверия возможны различные варианты голосования, которые не оспариваются гражданами, а выборы становятся важнейшим показателем этого доверия. Пандемийные ограничения наложили существенный отпечаток на выборные практики, тем не менее очевиден тренд на активное внедрение дистанционного электронного голосования, которое еще не достигло совершенства, но является стратегически приоритетным в проводимых избирательных кампаниях. При этом повышенные требования предъявляются к безопасности избирательного процесса, его нормативной урегулированности, открытости и гласности.

Ключевые слова: демократическое недоверие, дистанционное электронное голосование, досрочное голосование, либеральное недоверие, мобильное голосование, почтовое голосование

Для цитирования: Баранов Н. А. Выборы как институт доверия: особенности функционирования в условиях пандемии COVID-19 // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 10–21.

Elections as an Institution of Trust: Features of Functioning in the Context of the COVID-19 Pandemic

Nikolay A. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; nicbar@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to identifying the features of the functioning of elections as a democratic institution in a pandemic. Based on the constructivist approach and the method of comparative analysis, the author attempts to conceptualize elections as an institution of trust and to characterize the electoral practices used by European countries in the electoral process. Based on the research of D. Coleman, N. Luhmann, R. Putnam, P. Roseanvallon, P. Shtompka, I. Krastev, F. Fukuyama, D. Gambetto, the author, despite the ambiguity of the concept of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31777 «Трансформация института выборов в период пандемии COVID-19: от временных мер до перспективных новаций».

“trust”, concludes that it is essential role in the relationship between government and society. Mistrust means the alienation of society from the social sphere, lack of faith in justice, a feeling of uncertainty and a threat emanating from government institutions. Trust creates a moral environment in society that promotes development and effective problem solving. In an atmosphere of trust, various voting options are possible, which are not disputed by citizens, and elections become the most important indicator of this trust. Pandemic restrictions have left a significant imprint on electoral practices; nevertheless, there is an obvious trend towards the active introduction of remote electronic voting, which has not yet reached perfection, but is a strategically priority in the ongoing election campaigns. At the same time, increased requirements are imposed on the safety of the electoral process, its normative regulation, openness and publicity.

Keywords: democratic distrust, remote e-voting, early voting, liberal distrust, mobile voting, postal voting

For citing: Baranov N. A. Elections as an Institution of Trust: Features of Functioning in the Context of the COVID-19 Pandemic // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 10–21.

Введение

Пандемия, с которой мир продолжает бороться, кардинально изменила нашу жизнь. В совокупности с цифровыми технологиями, ставшими неотъемлемой частью повседневности, человечество адаптируется к новой реальности, приспосабливая под нее сложившиеся социальные институты и правила. Распространенная сентенция «мир никогда не будет прежним» характеризует сложившуюся ситуацию как неопределенную, в полной мере не осознанную, а потому без ясных перспектив.

Анализу постпандемийного мира посвящены работы многих современных исследователей как зарубежных, так и отечественных. Британский историк Питер Франкопан, характеризуя европейскую политику в эпоху пандемии, признается: «Мы в Европе не до конца понимаем, чего хотим» [7]. Австрийский социолог Карин Кнорр-Цетина заявляет о том, что среда, в которой мы привыкли жить, исчезла [7]. Французский экономист Жан-Поль Фитусси пессимистично заявляет, что COVID способствовал обеднению людей и исчезновению среднего класса, что подталкивает людей к популизму в политике [7]. Британский экономист Марианна Мадзукато полагает, что после пандемии нужно не возвращение к нормальной жизни, а обновление, которое не состоялось после финансового кризиса 2008 г. [20]. Российский исследователь Оксана Синявская задается вопросом: «Станут ли коронавирусом и экономический кризис родителями новой модели социального государства?» [9]. Будущее постпандемийного мира стало сквозной темой Петербургского международного экономического форума в 2021 г., на котором происходило обсуждение проблем, вызванных пандемией, в самых различных областях жизни — экономике, экологии, образовании, здравоохранении, демографии и т. д.

Политическая сфера также меняется под влиянием пандемии. Особенно заметны перемены в конкретных политических практиках. Так, например, происходит трансформация выборного процесса, так же испытывающего на себе ковидные последствия. Цель работы — выявить особенности функционирования выборов как демократического института в условиях пандемии. Реализация поставленной цели предполагается посредством решения двух задач: концептуализации выборов как института доверия и выявления выборных практик в условиях пандемии COVID-19.

Методология исследования включает в себя конструктивистский подход, связанный как с сознательным, так и неосознанным конструированием политической реальности [25, с. 391–425] в условиях пандемии, а также сравнительный анализ

выборных практик, в основном, европейских стран, реализуемых в избирательном процессе.

Выборы — институт доверия или недоверия?

В XXI в. в очередной раз обозначился кризис демократической формы правления, неспособной своевременно и эффективно реагировать на проблемы и вызовы современного мира. Приходится констатировать, что демократические режимы запоздало реагируют на существующие проблемы, а общество не спешит стать полноправным участником политического процесса, тем самым игнорируя основной принцип делиберативной демократии, как правления «путем взвешенных и обоснованных решений граждан» [2, с. 14]. О существующих проблемах демократии в конце XX — начале XXI вв. писали Ж. Бешлер, Н. Боббио, Ф. Шмиттер, Ш. Эйзенштадт, называя их «искажениями демократии», «невыполненными обещаниями демократии», «угрозами демократии», «хрупкостью современных демократических режимов». Французский философ и политолог Пьер Розанваллон полагает: «где бы ни внедрялась демократия, она оставалась незавершенной: в одних местах ее грубо извращали, в других — искусно ограничивали, в-третьих — систематически попирали» [8].

Критерии демократии разнообразны, однако значительная часть специфических свойств этой формы правления связана с всеобщими равными прямыми выборами при тайном голосовании. Так, американский политолог Роберт Даль, характеризую наиболее приближенную к демократии систему власти — полиархию, выделяет такие необходимые для демократии институты и практики, как выборность должностных лиц, контроль с их стороны за правительственными решениями, закрепленный конституционно, право принимать участие в выборах практически за всем взрослым населением, право граждан выступать в качестве кандидатов на выборные должности, а также конкуренция на выборах [4, с. 358–359]. О необходимости выборного процесса говорится и в ст. 21 п. 3 Всеобщей декларации прав человека: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»¹.

Таким образом, выборы выступают краеугольным камнем доверия граждан к избираемой власти и надежде на ее эффективное функционирование в соответствии с пожеланиями избирателей. Доверие — это категория, которая носит социальный и конкретно политический характер. Так, к категории доверия исследователи нередко обращаются при характеристике социального капитала. Американский социолог Джеймс Коулман полагает, что доверие возникает в ответ на некий аванс, создающий ожидание встречной услуги [15, с. 397–401]. Социальный капитал возникает как результат доверия между членами общества, предполагающего приоритет общественных норм морального свойства над индивидуальными.

С точки зрения немецкого социолога Никласа Лумана, доверие требует становления специальных социальных институтов, и в этом случае сети дружбы и патрон-клиентские отношения являются такими примерами адаптации [19, с. 94]. Доверие предполагает ожидаемое поведение партнера в случае взаимодействия и чувство уверенности в том, что эти ожидания будут оправданы. Такое поведение возможно при преобладании в обществе таких моральных норм, как честность

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.06.2021).

и надежность, без которых невозможно доверие. Аналогичной точки зрения придерживается американский политолог Фрэнсис Фукуяма, который приводит такое определение: «Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [12, с. 52].

Американский политолог Роберт Патнэм подчеркивает важность социальных контекстов сотрудничества: «доверие генерируется в первую очередь там, где соглашения между людьми вплетены в прочную структуру личных связей и социальных контактов» [6, с. 175]. В таком случае легче возникают крупные организации, основанные на доверии людей друг другу, что способствует развитию экономических связей, а также гражданского общества. В данном контексте следует согласиться с отечественными исследователями Г. Л. Тульчинским и А. А. Лисенковой, полагающими, что «доверие в деловых (бизнес) отношениях приводит к развитию экономики, доверие в межличностных отношениях к стабильности и прогрессу, доверие к институтам к становлению гражданского общества, поэтому именно сегодня роль и значимость доверия в обществе сложно переоценить» [10, с. 234].

Антиподом доверия является недоверие, связанное с отчуждением общества от социальной сферы, негативным опытом участия в гражданских акциях, неверием в справедливость, ощущением неуверенности и угрозы, исходящей от властных институтов. Как образно выражается Фрэнсис Фукуяма, «недоверие, распространенное в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится» [12, с. 55].

Польский социолог Петр Штомпка дает следующее определение доверию и недоверию — «это своего рода ставки, сделанные в расчете на будущие действия других людей, в которых мы не уверены» [13, с. 326]. Политической сфере в большей степени соответствует ожидание таких действий доверенных лиц, облеченных властью, когда «они подчиняются закону и каждый раз во время выборов подвергаются своего рода тесту на доверие» [13, с. 330]. П. Штомпка пишет о культуре доверия, связанной с прошлым коллективным опытом, в рамках которого «культурные императивы могут полностью проигнорировать все рациональные расчеты, свести на нет все рациональные аргументы, как, впрочем, и индивидуальные тенденции, противоположные этим культурным императивам» [13, с. 332]. По мнению польского социолога, культурный фактор возрастает, когда речь идет об институтах или нациях, так как индивиду сложно оценить сложные по своей структуре объекты, поэтому наиболее востребованной становится традиционная ориентация, приобретающая характер укоренившихся стереотипов.

К структурным источникам системы доверия П. Штомпка относит историческое наследие, вытекающее из опыта прошлого, доверие или недоверие различным институтам или объектам; структурный контекст, связанный с системой социальных правил, понятных для общества и разделяемых им; прочность социального порядка, создающая ощущение безопасности; подчинение властей законам при условии контроля за чиновниками; реализация прав граждан при наличии независимых институтов, к которым можно апеллировать в деле защиты прав, оказавшихся под угрозой [13, с. 334–336].

Доверие как элемент культуры рассматривается также в работе Фрэнсиса Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию», который рассматривает данный феномен как ключевую характеристику развитого человеческого общества, проявляющегося как на индивидуальном, так и на социальном уровне, включающем в себя доверие к государству и общественным институтам. Американский политолог полагает, что именно доверие определяет прогресс, «поскольку

высокий уровень доверия позволяет возникать самым разнообразным типам социальных контактов» [12, с. 55].

Высокая значимость доверию придавалась и в прошлые эпохи. Так, английскому литературному критику эпохи Просвещения Сэмюэлю Джонсону приписывается фраза: «Иногда более счастлив тот, кого обманули, чем тот, кто никому не доверяет». Доверие исторически лежало в основании создания гильдий и других профессиональных союзов и социальных структур.

Доверие тесно связано с понятием легитимности, но они не являются идентичным понятием. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Кеннет Эрроу, полагает, что доверие расширяет легитимность за счет моральной составляющей и обладает временным смыслом через пролонгацию легитимности в будущем [14, с. 26]. Если под легитимностью понимается поддержка власти реальными субъектами политики, признанием ее правомочности в обществе, причем уровень поддержки может меняться, то у доверия более длинный временной лаг — поддержка может осуществляться даже при значительном снижении популярности власти. Доверие в этом случае основывается на вере, связанной с надеждой на лучшее. Как писал русский религиозный философ С. Л. Франк, «всякий строй возникает из веры в него и держится до тех пор, пока хотя бы в меньшинстве его участников сохраняется эта вера, пока есть хотя бы относительно небольшое число «праведников» (в субъективном смысле этого слова), которые бескорыстно в него веруют и самоотверженно ему служат» [11, с. 218–219].

Пьер Розанваллон [21, с. 1–27] пишет о пропасти между легитимностью и доверием, являвшейся центральной проблемой в истории демократии. По мнению французского исследователя, демократические системы развивались в двух направлениях. Первое направление предполагало процедурную легитимность через создание регулярных, частых выборов, а для ограничения независимости выборных лиц использовались различные схемы прямой демократии. Все подобные инициативы были направлены на повышение качества «электоральной демократии». Второе направление было связано с применением арсенала практических средств, сдержек и противовесов, формальных и неформальных ограничений, призванных компенсировать искажающее доверие посредством организованного недоверия.

Французский исследователь выделяет две формы недоверия: либеральное и демократическое. В основе либерального недоверия лежит американский вариант: защита индивида от посягательств публичной власти через создание политической системы с правительством, недоверие к которому было бы закреплено институционально.

Назначение демократического недоверия состоит в том, чтобы убедиться в выполнении выборными лицами своих обещаний и в постоянном контроле за действиями правительства, направленными на служение общественным интересам. В рамках демократического недоверия Пьер Розанваллон выделяет политическую форму, которую он называет контрдемократией как часть более широкой системы, включающей правовые демократические институты, а также надзорные функции, превентивные инструменты, проверку суждений и мнений.

Надзорные функции заключаются в наделении избранной власти легитимностью на определенное время посредством выборных процедур. Превентивные инструменты связаны с применением к правительству новой разновидности санкций — блокированию действий, задуманных властью, со стороны гражданского общества, что носит название «негативного суверенитета». Проверка суждений и мнений предполагает превращение народа в судью посредством проникновения правовых норм в политическую сферу. Подвергнуть политическое действие проверке судебного типа — это значит утвердить определенные стандарты доказательства, правила свидетельствования, основанные не на правовых нормах, а на представлении

ях граждан о добре и зле, о справедливости и несправедливости. Вынесение суждения в судебном режиме постепенно стало рассматриваться как форма, которая многим людям кажется предпочтительнее выборов, поскольку ее результаты гораздо более конкретны.

Таким образом, контрдемократия исходит из недоверия правительству, которое может быть и либеральным, и демократическим.

Снижение доверия к демократическим институтам является характерной чертой кризиса современной демократии, отличающим его от предыдущих. Как пишет в своей книге «Управление недоверием» Иван Крастев одно время в Софии на стене в центре города было написано: «Выборы ничего не решают. Если бы выборы что-то решали, их бы запретили» [5, с. 20], что является парафразой знаменитого выражения Марка Твена: «Если бы от выборов что-то зависело, то нам бы не позволили в них участвовать». Болгарский политолог задается вопросом: «подрывает ли упадок доверия к демократическим институтам способность демократических режимов к самокоррекции?» [5, с. 50]. Вопрос не риторический, так как граждане утрачивают доверие к демократическим институтам не потому, что эти институты стали менее эффективными или более коррумпированными, но потому, что люди утратили способность влиять на них. Таким образом, вопрос доверия к демократии, как справедливо отмечает болгарский исследователь, это вопрос влияния. И он не уверен, что избиратель, держащий в одной руке бюллетень, а в другой смартфон, сможет возродить демократию [5, с. 86]. Можно согласиться с болгарским политологом в том, что общество недоверия — это общество беспомощных граждан, не способных на конструктивные действия.

Выборные практики в условиях пандемии COVID-19

Проверка доверием особенно актуальна для института выборов в период пандемии COVID-19. Ограничения, ставшие неотъемлемой частью нашей жизни, охватывают в том числе и политическую сферу, сокращая участие граждан в общественных мероприятиях и собраниях, делая невозможным реализацию индивидуальных и коллективных гражданских обязанностей и политических прав.

В условиях пандемии особенное внимание сосредоточено на тех, кто принимает решения. Если правительство не в состоянии принимать соответствующие и своевременные решения, оно быстро теряет доверие, легитимность и популярность, а также голоса на выборах. Основная угроза при проведении выборов связана с требованием к избирателям голосовать лично на избирательном участке, чаще всего в единый день голосования. Международный институт демократии и содействия выборам (International Institute for Democracy and Electoral Assistance) исходит из того, что, своевременно разрабатывая надлежащие решения на основе собственного или иного опыта, выборная демократия может укрепляться в условиях противостояния неоправданному давлению со стороны властных структур¹.

Проблемы, которые возникли в условиях пандемии, состоят в обеспечении достаточного и заслуживающего доверия уровня участия избирателей, который может гарантировать репрезентативность и легитимность выборов; обеспечении безопасных условий для голосования как для избирателей, так и для сотрудников избирательных участков и минимизации рисков для их здоровья; обеспечении прозрачного и подотчетного избирательного процесса с высокой степенью честности.

¹ Managing Elections during the COVID-19 Pandemic: Considerations for Decision-makers // International Institute for democracy and electoral assistance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idea.int/publications/catalogue/managing-elections-during-covid-19-pandemic-considerations-decision-makers> (дата обращения: 24.06.2021).

Международный фонд электоральных систем (International Foundation for Electoral Systems) обобщил опыт проведения выборных кампаний в период пандемии и продемонстрировал различные электоральные практики, которые могут быть использованы в дальнейшей организации выборного процесса: создание закрытых избирательных участков с дежурившими медицинскими работниками (Израиль), голосование по доверенности, а также со своими ручками, чтобы избежать передачу вируса (Франция), оборудование защитными экранами членов избирательных комиссий (Канада), проведение голосования только по почте (Германия, Бавария), расширение заочного голосования (США, Делавэр)¹.

Пандемия внесла существенные коррективы в проведение выборов. В ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах² предусмотрена возможность отступления государства от своих обязательств во время чрезвычайного положения, которое объявляется при угрозе жизни нации. При этом действия государства должны быть соразмерными, недискриминационными, временными и ограниченными по объему. В данном контексте интересен опыт Бразилии, лишь в конце XX в. ставшей на путь демократического развития. Так, 4 октября 2020 г. должны были состояться муниципальные выборы в бразильских штатах, но из-за опасности заражения COVID-19 они были перенесены на 29 ноября того же года. Решение принималось Конгрессом по рекомендации Высшего избирательного суда (Tribunal Superior Eleitoral) в условиях острой конкуренции между сторонниками переноса выборов на 2022 г. и сторонниками проведения выборов по графику. По мнению бразильского политолога Габриэлы Таруко, муниципальные выборы 2020 г. были проведены справедливо и безопасно, несмотря на пандемию, что способствует доверию к выборам и к бразильской демократии, а соответственно и к тем должностным лицам, которых граждане Бразилии избрали на соответствующие посты [23, с. 12].

Следует отметить, что практически все выборы, запланированные в разных странах на 2020 г., в условиях пандемии либо проводились в срок, либо были перенесены на непродолжительное время, как это было в Бразилии, Северной Македонии, Сербии, Польше, а также во Франции (за исключением Зимбабве, где выборы были отложены на неопределенный срок)³. Основной акцент при проведении выборов был сделан на безопасности граждан, чему соответствовали меры, принятые органами управления выборами в условиях COVID-19.

Английский политолог Тоби С. Джеймс и исследователь из Швеции Сеад Алиходжич [18, с. 344–362] проанализировали причины, по которым откладываются выборы и данный шаг не является нарушением демократии, а обусловлен иными причинами. Авторы при этом акцентируют внимание на обязательной реализации пяти ключевых демократических принципов: возможности для обсуждения, равного участия, равенства конкуренции, качества управления выборами и институционализации правил.

Такие факторы, как пандемия, обычно существенно снижают число граждан, принявших участие в голосовании. Так, на муниципальных выборах во Франции 15 марта 2020 г. пришло на избирательные участки 46% зарегистрированных избирателей,

¹ Featured Elections Held and Mitigating Measures Taken: During COVID-19 // International Foundation for Electoral Systems [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_held_and_mitigating_measures_taken_during_covid-19.pdf (дата обращения: 24.06.2021).

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 24.06.2021).

³ Featured Elections Held and Mitigating Measures Taken: During COVID-19 // International Foundation for Electoral Systems [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_held_and_mitigating_measures_taken_during_covid-19.pdf (дата обращения: 24.06.2021).

в то время как на предыдущих выборах в 2014 г. их было 63,5%¹. Чтобы снизить нагрузку на избирательные участки в день голосования, в некоторых странах предлагают досрочное голосование. Например, в апреле 2020 г. во время выборов в южнокорейский парламент были приняты административные меры для поощрения досрочного голосования избирателей, которое составило рекордные 26,7% [22].

Пандемия COVID-19 ускорила использование специальных механизмов голосования (Special Voting Arrangements, SVAs), которые применялись и раньше, но не в таких масштабах — голосование по почте, досрочное голосование, мобильные формы голосования, а также прокси-голосование. Международный институт демократии и содействия выборам выделяет эти четыре формы как наиболее адекватные условиям пандемии. Именно они наиболее широко распространены в странах Европы. Исследователь из Брюсселя Аника Хейнмаа обобщила европейский опыт проведения выборов во время пандемии [16].

Почтовое голосование является не столь распространенным в Европе в отличие от США. Проблема заключается в идентификации и аутентификации избирателей, в обеспечении тайны голосования на протяжении всего процесса прохождения бюллетеня до избирательной комиссии и честности в подсчете голосов. Как показывает опыт других стран, при почтовом голосовании создаются возможности для фальсификации выборов, но при этом повышается доступность голосования, что является важной особенностью на фоне пандемии COVID-19. В европейских странах почтовое голосование доступно для всех избирателей в Великобритании, Германии, Исландии, Лихтенштейне, Люксембурге, Польше, Швейцарии. Кроме того, в Австрии, Ирландии, Испании, Литве, Нидерландах, Словении этой услугой могут воспользоваться некоторые избиратели.

Досрочное голосование определяется как личные возможности для подачи своего голоса на избирательном участке до дня выборов. В Европе оно доступно для всех избирателей в таких странах, как Дания, Латвия, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швеция, Швейцария, Эстония, и частично для Беларуси, Исландии, Литвы, Мальты, России, Словении.

Мобильное голосование предполагает возможность для отдельных категорий населения воспользоваться услугой голосования по месту пребывания по уважительной причине. При этом члены избирательной комиссии приезжают с мобильной урной для голосования, которая возвращается на соответствующий избирательный участок и бюллетени смешиваются и подсчитываются с обычными голосами. Проблема такой формы голосования заключается в сохранении секретности голосования и обеспечении добровольности подачи голосов. Мобильное голосование доступно в большинстве стран Европы, кроме Албании, Андорры, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Кипра, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако, Нидерландов, Норвегии, Польши, Сан-Марино, Франции, Швейцарии.

Голосование по доверенности — это возможность передачи своего голоса доверителю — уполномоченному лицу, которое передает бюллетень от имени избирателя. Основная проблема здесь заключается в том, что тайна голосования в большинстве случаев не может быть сохранена и нет способа гарантировать, что доверенные люди голосуют по инструкции избирателя. В европейских странах такая форма подачи голосов разрешена в Бельгии, Великобритании, Монако, Нидерландах, Польше, Франции, Швеции, Швейцарии.

Специальные механизмы голосования (SVAs) рассматриваются как полезный инструмент для обеспечения максимального равенства и универсальности голосо-

¹ Featured Elections Held and Mitigating Measures Taken: During COVID-19 // International Foundation for Electoral Systems [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_held_and_mitigating_measures_taken_during_covid-19.pdf (дата обращения: 24.06.2021).

вания. Однако, как полагают Аника Хейнмаа и Нана Каландадзе, если имеются озабоченности по поводу честности выборов более фундаментального характера, то эти механизмы не смогут их смягчить, а скорее усугубят их [17, с. 31].

Еще одной востребованной формой в последние годы стало электронное голосование, актуальность которого повысилась в период пандемии. Под электронным голосованием понимается процедура электронного подсчета голосов (в России, например, применяются комплексы обработки избирательных бюллетеней — КОИБ), а также голосование с применением интернета или мобильного телефона. Особую актуальность приобретает дистанционное электронное голосование, под которым понимается «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения»¹.

В России впервые дистанционное электронное голосование применялось 8 сентября 2019 г. на выборах депутатов в Московскую городскую думу, и этот опыт был признан успешным, так как и организаторы выборов, и избиратели «увидели в таком электронном голосовании ряд неоспоримых преимуществ — удобство, простота и экономия времени» [3, с. 6]. К этой форме вновь обратились уже в условиях пандемии — 1 июля 2020 г. в Москве и Нижегородской области на общероссийском голосовании по одобрению изменений в Конституцию Российской Федерации, а 13 сентября 2020 г. в единый день голосования дистанционное электронное голосование применялось в Курской и Ярославской областях, а также в Москве.

Возможности электронного голосования, к которому прибегают во многих странах, включают в себя риски и повышенные опасения в кибербезопасности. Поэтому в ряде стран применяются технологии, минимизирующие или исключающие подтасовку результатов. Например, «технология избирательного блокчейна предполагает, что голосование осуществляется анонимно с использованием каждым из голосующих виртуального аватара» [1, с. 11]. Плюсом является возможность любому зарегистрированному в системе пользователю реализовать активное избирательное право независимо от места нахождения. Минус данной технологии — невозможность поменять свое волеизъявление в результате непроизвольной ошибки. Несмотря на удобства данной формы голосования, ни одно государство еще не достигло такого уровня развития, которое бы не вызывало вопросов у специалистов и экспертов.

Следует отметить, что опасности негативного влияния на результаты выборов менее опасны для демократии, чем отмена выборов в связи с пандемией. Институциональная определенность первична по отношению к процедуре. Правда без открытой и прозрачной процедуры результаты выборов тоже могут быть поставлены под сомнение.

Выводы

В 1988 г. была опубликована коллективная монография под редакцией итальянского социолога Диего Гамбетты «Доверие: создание и разрыв отношений сотрудничества» («Trust: making and breaking cooperative relations» [24]), соавторами которой стали известные западные ученые — Никлас Луман, Эрнест Геллнер, Джеффри Хоторн, Джон Данн, Бернард Уильямс и некоторые другие. В заключение Д. Гамбетто задается вопросом: «Можно ли доверять доверию?» [24, р. 213]. Данный феномен настолько неопределенный, что возникают сомнения в попытке его

¹ Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353206/ (дата обращения: 10.07.2021).

научной аргументации. Однако следует отметить, что ситуативно доверие играет огромную роль во взаимоотношениях власти и общества и особенно велико его значение в социальных взаимоотношениях, наиболее эффективно реализующихся в экономической сфере и в формировании моральной обстановки в обществе, способствующей социальному прогрессу.

Пандемия стала показателем устойчивости избирательной системы и в целом демократии в той или иной стране. В обстановке доверия возможны различные варианты голосования, которые не оспариваются гражданами, в условиях же недоверия любое нововведение со стороны власти рассматривается как повод для фальсификаций. И выборы становятся важнейшим показателем этого доверия.

Сочетание цифровых технологий, прочно вошедших в нашу жизнь, и необходимости минимизации непосредственного человеческого общения в условиях пандемии COVID-19 придали импульс активному внедрению дистанционного голосования в выборную практику многих государств. Данный тренд представляется приоритетным в ближайшие годы, что предъясняет повышенные требования к безопасности избирательного процесса, его нормативной урегулированности, открытости и гласности.

Постпандемийный мир, действительно, уже не будет прежним. Устоявшиеся в ковидный период социальные и политические практики станут гармоничной частью нашей жизни, чутко реагирующей на разнообразные вызовы современности.

Литература

1. *Алексеев Р. А., Абрамов А. В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1 (15). С. 9–21.
2. *Бессет Дж. М.* Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 336 с.
3. *Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В.* Выборы в мире: электронное голосование / под общ. ред. И. Б. Борисова. М. : Российский общественный институт избирательного права, 2020. 218 с.
4. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М. : РОССПЭН, 2003. 576 с.
5. *Крастев И.* Управление недоверием. М. : Европа, 2014. 128 с.
6. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
7. *Постковидный мир: «Мы в Европе не до конца понимаем, чего хотим»* // Глобальный диалог. Euronews. 26.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/2021/04/26/ru-tgc-effects-of-covid> (дата обращения: 11.07.2021).
8. *Розанваллон П.* Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/kontrdemokratiya-politika-v-epohu-nedoveriya.html> (дата обращения: 22.06.2021).
9. *Синявская О.* Рожденные пандемией // Россия в глобальной политике. 2020. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rozhdyonnye-pandemiej/> (дата обращения: 11.07.2021).
10. *Тульчинский Г. Л., Лисенкова А. А.* Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2. С. 233–242.
11. *Франк Л. С.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–226.
12. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
13. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного. 2-е изд. М. : Логос, 2010. 664 с.
14. *Arrow K. J.* The Limits of Organization. New York : W.W. Norton, 1974. 86 p.
15. *Coleman J. S.* Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1. München : Oldenburg, 1991. XVI. 474 s.
16. *Heinmaa A.* Special Voting Arrangements (SVAs) in Europe: In-Country Postal, Early, Mobile and Proxy Arrangements in Individual Countries. 19.10.2020 // International Institute for democracy and electoral assistance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idea.int/news->

- media/news/special-voting-arrangements-svas-europe-country-postal-early-mobile-and-proxy (дата обращения: 10.07.2021).
17. *Heinmaa A., Kalandadze N.* Special Voting Arrangements in Europe: Postal, Early and Mobile Voting. Webinar series report, november 2020. Stockholm : International IDEA, 2021. 34 p.
 18. *James Toby S., Alihodzic Sead.* When Is It Democratic to Postpone an Election? Elections During Natural Disasters, Covid-19, and Emergency Situations // *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy.* 2020. Vol. 19. N 3. P. 344–362 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liebertpub.com/doi/full/10.1089/elj.2020.0642> (дата обращения: 24.06.2021).
 19. *Luhmann N.* Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives. In: *Trust: making and breaking cooperative relations.* Oxford : Basil Blackwell, 2008. P. 94–107 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nuffield.ox.ac.uk/users/gambetta/Trust_making%20and%20breaking%20cooperative%20relations.pdf (дата обращения: 11.07.2021).
 20. *Mazzucato M.* Capitalism After the Pandemic: Getting the Recovery Right. In: *Foreign Affairs.* 2020. N 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-02/capitalism-after-covid-19-pandemic> (дата обращения: 11.07.2021).
 21. *Rosanvallon P.* Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 336 p.
 22. *Spinelli A.* Managing Elections Under the COVID-19 Pandemic: The Republic of Korea's Crucial Test. Stockholm : International IDEA. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=LQHeDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA1&dq=info:NN2JAIRGdkJ:scholar.google.com&ots=_1Mp1Zs88S&sig=zAbmXwpRYZUj4785mCMFiv3G1E0&redir_esc=yv=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.06.2021).
 23. *Tarouco G.* Covid-19 and the Brazilian 2020 Municipal Elections Case Study, 19 February 2021. Stockholm : IDEA, 2021. 18 p.
 24. *Trust: making and breaking cooperative relations* / ed. Diego Gambetta. New York : Basil Blackwell, 1988. 246 p.
 25. *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. In: *International Organization.* 1992. Vol. 46. N 2. P. 391–425.

Об авторе:

Баранов Николай Алексеевич, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; nicbar@mail.ru

References

1. Alekseev R. A., Abramov A. V. Problems and prospects of using electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and abroad // *Citizen. Elections. Power* [Grazhdanin. Vybory. Vlast']. 2020. N 1 (15). P. 9–21. (In Rus).
2. Besset J. M. Quiet voice of reason. *Deliberative Democracy and the American System of Government.* M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 336 p. (In Rus).
3. Borisov I. B., Golovin A. G., Ignatov A. V. Elections in the world: electronic voting / total. ed. I. B. Borisov. M. : Russian Public Institute of Electoral Law, 2020. 218 p. (In Rus).
4. Dahl R. Democracy and its critics. M. : ROSSPEN, 2003. 576 p. (In Rus)
5. Krastev I. Management of mistrust. M. : Publishing house "Europe", 2014. 128 p. (In Rus).
6. Putnam R. For democracy to work. *Civil Traditions in Modern Italy.* M. : Ad Marginem, 1996. 287 p. (In Rus).
7. Post-image world: "We in Europe do not fully understand what we want" // *Global Dialogue.* Euronews. 04/26/2021 [Electronic source]. URL: <https://ru.euronews.com/2021/04/26/ru-tgc-effects-of-covid> (accessed: 11.07.2021). (In Rus).
8. Rosanvallon P. Counter-democracy: politics in the era of mistrust // *Emergency reserve* [Neprikosnovennyi zapas]. 2012. N 4 [Electronic source]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/kontrdemokratiya-politika-v-epohu-nedoveriya.html> (accessed: 22.06.2021). (In Rus).
9. Sinyavskaya O. Born by the pandemic // *Russia in global politics* [Rossiya v global'noy politike]. 2020. N 5 [Electronic source]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rozhdyonnye-pandemiej/> (accessed: 11.07.2021). (In Rus).
10. Tulchinsky G. L., Lisenkova A. A. The problem of trust and modern information and communication technologies // *Russian humanitarian journal* [Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal]. 2016. Vol. 5. N 2. P. 233–242. (In Rus).

11. Frank L.S. From reflections on the Russian revolution // *New world* [Novyy mir]. 1990. N 4. P. 207–226. (In Rus).
12. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity / per. from English. M. : OOO “AST Publishing House”: ZAO NPP “Ermak”, 2004. 730 p. (In Rus).
13. Shtompka P. Sociology. Analysis of modern society. 2nd ed. M. : Logos, 2010. 664 p. (In Rus).
14. Arrow K. J. The Limits of Organization. New York : W.W. Norton, 1974. 86 p.
15. Coleman J. S. Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1. München : Oldenburg, 1991. XVI. 474 s.
16. Heinmaa A. Special Voting Arrangements (SVAs) in Europe: In-Country Postal, Early, Mobile and Proxy Arrangements in Individual Countries. 19.10.2020 // International Institute for democracy and electoral assistance [Electronic source]. URL: <https://www.idea.int/news-media/news/special-voting-arrangements-svas-europe-country-postal-early-mobile-and-proxy> (accessed: 10.07.2021).
17. Heinmaa A., Kalandadze N. Special Voting Arrangements in Europe: Postal, Early and Mobile Voting. Webinar series report, november 2020. Stockholm : International IDEA, 2021. 34 p.
18. James Toby S., Alihodzic Sead. When Is It Democratic to Postpone an Election? Elections During Natural Disasters, Covid-19, and Emergency Situations // *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*. 2020. Vol. 19. N 3. P. 344–362 [Electronic source]. URL: <https://www.libertpub.com/doi/full/10.1089/elj.2020.0642> (accessed: 24.06.2021).
19. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives. In: Trust: making and breaking cooperative relations. Oxford : Basil Blacjwell, 2008. P. 94–107 [Electronic source]. URL: https://www.nuffield.ox.ac.uk/users/gambetta/Trust_making%20and%20breaking%20cooperative%20relations.pdf (accessed: 11.07.2021).
20. Mazzucato M. Capitalism After the Pandemic: Getting the Recovery Right. In: *Foreign Affairs*. 2020. N 6 [Electronic source]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-02/capitalism-after-covid-19-pandemic> (accessed: 11.07.2021).
21. Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 336 p.
22. Spinelli A. Managing Elections Under the COVID-19 Pandemic: The Republic of Korea’s Crucial Test. Stockholm: International IDEA. 2020 [Electronic source]. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=LQHeDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA1&dq=info:NN2JaIRGdkJ:scholar.google.com&ots=_1Mp1Zs88S&sig=zAbmXwpRYZUj4785mCMFiv3G1E0&redir_esc=yv=onepage&q&f=false (accessed: 24.06.2021).
23. Tarouco G. Covid-19 and the Brazilian 2020 Municipal Elections Case Study, 19 February 2021. Stockholm : IDEA, 2021. 18 p.
24. Trust: making and breaking cooperative relations / ed. Diego Gambetta. New York : Basil Blackwell, 1988. 246 p.
25. Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. In: *International Organization*. 1992. Vol. 46. N 2. P. 391–425.

About the author:

Nikolay A. Baranov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Professor; nicbar@mail.ru

Измерение политического доверия в условиях современной демократии*

Кириленко В. П. *, Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Обзорное систематическое исследование работ по проблеме измерения политического доверия, опубликованных в таких авторитетных научных журналах, как «European Political Science Review», «British Journal of Politics and International Relations», «Parliamentary Affairs», «Journal of Public Policy», «Political Science Quarterly», «Perspectives on Politics» и «International Journal of Public Opinion Research», демонстрирует в условиях современной демократии значительное внимание ученых к проблеме политического доверия и преследует своей целью развитие методологической базы для ее исследования. Методика обзора по проблеме измерения политического доверия основана на сравнительном анализе результатов научных исследований в области оценки политического доверия. Среди основных задач статьи: обобщение научных подходов к политическому доверию, характеристика методов его измерения, а также интерпретация результатов измерений политического доверия в условиях современной демократии и кризиса доверия. В задачи исследования входит выявление концептуальных научных работ западных ученых за период 2011–2021 гг., которые позволяют проследить модернизацию представлений об объекте политического доверия, характеризуют применяемые в современной социально-политической науке методы измерения уровня политического доверия, выявляют различия в формировании морального и стратегического доверия. Отличия политического доверия в моральном плане, где доверительные отношения складываются на основе опыта и личного взаимодействия субъектов, и доверия в стратегическом плане, где формируются политическая культура и определенные ожидания того, что политические лидеры будут принимать правильные, рациональные решения, основаны на фундаментальных представлениях о политическом порядке, где постоянные изменения формируют личные и институциональные связи. Измерение политического доверия, которое является основой взаимодействия граждан и государства, имеет принципиальное значение для характеристики качества демократии, а правовое государство невозможно без высокого уровня политического доверия.

Ключевые слова: политическая культура, рациональный выбор, делиберативная демократия, недоверие, факторный анализ

Для цитирования: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 22–34.

Measuring Political Trust in a Modern Democracy

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

Systematic review of articles on the problem of measuring political trust published in such authoritative scientific journals as “European Political Science Review”, “British Journal of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Politics and International Relations”, “Parliamentary Affairs”, “Journal of Public Policy”, “Political Science Quarterly”, “Perspectives on Politics” and “International Journal of Public Opinion Research”, demonstrates considerable attention of scientists to the problem of political trust in a modern democracy and pursues as its goal the development of a methodological basis for political trust research. The methodology of the review on the problem of measuring political trust involves a comparative analysis of the results of studies in the field of assessing political trust. Among the main tasks of the article are: generalization of scientific approaches to political trust, development of methods for political trust measurements and its result interpretation, characterization of the crisis of trust in a modern democracy. The objectives of the study include identifying conceptual scientific works of Western scientists for the period 2011–2021, which allow tracing the modernization of ideas about the object of political trust, characterize the methods of measuring the level of political trust used in modern socio-political science, and reveal differences in the formation of moral and strategic trust. The differences in moral political trust, where trusting relationships are formed on the basis of the experience and personal interaction of subjects, and strategic trust, where political culture is formed and certain expectations that political leaders will make correct, rational decisions are based on fundamental ideas about the political an order where constant change forms personal and institutional ties. Measuring political trust, which is the basis of interaction between citizens and the state, is an issue of fundamental importance for characterizing the quality of democracy, and the rule of law is impossible without a high level of political trust.

Keywords: political culture, rational choice, deliberative democracy, distrust, factor analysis

For citing: Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Measuring Political Trust in a Modern Democracy // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 22–34.

Политическое доверие в условиях современной демократии во многом определяет авторитет государства и легитимность институтов власти. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2020 г. справедливо отметил, что «сила государства не в тотальном контроле и мощи армии, а в доверии граждан»¹. Точен и его тезис о том, «что от того, есть доверие к власти или нет, зависит конечный успех»² в решении социально-экономических задач, стоящих перед страной. Доверие граждан к политическим лидерам, государственному аппарату, политическому классу и государству в целом оказывает существенное влияние на качество демократии и определяет настроения гражданского общества, при этом доктринальные оценки политического доверия могут существенно различаться в зависимости от методики его исследования и измерения.

Метод систематического обзора наиболее типичен для обобщения результатов социально-политических исследований [9]. Выявление авторитетных научных подходов к пониманию политического доверия и выбору методов его измерения основывается на сравнительном анализе методик используемых в рамках различных научных подходов к исследованию современной демократии. Поскольку социальная наука вне дискурса о персоналиях, это, по сути, литература без авторов, постольку анализ принципиальных подходов к измерению доверия основан на выделении в списках литературы обзораемых статей источников, определяющих их концептуальную и методологическую основу.

Демократическая концепция политического доверия отражена в Оксфордском справочнике по социальному и политическому доверию (The Oxford Handbook of

¹ В. В. Путин рассказал, в чем заключается сила государства [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201022/gosudarstvo-15810491451.html> (дата обращения: 26.10.2021).

² В. В. Путин: успех власти зависит от доверия граждан. Интервью телеканалу НТВ от 23 июня 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2206301/> (дата обращения: 26.10.2021).

Social and Political Trust) [36], который составлен авторитетными западными учеными, среди которых Марк Уоррен (Mark E. Warren), Эрик Усланер (Eric M. Uslaner), Пол Бауэр (Paul Cornelius Bauer), Маркус Фрайтаг (Markus Freitag), Марк Хог (Marc Hooghe) и др. М. Уоррен последовательно характеризует доверие как основу современной демократии через интеграцию неоконсервативного и делиберативного подхода к демократии с теоретическими представлениями о доверии как о рациональном выборе (rational choice) [42, p. 19]. В то время как неоконсервативный подход предполагает, что доверие к органам власти является частью политической и правовой культуры граждан [1; 36; 38; 42], делиберативная (совещательная) демократия исходит из того, что доверие формируется в процессе взаимодействия граждан и политических партий, а также отражается в демократическом дискурсе [36; 42]. Концепцию политического доверия, сформулированную в Оксфордском справочнике, можно обозначить как *оксфордский подход*, который основан на представлении о том, что рациональный выбор граждан в условиях демократии предполагает осознание ими рисков и актуальную оценку угроз национальной и международной безопасности. Рациональность политического выбора при этом отражает существование в массовом политическом сознании универсального представления о доверии, которое в итоге определяет политический выбор граждан, вовлеченных в культуральные и делиберативные демократические практики.

Оксфордский подход является современным развитием неоконсервативного подхода к политическому доверию, где политическая культура обогащается научным анализом влияния делиберативных демократических практик на политический выбор граждан. Теоретическую основу неоконсервативного подхода к проблемам политического доверия составляет концепция политической культуры американских политологов Габриэля Алмонда (Gabriel Abraham Almond) и Сиднея Верба (Sidney Verba), которые в середине XX века справедливо отмечали, что политическое доверие в условиях демократии один из центральных элементов гражданской культуры (civic culture) [1]. Изменения в политической культуре несомненно влекут за собой и трансформацию политического доверия, что демонстрируют процессы цифровизации государственных институтов. С внедрением цифровых технологий в политический процесс ряд аспектов доверия претерпевает значительные трансформации.

Во-первых, система «доверие — недоверие» становится формальным критерием для принятия управленческих решений; во-вторых, в основе доверительных отношений нередко находится рациональность математического свойства, то есть расчет (в том числе автоматизированный); и в-третьих, если государственная политика не отвечает ожиданиям конкретного гражданина, то у него возникает разочарование или безразличие, которые характеризуют переход от доверия к недоверию. В результате цифровизации доверие предлагается «раздавать» через интернет посредством технологии блокчейн, что предполагает создание системы управления ожиданиями граждан и способно породить спираль как доверия, так и недоверия внутри технологических систем. Решать проблему недоверия М. Уоррен и Э. Усланер предлагают через внедрение делиберативных практик в гражданскую культуру [36; 38; 42], в то время как П. Бауэр и М. Фрайтаг предлагают измерять доверие фактически через оценку вероятности принятия гражданином того или иного политически значимого решения [36, p. 15–36].

В современной социально-политической науке методики измерения доверия используют результаты опросов общественного мнения. П. Бауэр справедливо выделяет прямые и косвенные методики измерения политического доверия [36, p. 15]. В то время как прямые опросы позволяют испытуемым самостоятельно сообщать о своем доверии, косвенные измерения пытаются предсказывать доверительное поведение респондентов, наблюдая за их поведением и реакциями [36, p. 17–20].

В рамках оксфордского подхода к политическому доверию ведется дискуссия об оптимальном количестве показателей, демонстрирующих стратегическое доверие граждан к государственной власти [37; 38]. Многопозиционные методики косвенного исследования политического доверия, отражающие его скрытые показатели, обычно приветствуются, потому что они позволяют допускать меньше ошибок при измерении фактического отношения респондентов к политическим лидерам и институтам. В США стратегическое (обобщенное) доверие часто измеряется в соответствии с результатами Общего социального исследования (General Social Survey — GSS). Общее социальное исследование — это социологический опрос, который проводится и регулярно с 1972 г. Национальным центром изучения общественного мнения при Чикагском университете. GSS основан на интервьюировании респондентов по социально значимым вопросам [49].

Как полагает Э. Усланер, увеличение числа показателей доверия может снизить валидность (обоснованность) исследования в целом, так как некоторые факторы доверия не будут соответствовать конкретной базовой концепции исследования [37, р. 75–76]. Более того, если исследование измеряет вероятность доверительных отношений методом прямого опроса, то шкала вероятности требует, чтобы респонденты понимали концепцию вероятности [22, р. 219]. Конфирматорный факторный анализ (confirmatory factor analysis — CFA) предлагается использовать для научного обоснования выбора конкретной совокупности факторов, отражающих политическое доверие по отношению к определенному политическому институту [36, р. 35–36].

Оксфордский подход к политическому доверию имеет ряд недостатков, связанных с отождествлением лояльности и доверия граждан, а также уверенностью в том, что граждане априори заинтересованы в политическом участии. Как убедительно доказывает польский социолог Петр Штомпка (Piotr Sztompka) концепция доверия, основанная на рациональном выборе, зависит от ожиданий индивида в отношении действий других субъектов общественных отношений [33; 34]. В системах ожиданий, основанных на надежде и разочаровании или вере и сомнении, пассивность граждан связана с низкой степенью их заинтересованности в социальной деятельности и их нежеланием рисковать. Третья система координат, формирующая доверие, основана на риске и предполагает высокую степень заинтересованности индивида, при которой тот действует несмотря на неопределенность и риск. Действие, основанное на доверии, предполагает два основных компонента: (1) положительные ожидания в отношении реакции другого, (2) заинтересованность в конкретном результате и готовность рисковать ради достижения цели (ставка) [33; 34]. Политическое доверие при таком подходе «есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий» субъектов внешней и внутренней политики.

Критическая концепция политического доверия исходит из того, что под доверием в социально-политической науке понимаются различные виды социально-политических установок в политическом и правовом сознании граждан [12]. Очевидно, что если демократия является средством преодоления недоверия в обществе, то и всякий иной политический режим будет сталкиваться с проблемой недоверия в процессе решения кадровых и законодательных задач, а значит, именно причины недоверия имеют фундаментальное значение для демократии, где цинизм есть часть политической системы со времен Антисфена и Диогена Синопского. Проблема недоверия во многом раскрывается притчей киников об Антисфене, который в ответ на недоумение афинян в отношении его предложения о принятии постановления: «Считать ослов конями» заметил, что обычно голосованием они «делают из невежественных людей — полководцев» [17]. Эфемерность доверия граждан к избранным политическим лидерам очевидно объясняется ограниченными знаниями о личности избранных политиков и завышенными ожиданиями от их действий и решений, при этом вероятность соответствия будущих политических

решений фактическим интересам граждан плохо поддается измерениям методами современной социологии и политологии [2].

Анализ политического недоверия атакует явно патетическую идею о том, что доверие является фундаментальной основой сотрудничества, и, следовательно, отрицает факт того, что дефицит доверия угрожает жизнеспособности демократии. Понимание проблемы политического доверия через конфликт интересов можно условно обозначить как *стэндфордский подход*, в рамках которого профессора Стэндфордского университета Рассел Хардин (Russell Hardin), Карен Кук (Karen Cook), Маргарет Леви (Margaret Levi) совместно с другими авторитетными учеными исследовали различные проявления недоверия в условиях западной (преимущественно американской) демократии [8; 20]. Демократический принцип при принятии политических решений не исключает ошибок и разочарований, и американские политологи Джек Цитрин (Jack Citrin) и Лаура Стокер (Laura Stoker) объективно отмечают, что цинизм в основе демократии в принципе не располагает к доверию [6], с чем в общем соглашается и М. Уоррен, отмечая парадоксальность понимания демократии через доверие в то время как сами демократические процедуры призваны ограничить власть представителей политического класса, которые всеобщим доверием обычно не пользуются [42, р. 19].

В основе значительной части исследований доверия как рационального выбора, например у П. Штомпки, лежит концепция политического доверия Р. Хардина, которая экстраполирует логику морального доверия на политические процессы и основана на том, что, во-первых, доверие — изолированный интерес (в отношении между А и В доверие состоит из убеждения А в том, что В включает интерес А в свои собственные интересы), во-вторых, доверие основано на гарантиях защиты интересов агента (принципал А может гарантировать, что агент В будет действовать в интересах А — независимо от того, существует ли между ними доверие), в-третьих, система доверия или недоверия при наличии общих интересов в любом случае приводит к необходимой социальной координации, сотрудничеству и взаимодействию субъектов политических отношений [8]. «Защита интересов партнера» в работах Р. Хардина постепенно развивается в рациональный расчет, при котором ставка, как проявление доверия, делается принципалом на выполнение обязательств агентом, так как реализуется стратегия выполнения обязанностей для будущей выгоды от продолжения контактов с партнером, при которых приобретенная репутация ценится выше, чем возможный обман [34].

Ряд социально-политических исследований характеризуют доверие как решающий фактор, определяющий восприятие гражданами риска или опасности, степень страха или беспокойства, которые они испытывают, живя в непосредственной близости от потенциальной опасности, а также их поддержку или сопротивление размещению объекта по переработке опасных отходов в область, в которой они живут [8; 20]. В исследованиях стэндфордского подхода доверие в его связи с общественным мнением и голосованием позволяет регулировать отношения между гражданами и государством политическими инструментами. Во-первых, формирование суждений о надежности правительства или политиков — это не только идеологическая или партийная реакция на конкретные действия администрации, но и обобщенные суждения, которые влияют на то, одобряют или отвергают граждане существующие власти и государственную политику или институциональные реформы. Во-вторых, стратегические доверительные суждения о правительстве или политиках — не единственные доверительные суждения, достойные политического исследования, так как суждения о моральной благонадежности конкретных политиков могут иметь гораздо большее значение, чем предполагают измерения стратегического доверия [8].

В рамках критического подхода к политическому доверию возникает теория процессуальной справедливости, которая обоснует необходимость доверия к право-

охранительным институтам. Процессуальная справедливость — это, по сути, теория институциональной легитимности, которая фокусируется на процессах, связанных с осуществлением власти, и на преобразовании власти в законную власть таким образом, чтобы обеспечить соблюдение нормативных требований. Справедливое и уважительное отношение к гражданам со стороны полиции необходимо для ее институциональной легитимности с точки зрения граждан [35]. При этом очевидно, что измерить процент граждан, доверяющих полиции, можно посредством факторного опроса, а вот степень недоверия и радикализации протеста при нарушении процессуальной справедливости плохо поддается измерениям.

В рамках оксфордского подхода решение проблемы принципиально разных результатов при измерении политического доверия и недоверия находится в моральном плане. Классификация доверия на моральное и стратегическое, предложенная Э. Усланером [38], позволяет рассматривать большинство проявлений недоверия как проблему, лишь косвенно связанную с политической культурой и стратегическим доверием. Теоретические концепции недоверия во многом характеризуют причины революционных настроений в обществе через *критическое отношение* к публичной власти, которое долгое время носит имплицитный характер, но затем переходит в эксплицитную фазу под воздействием актуализации угроз безопасности, таких как бедность, неравенство и коррупция. Очевидно, что угрозы безопасности противоречат ожиданиям тех, кто практикует пассивное доверие к институтам власти. Если делиберативное политическое доверие определяется готовностью граждан прилагать усилия и нести расходы в интересах государства, определенной политической партии или движения, то измерение такого участия имеет социальные показатели (число участников и сторонников политических акций, их процент от общего числа граждан) и экономическую составляющую (партийные взносы и пожертвования на избирательные кампании), показателем доверия к политической системе может также служить активность в реализации пассивного избирательного права со стороны представителей социальных элит, однако на практике измерение политического доверия осуществляется в соответствии с методикой оксфордского подхода.

Журнал «European Political Science Review» (Cambridge) публикует ряд интересных исследований в области политического доверия, которые носят как теоретический, так и прикладной характер и отражают весь спектр научных подходов к измерению политического доверия.

Статья Кеннета Ньютона (Kenneth Newton) и Сони Змерли (Sonja Zmerli) «Три формы доверия и их объединение» [26] является логическим продолжением их исследования «Социальное доверие и отношение к демократии» [49] и во многом обогащает демократическую концепцию политического доверия, выявляя взаимосвязи между моральным доверием, стратегическим социальным доверием и политическим доверием. Измерение доверия авторы осуществляют на основе Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS), который отражает влияние показателей морального доверия на качество современной демократии. При этом отмечается сложный характер взаимной зависимости между разными формами доверия. В то время как специальное (моральное) социальное доверие является необходимым, но недостаточным условием для стратегического социального доверия, обе формы социального доверия представляются авторам статьи необходимыми, но недостаточными условиями для политического доверия [26].

Проблемам с измерением политического недоверия посвящена статья Эри Берцу (Eri Bertsou) «Переосмысление политического недоверия» [2]. Сравнительный анализ стратегической теории политического доверия, основанной на измерении общей гражданской культуры и уверенности граждан в том, что национальное правительство все делает правильно с альтернативной теорией доверия, основан-

ной на этической взаимности [8; 34; 38], демонстрирует, что доверие и недоверие могут иметь совершенно разные показатели, более того, при наличии методик измерения доверия, измерение недоверия остается нерешенной задачей. Критический подход к политическому доверию фокусируется на отношениях между членами коллектива и опирается на общественные нормы. Это в некоторой степени проясняет природу политического доверия и недоверия, учитывая, что политические институты и агенты действуют как часть коллектива, при этом не принимая во внимание вертикальный характер отношений гражданин-государство [2].

Исследование «Влияние политического доверия и доверия к европейским гражданам на европейскую идентичность», выполненное коллективом авторов при участии М. Хога, демонстрирует, что измерение политического доверия на практике вызывает значительные трудности как в определении объектов доверия, так и в преодолении субъективизма респондентов при оценке ими своего отношения к политическим структурам. Так, например, при характеристике европейской идентичности социальные подходы измеряют доверие к европейским гражданам, поскольку это позволяет европейцам идентифицировать себя с Европейским Союзом как сообществом граждан и ценностей, в то время как институциональный подход предполагает, что общая европейская идентичность преимущественно основана на доверии к политическим институтам ЕС [39]. Конфирматорный факторный анализ (confirmatory factor analysis — CFA) показывает, что оба пункта измеряют одну и ту же основную концепцию [39]. При этом очевидно, что результаты опросов, например французов, по вопросу доверия к институтам ЕС и по вопросам доверия к гражданам других государств — членов ЕС могут не совпадать.

Кризису недоверия посвящена статья «Роль политического доверия в формировании восприятия коррупции» [46]. При измерении недоверия авторы используют факторы индекса восприятия коррупции. В статье на основе данных британских социологических опросов демонстрируется связь между политическим недоверием и предполагаемым коррупционным поведением. В условиях западной демократии уровень политического недоверия определяется вероятностью коррупционных ожиданий со стороны граждан [46].

Следуя логике оксфордского подхода, индивидуальные формы политического участия являются частным случаем проявлений политического доверия [36, р. 617–630]. Так, например, статья Микко Маттила (Mikko Mattila) «Мобилизует ли плохое здоровье людей на действия? Здоровье, политическое доверие и участие», анализируя данные из Финляндии, использует модели структурных уравнений для изучения взаимосвязи между здоровьем, политическим доверием, институциональным и неинституциональным политическим участием [25]. Несмотря на сложность математического аппарата в процессе анализа данных выводы не обладают четкими количественными параметрами. Плохое здоровье связано с увеличением неинституционального участия, в то время как хорошее здоровье способствует традиционному институциональному участию, так как у людей с хорошим здоровьем больше доверия к политической системе, а плохое здоровье связано со снижением доверия [25].

Логика стэндфордского подхода состоит в восприятии недоверия через три широких фактора недоверия: техническая некомпетентность и фактические неудачи, поведение, которое нарушает общие представления о праве и справедливости, а также поведение, несовместимое с интересами граждан. Эти оценочные компоненты основаны на эмпирических и теоретических выводах, но не были синтезированы ранее для объяснения концепции политического недоверия [6]. Недоверие к государственному субъекту отражает уверенность в том, что этот субъект неспособен выполнить требования своей технической роли. Концептуальным выводом из исследования отдельных проявлений недоверия является

«оговорка против уверенности в том, что падение доверия можно быстро или легко обратить вспять» [6, р. 49].

Журнал «British Journal of Politics and International Relations» (Sage) публикует материалы небезынересной научной дискуссии о многоплановости политического доверия между М. Хогом и коллективом ученых в составе: Джастин Фишер (Justin Fisher), Дженнифер ван Хирде-Хадсон (Jennifer van Heerde-Hudson), Эндрю Такер (Andrew Tucker). М. Хог на основе системного исследования выборов в Великобритании доказывает, «что политическое доверие — это одномерное отношение, поскольку граждане не делают различий между функционированием различных политических институтов» [16, р. 269]. Соглашаясь с Э. Усланером в том, что «политическая культура — это системная характеристика, которая будет определять поведение большинства политических акторов и институтов» [16; 38], М. Хог в статье формирует представление о политическом доверии как о преобладающей политической культуре в политической системе. В свою очередь Дж. Фишер, Дж. ван Хирде-Хадсон и Э. Такер указывают на некорректность объединения в рамках одного исследования стратегического, морального и делиберативного доверия [11], последовательно демонстрируя результаты мониторинга британских электоральных институтов, где очевидны отличия между доверием к партиям и политикам [11; 12].

В рамках критического подхода к исследованию делиберативной демократии политическое доверие нередко отождествляется с представлениями избирателей о честности и надежности правительства. О критическом характере таких исследований свидетельствует акцент на факторах недоверия, которые динамично меняются, плохо поддаются измерениям и объективным оценкам, и скорее характеризуют общий кризис политической системы, чем качество демократии. Так, например, группа британских ученых в статье «Почему избиратели теряют доверие к правительству? Общественное мнение о честности и надежности правительства в Великобритании, 2000–2013 гг.» доказывает очевидный факт: «если люди чувствуют, что экономическая политика и предоставление государственных услуг работают хорошо, а также что демократия эффективна, то они будут доверять нынешнему правительству» [21].

Журнал Parliamentary Affairs (Hansard Society) публикует прикладные исследования в области представительной демократии, которые демонстрируют факторы, определяющие положительное отношение граждан к политическим институтам. Так, данные социологических опросов в Испании, Франции и Великобритании эмпирически подтверждают теорию влияния на политическое доверие форм поведения, нарушающих социальные, политические и правовые нормы, в том числе отказ от политических обещаний [28]. Анализируя данные Австралийского исследования конституционных ценностей (Australian Constitutional Values Survey)¹, делается вывод о том, что если поддержка прямой демократии наиболее сильна среди политически недовольных граждан, то более широкое использование прямой демократии может сыграть роль в решении проблемы снижения политического доверия в Австралии [18]. Исследование политолога Мэтью Флиндерса (Matthew Flinders) констатирует появление «разрыва в доверии» (trust gap) на фоне пандемии COVID-19, который в известной степени подчиняется логике недоверия [13].

Авторский подход к измерению морального политического доверия предлагает британский ученый Пол Уайтли (Paul Whiteley). Он использует систему «индикаторов политических ценностей» (Indicators of political values), которые предопределяют политическое доверие к конкретному гражданину. В ходе исследования было установлено, что ключевыми индикаторами политических ценностей, по мнению бри-

¹ GriffithNews [Электронный ресурс] URL: <https://news.griffith.edu.au/topics/australian-constitutional-values-survey/> (дата обращения: 26.10.2021).

танских респондентов, являются знание и соблюдение закона, а также участие в жизни местного сообщества; подданные, которые разделяют эти ценности, пользуются наибольшим доверием среди британцев [44].

Исследования политического доверия, опубликованные европейскими учеными в журналах «European Journal of Political Research» и «Political Studies», подтверждают представления оксфордской школы о том, что доверие производно от политической культуры, которая активно формируется в процессе работы образовательных учреждений [23]. Частью политической культуры образованных граждан являются ожидания того, что правительство будет действовать ответственно и правильно, при этом доверие к демократическим институтам предлагается повышать за счет участия общественности в делиберативных политических практиках везде, где есть разногласия и недоверие. Идея преодолевать недоверие и скептицизм через вовлечение граждан в политические процедуры и мероприятия вообще свойственна британской политической доктрине [3].

На страницах «Journal of Public Policy» (Cambridge) и «Political Science Quarterly» (Wiley) отражены результаты социологических опросов, которые характеризуют взаимосвязь политического доверия с экономическими показателями и социокультурными конфликтами в странах с формирующейся демократией [5; 47]. Вместе с тем на основе данных из стран с развитыми демократическими институтами очевидно влияние на стратегическое политическое доверие таких факторов, как социальная конфликтность [43] и проблемы с обеспечением благополучия (welfare) граждан [10]. Очевидно, что политическое доверие, как часть политической культуры США, зависит от готовности граждан к конструктивному сотрудничеству с государством и институтами гражданского общества [19].

В «International Journal of Public Opinion Research» (Oxford) доверие в современных демократических обществах рассматривается как основа социальной гармонии, экономической эффективности и демократического правления, что подтверждается результатами социологических исследований [48]. Измерения политического доверия на практике предполагают оценку показателей стратегического доверия, которое нередко характеризуется как обобщенное (generalized) [32]. Однако, поскольку методика широкого круга исследований политического доверия предполагает опрос респондентов, а респонденты, в свою очередь, не склонны различать доверие на моральное, стратегическое и делиберативное, то и результаты таких опросов необходимо всегда подвергать критическому анализу, так как респонденты при ответах на вопросы анкет руководствуются личным опытом, который нередко строго индивидуален.

При измерении стратегического доверия нередко используются медийные материалы, где плохие новости и негативный контент отражают кризис доверия [4], однако полевые исследования политического доверия, а также методология создания панели, сочетающей технологию интернет-опросов с моделями лонгитюдного исследования (longitudinal design), обладают более обстоятельным математическим аппаратом [30].

Доверие к политическим институтам нередко рассматривается как важная предпосылка стабильности демократических политических систем. Однако мнения расходятся относительно того, как формируется такое отношение. Полевые исследования среди подростков показывают, что эта возрастная группа уже имеет достаточно стабильный уровень политического доверия, даже до того, как они получили непосредственный опыт функционирования политических систем [7].

Стратегическое доверие граждан к действиям государственных органов, например, правоохранительных органов по борьбе с террористическими угрозами, измеряется посредством социологических опросов и методом включенного наблюдения за контентом медиаресурсов. С одной стороны, опросы позволяют выявить

реакции общества на террористические атаки и страх перед новыми атаками [31], с другой стороны, протестное отношение к власти и ожидания того, как другие будут реагировать на несогласие, снижают доверие к демократическим институтам и объясняют то, как «протестные сети ослабляют политическое участие» (*hostile networks dampen participation*) [24], формируя цинизм и недоверие в обществе.

Стратегическое доверие граждан к политическому режиму имеет особое значение в условиях экономического и миграционного кризиса. Доверие к правительству в новой принимающей мигранта стране формируется предварительным знакомством людей с демократией в период до взрослой социализации в странах их происхождения. Иммигранты, социализированные при более демократических режимах, выказывают меньшее доверие к национальному правительству, чем их сверстники, социализированные при авторитарных системах [41].

Стратегическое доверие граждан к политическим партиям и их лидерам связано с электоральной волатильностью и соответственно здесь рационально задействовать методики лонгитюдного исследования для отслеживания политической динамики и рисков изменения партийных предпочтений. Очевидно, что нестабильность и снижение стратегического доверия побуждают избирателей, особенно сторонников правящей партии, изменить партийные предпочтения [40].

Редакция журнала «*Perspectives on Politics*» (Cambridge) нередко понимает под политическим доверием готовность граждан поддержать определенные политические силы и решения. Американский ученый Аарон Розенталь (Aaron J. Rosenthal) рассматривает различные уровни политического доверия в США, измеряет его в процентах на основе интервьюирования и анкетирования граждан — респондентов. Его исследование изначально признает длительный кризис доверия, отмечая тот факт, что только 15% американцев выражали доверие к правительству в 2015 г. по сравнению с 77% в 1964 г. Причинами политического недоверия стали такие факторы, как коррупция и нерациональный расход налогов государством. При измерении стратегического политического доверия А. Розенталь не только избегает сложного конфирматорного факторного анализа, но и в своем «консервативном тесте» (а по сути интервью) полагается на единственный вопрос респондентам: как часто они могут доверять правительству в Вашингтоне делать то, что правильно? [29, р. 1].

Ряд специальных исследований показывают, что доверие к правительству может повлиять на успешное сдерживание пандемии COVID-19 [14; 27], однако излишнее использование государством административного ресурса может отрицательно сказаться на стратегическом политическом доверии. Данные из США показывают, что граждане склонны больше доверять местным органам правоприменения, чем федеральным службам, о работе которых они мало осведомлены. Основными факторами доверия между гражданами и органами правоприменения являются: обеспечение безопасности членов семьи, эффективная защита прав человека и недопущение дискриминации, а также обеспечение конфиденциальности [45].

Выводы:

1. Научные исследования, нацеленные на то, чтобы охарактеризовать или измерить политическое доверие, представляется рациональным начинать с акцентирования внимания исследователя на политической культуре (доверии) или скепсисе (недоверии) граждан. При измерении доверия будет рациональным определиться с тем, какие аспекты доверия (моральные, стратегические или делиберативные) являются объектом исследования. Для измерения стратегического политического доверия в условиях современной демократии Оксфордский справочник по социальному и политическому доверию предлагает методику, получившую широкое признание и распространение. В итоге измерение стратегического политического доверия сводится к обоснованию факторов, которые

характеризуют доверительное отношение граждан к политическим институтам, однако следует учитывать, что измерение недоверия или морального доверия по этой методике не получило широкого распространения в научных работах и сводится к интервьюированию респондентов для выявления причин недоверия или факторов морального доверия.

2. Факторный анализ как метод измерения политического доверия демонстрирует, что граждане, управляя своими ожиданиями и делая ставку на стабильность, могут следовать логике рационального оппортунизма, они способны долгое время обнадеживать себя и окружающих надеждами на положительные изменения и верой в абстрактные идеалы политической культуры, однако такое пассивное доверие скорее демонстрирует слабость власти при решении политических задач. Демократия, основанная на политическом участии и наличии оппозиции, очевидно требует от граждан активных проявлений доверия в форме реальных действий, направленных на реализацию своих ожиданий. Измерение уровня делиберативных аспектов доверия, как нам представляется, может способствовать более точным представлениям о качестве современной демократии.

3. Доверие граждан к законам и правоохранительным органам — важная составляющая политического доверия в условиях современной демократии. Несправедливые и плохо понятные для демократического государства законы могут быть причиной формирования цинизма и недоверия. Так, например, с одной стороны, в правовом государстве ответственность может наступать только за нарушение закона, однако при отстранении гражданских служащих от должности по недоверию, под недоверием понимается в том числе возникновение «у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов» (Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Увольнение в связи с утратой доверия (п. 2 ст. 59.2)). В условиях демократии всегда выглядит сомнительным увольнение «в связи с утратой доверия» представителя оппозиционных политических взглядов, а значит, для формирования стратегического доверия в обществе справедливость законов и высокое качество правосудия являются важнейшими факторами.

Литература/References

1. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage, 1963. 574 p.
2. Bertou E. Rethinking political distrust // *European Political Science Review*. 2019. Vol. 11. Is. 2. P. 213–230.
3. Boulianne S. Building Faith in Democracy: Deliberative Events, Political Trust and Efficacy // *Political Studies*. 2019. Vol. 67. Is. 1. P. 4–30.
4. Brosius A., Van Elsas E. J., De Vreese C. H. Bad News, Declining Trust? Effects of Exposure to Economic News on Trust in the European Union // *International Journal of Public Opinion Research*. 2020. Vol. 32. Is. 2. P. 223–242.
5. Cinar S.K., Kose T. Political Trust in Nonconsolidated Democracies: The Turkish Case in Comparative Perspective // *Political Science Quarterly*. 2020. Vol. 135. Is. 3. P. 467–497.
6. Citrin J., Stoker L. Political Trust in a Cynical Age // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P. 49–70.
7. Claes E., Hooghe M., Marien S. A Two-Year Panel Study among Belgian Late Adolescents on the Impact of School Environment Characteristics on Political Trust // *International Journal of Public Opinion Research*. 2012. Vol. 24. Is. 2. P. 208–224.
8. Cook K. S., Hardin R., Levi M. *Cooperation without Thrust?* New York : Russell Sage Foundation. 2007. 272 p.
9. Davis J., Mengersen K., Bennett S., Mazerolle L. Viewing systematic reviews and meta-analysis in social research through different lenses // *Springer Plus*. 2014. Vol. 3. P. 511.

10. Edlund J., Lindh A. Institutional trust and welfare state support: On the role of trust in market institutions // *Journal of Public Policy*. 2013. Vol. 33. Is. 3. P. 295–317.
11. Fisher J., van Heerde-Hudson J., Tucker A. Why Both Theory and Empirics Suggest There is More than One Form of Trust: A Response to Hooghe // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2011. Vol. 13. Is. 2. P. 276–281.
12. Fisher J., Van Heerde J., Tucker A. Does One Trust Judgement Fit All? Linking Theory and Empirics // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2010. Vol. 12. P. 161–188.
13. Flinders M. Democracy and the Politics of Coronavirus: Trust, Blame and Understanding // *Parliamentary Affairs*. 2021. Vol. 74. Is. 2. P. 483–502.
14. Goldstein D., Wiedemann J. Who Do You Trust? The Consequences of Partisanship and Trust for Public Responsiveness to COVID-19 Orders // *Perspectives on Politics*. 2021. P. 1–27.
15. Hoffman A. M. The Structural Causes of Trusting Relationships: Why Rivals Do Not Overcome Suspicion Step by Step // *Political Science Quarterly*. 2007. Vol. 122. Is. 2. P. 287–312.
16. Hooghe M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2011. Vol. 13. Is. 2. P. 269–275.
17. Kennedy W. J. *Antisthenes' Literary Fragments: Edited with Introduction, Translations, and Commentary*. Sydney, 2017.
18. Kildea P., Brown A. J., Deem J. When Should the People Decide? Public Support for Direct Democracy in Australia. *Parliamentary Affairs* 2020, gsaa019.
19. Kydd A. In America We (Used to) Trust: U. S. Hegemony and Global Cooperation // *Political Science Quarterly*. 2006. Vol. 120. Is. 4. P. 619–636.
20. Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. P. 475–507.
21. Maloy J. S. Two concepts of trust // *Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, Iss. 2. p. 492–505.
22. Manski C. F., Molinari F. Rounding Probabilistic Expectations in Surveys // *Journal of Business and Economic Statistics*. 2010. Vol. 28. Is. 2. P. 219–231.
23. Marien S., Hooghe M. Does political trust matter? An empirical investigation into the relation between political trust and support for law compliance // *European Journal of Political Research*. 2011. Vol. 50. P. 267–291.
24. Matthes J. Do Hostile Opinion Environments Harm Political Participation? The Moderating Role of Generalized Social Trust // *International Journal of Public Opinion Research*. 2013. Vol. 25. Is. 1. P. 23–42.
25. Mattila M. Does poor health mobilize people into action? Health, political trust, and participation // *European Political Science Review*. 2020. Vol. 12. Is. 1. P. 49–65.
26. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association // *European Political Science Review*. 2011. Vol. 3. Is. 2. P. 169–200.
27. Peyton K. Does Trust in Government Increase Support for Redistribution? // *American Political Science Review*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 596–602.
28. Rose R., Wessels B. Money, Sex and Broken Promises: Politicians' Bad Behaviour Reduces Trust // *Parliamentary Affairs*. 2019. Vol. 72. Is. 3. P. 481–500.
29. Rosenthal A. Submerged for Some? Government Visibility, Race, and American Political Trust // *Perspectives on Politics*. 2020. P. 1–17.
30. Scherpenzeel A. C., Das M. "True" longitudinal and probability-based Internet panels: Evidence from the Netherlands // *Social and behavioral research and the internet: Advances in applied methods and research strategies* / Das M., Ester P., Kaczmirek L. (eds.). Boca Raton : Taylor & Francis. 2010. P. 77–104.
31. Steen-Johnsen K., Slagsvold Winsvold M. Islamist Terrorism, Out-Group Trust, and Motivation to Control Prejudice // *International Journal of Public Opinion Research*. 2020. Vol. 32. Is. 3. P. 621–640.
32. Sturgis P., Smith P. Assessing the Validity of Generalized Trust Questions: What Kind of Trust are we Measuring? // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 22. Is. 1. P. 74–92.
33. Sztompka P. Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy // *European Journal of Social Theory*. 1998. Vol. 1. Is. 1. P. 19–32.
34. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press. 2000. 228 p.
35. Tyler T., Fagan J. Legitimacy and Cooperation: Why Do People Help the Police Fight Crime in Their Communities? // *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006. Vol. 6. P. 231–276.
36. Uslaner E. M. (ed.). *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 752 p.

37. Uslaner E. M. Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
38. Uslaner E. M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 298 p.
39. Verhaegen S., Hooghe M., Quintelier E. The effect of political trust and trust in European citizens on European identity // European Political Science Review. 2017. Vol. 9. Is. 2. P. 161–181.
40. Voogd R., van der Meer T., van der Brug W. Political Trust as a Determinant of Volatile Vote Intentions: Separating Within- From Between-Person Effects // International Journal of Public Opinion Research. 2019. Vol. 31. Is. 4. P. 669–693.
41. Wals S. C., Rudolph T. J. Lost in Acculturation? Premigratory Exposure to Democracy and Immigrants' Political Trust in the United States // International Journal of Public Opinion Research. 2019. Vol. 31. Is. 1. P. 70–92.
42. Warren M. E. (ed.). Democracy and trust. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 370 p.
43. Weible C., Heikkilä T., Pierce J. Understanding rationales for collaboration in high-intensity policy conflicts // Journal of Public Policy. 2018. Vol. 38. Is. 1. P. 1–25.
44. Whiteley P. Does Citizenship Education Work? Evidence from a Decade of Citizenship Education in Secondary Schools in England // Parliamentary Affairs. 2014. Vol. 67. Is. 3. P. 513–535.
45. Wong T., Kang S., Valdivia C., Espino J. at al. How Interior Immigration Enforcement Affects Trust in Law Enforcement // Perspectives on Politics. 2020. P. 1–14.
46. Wroe A., Allen N., Birch S. The role of political trust in conditioning perceptions of corruption // European Political Science Review. 2013. Vol. 5. Is. 2. P. 175–195.
47. Yap O. How political trust matters in emergent democracies: Evidence from East and Southeast Asia // Journal of Public Policy. 2019. Vol. 39. Is. 2. P. 295–328.
48. Zhang R. J., Liu J. H., Brown G., Gil de Zúñiga H. A Network Analysis of Global Trust Across 11 Democratic Countries // International Journal of Public Opinion Research. 2021. Vol. 33. Is. 1. P. 147–158.
49. Zmerli S., Newton K. Social trust and attitudes toward democracy // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72. P. 706–724.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Внешнеполитический образ Чеченской Республики в зарубежных СМИ

Евсеев А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; evseevau@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется внешнеполитический образ Чеченской Республики, формирующийся в том числе путем публикаций в зарубежных СМИ. Отмечается, что вопросы его формирования и адаптации к условиям внешнего позиционирования являются важными составляющими стратегической коммуникации в медиаполитике региона. Результаты исследований помогут обозначить основные тенденции стратегии и тактики медиаполитики в отношении зарубежных медиа.

Целью исследования является выявление тенденций в освещении жизни Чеченской Республики зарубежными СМИ. В задачи исследования входило изучение приемов и тональности освещения жизни Чеченской Республики в зарубежных медиа, а также выявление наиболее востребованных и эффективных инструментов работы с зарубежными авторами.

Методология и методика исследования определяются поставленными целями и задачами, автор применял тематический мониторинг, сравнительный анализ, контент-анализ как стандартный метод исследования в политических науках, предметом анализа которого является содержание текстовых массивов и продуктов политической коммуникации. Базовыми для исследования стали публикации в изданиях The Times, берлинского журнала Fokus, аналитического агентства Stratfor, Berliner Kurier, а также материалы агентства Аль Джазира.

Выводы. Гипотеза исследования в целом подтвердилась: выявлена фрагментарность освещения событий и жизни Чеченской Республики, медиаобраз республики в зарубежных СМИ формируется стихийно. Конъюнктурность медиаобраза формируется под воздействием политических событий в мире, не имеющих прямого отношения к жизни региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чеченская Республика, регион, медийная политика, медиаобраз, стратегические коммуникации, тональность подачи информации, критерии формирования медиаобраза

Для цитирования: *Евсеев А. Ю.* Внешнеполитический образ Чеченской Республики в зарубежных СМИ // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 35–45.

Foreign Political Image of the Chechen Republic in Foreign Media

Alexander Yu. Evseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; evseevau@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the external media image of the Chechen Republic, which is formed, among other things, through publications in foreign media. It is noted that the issues of its formation and adaptation to the conditions of external positioning are important points of strategic communication in the media policy of the region. The results of the research will help to develop criteria for the effectiveness of submitting materials for foreign authors, as well as to identify the main trends in the strategy and tactics of media policy in relation to foreign media.

The purpose of the study is to identify criteria and trends in the coverage of the life of the Chechen Republic by foreign media. The objectives of the research were to study the tech-

niques and tonality of coverage of the life of the Chechen Republic in foreign media, as well as to identify the most popular and effective tools for working with foreign authors.

The methodology and methodology of the research is determined by the set goals and objectives, the author used thematic monitoring, comparative analysis, content analysis as a standard method of research in the field of social sciences, the subject of analysis of which is the content of text arrays and products of communicative information.

The hypothesis of the study was generally confirmed: the fragmentary coverage of events and the life of the Chechen Republic was revealed, the media image of the republic in foreign media is formed spontaneously. The opportunism of the media image is formed under the influence of political events in the world that are not directly related to the life of the region.

Keywords: The North Caucasus, the Chechen Republic, the region, media policy, strategic communications, the tone of information presentation, criteria for the formation of a media image

For citing: Evseev A.Yu. Foreign Political Image of the Chechen Republic in Foreign Media // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 35–45.

Введение

Медиаобраз региона является составляющей имиджа государства, поэтому вопросы его формирования и адаптации к условиям внешнего позиционирования являются важными пунктами стратегической коммуникации в медиаполитике страны [11, с. 111; 17, р. 12]. Концепция медиаобраза помогает изучить, как объект отражается в сознании аудитории.

Объект или событие воспринимаются посредством визуальных, аудиальных и других способов потребления информации. Аудитория воспринимает информацию как набор смыслов, которые формируют ассоциации и концепты, необходимые региону для успешного представления своих позиций, особенно это важно с точки зрения формирования информационных потоков на международной арене. Читатели зарубежных СМИ в основном составляют мнение о той или иной стране, регионе по публикациям, размещаемым в сетевом пространстве. Для формирования эффективных коммуникаций в медиаполитике важно полноценно представлять информацию о регионе, а также тональность подачи новостей и аналитики. Как показывает практика и анализ зарубежных СМИ, адекватное освещение событий того или иного региона России в зарубежных медиа происходит не всегда, зачастую публикации становятся средством пропаганды и антипропаганды. Освещение жизни в Чеченской Республике во многом зависит от общего распределения информационных потоков, в зарубежных СМИ часто расставляются не вполне объективные акценты в угоду тем или иным политическим силам [18, р. 225]. Первичный анализ материалов о Чечне в зарубежных СМИ заставил задуматься о том, какие существуют тенденции в освещении жизни республики Северного Кавказа за рубежом и для зарубежных читателей.

Обсуждение. Исследований зарубежных медиа, освещающих события в России, немного, и совсем недостаточно посвященных отражению в медиа Чеченской Республике. Специалисты в области массовых коммуникаций отмечают, что окружающий мир воспринимается людьми через призму образов [15, с. 14], медиатексты — не исключение. Образы, как правило, субъективны, поэтому анализировать условия их функционирования в социально-политическом и психологическом контексте. Ориентирует не столько сам образ, сколько его включенность в картину мира аудитории. Так, исследователь Н. Ю. Ланцевская отмечает несомненное и важное влияние медиаобраза на процесс формирования бренда территории: «Для успешного продвижения территории необходима направляемая и контролируемая политика создания медиаобраза, который будет привлекательным для внешней

целевой аудитории: медиаобраз должен транслировать узнаваемый визуальный образ территории, слоган-позиционирование, культурные, природные, символические доминанты места и прочее» [8, с. 102]. Изучая медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ, А. Н. Всеволодова, обращает внимание на детализацию событий, которые используют журналисты для описания жизни городов и помогает расставить нужные акценты. По мнению исследователя, медиаобраз городов является важной составляющей понимания и принятия/непринятия жизни региона читателем, так как городская культура и инфраструктура в современном восприятии региона является часто доминирующей.

Этот тезис стал одним из критериев в методологии исследования зарубежных медиа (выдвигалась гипотеза о том, что о городах Чечни почти не пишут, за исключением новостей о столице — Грозном). В этом городские и сельские поселения являются частью национальной идентичности: это один из способов, с помощью которого «журналисты могут способствовать культурному «освоению» читателями просторов России, городской активной жизни вдали от столицы» [4, с. 153].

Исследователи рассматривают медиаобразы регионов в сравнительном аспекте. Например, А. Р.-К. Фархадова анализирует медиаобразы России и Азербайджана за период 2000–2015 гг., выявляя положительную динамику их развития. По мнению автора, такая форма позиционирования региона, как освещение взаимодействия государств и негосударственных организаций, приводит к созданию позитивных образов стран: «главным фактором, повлиявшим на становление положительной динамики развития образов, явилась деятельность общественных институтов и гражданских обществ: русская и азербайджанская диаспоры в Азербайджане и России, созданные организации через каналы СМИ всячески способствуют лучшему взаимопониманию народов, освещая жизнь стран» [12, с. 188].

Обзор литературы и источников по исследуемой теме подводит к размышлениям о необходимости изучения подходов к формированию внешнего медиаобраза как инструмента медийной политики региона (и страны в целом). Принципы такого формирования сводятся к следующему: 1) видимость субъекта в информационном пространстве; 2) количество смысловых характеристик; 3) интенсивность оценочных характеристик [5, с. 15–17]. Исходя из сказанного, для успешного функционирования образа региона в медиа важно учитывать особенности восприятия информации о территории (регионе), а также обратить внимание на риторику и тональность СМИ при освещении событий или фактов, касающихся того или иного государства или территории. Гипотеза актуальна и поэтому была проверена на материалах исследования автора статьи.

Исследователь медиа Е. Г. Фируллина отмечает, что критерием конструирования медиаобраза является специфика издания, поддерживающего тот или иной медиаобраз, автор рассматривает, как медиаобраз России репрезентируется в глянцево-модном журнале на примере журнала «Vogue». «Русский балет, вокзалы, старинные особняки, меховые шапки и шубы, березовые рощи, кокошники и другие культурные единицы создают хорошо узнаваемую художественную реальность, текст, созданный из аллюзий и цитат»; при этом смыслы текста наращиваются во времени, накапливая историческую память и генерируя новые сообщения: «образ России, созданный на страницах журнала Vogue, базируется на стереотипах. Приемы художественной публицистики, применяемые в фотографии, позволяют использовать широкий спектр культурных кодов, которые закрепляют стереотипы в сознании человека. Стереотипы являются «фильтрами», которые определяют образ страны» [13, с. 80].

На восприятие медиаобраза влияют этнопсихологические факторы. Жители различных стран по-разному воспринимают один и тот же медиаобраз России, транслируемый в СМИ. Специалисты в области исследования медиа О. А. Малетина, Э. Р. Волкова, Е. А. Князева исследуют, как современная Россия репрезентируется

в американских печатных СМИ. Описание политических событий и политической жизни в зарубежных СМИ подвергается интерпретации авторов и издателей, что существенно влияет на медиаобраз: «на страницах зарубежных СМИ образ России имеет как негативную характеристику, так и позитивную, потому что СМИ придерживаются определенной точки зрения в зависимости от политической ситуации в мире» [9, с. 147]. В дополнение Т. А. Чернышева, изучая публикации «Российской газеты» на данную тему, отмечает: «за определенной страной стоит определенное количество присущих черт, особенностей и параметров, свойственных только этим странам» [14, с. 66–67].

Таким образом, исследования медийного образа региона базируются на знании коммуникативных стратегий медийной политики, этнических стереотипов аудитории, принципов пропаганды. Результаты опубликованных научных исследований стали основой при составлении методики исследования.

Методика и методология исследований

В первичных наблюдениях мы обратили внимание на тот факт, что образ Северного Кавказа в зарубежных СМИ нестабилен, хотя контент публикаций говорит об интересе медиа к политике, экономике и культуре Чечни [7, с. 116]. Были выявлены факторы формирования медиаобраза территории/страны/региона: *политический фактор*, предполагающий влияние общественно-политической повестки на позиционирование медиаобраза; *политико-стратегический фактор*, определяющий выбор тактик и стратегий для позиционирования региона/страны; *психолого-стратегический фактор*, означающий выбранную изданием тональность подачи образа региона; *лингвистический фактор*, учитывающий набор языковых приемов; *тематический фактор*, предопределяющий направленность издания; *этнопсихологический фактор*, выделяющий особенности презентации и репрезентации региона в зависимости от национальных, этнокультурных, конфессиональных особенностей аудитории.

Цель исследования — выявление тенденций в освещении жизни Чеченской Республики зарубежными СМИ. Цель определила задачи: на основе имеющегося научного задела и проведенных ранее исследований, а также опыта работы автора в СМИ, сформировать гипотезу исследования, которая заключается в следующем: зарубежные медиа освещают события и жизнь в Чечне фрагментарно, а медиаобраз республики в зарубежных СМИ формируется стихийно, часто под воздействием политических событий в мире, не имеющих прямого отношения к жизни региона. В число задач исследования входило выявление наиболее востребованных и эффективных инструментов работы с зарубежными авторами и для зарубежных СМИ.

На основе лонгитюдного наблюдения за размещением публикаций и реакцией читателей на них в течение 2019–2021 гг. было составлено техническое задание для мониторинга медиа. Первой его составляющей стал поиск публикаций в интернете по ключевым словам: «Чеченская Республика», «новости о Чечне», «информация в медиа о событиях в Чечне». Далее применен контент-анализ, как стандартный метод исследования в области общественных наук, предметом анализа которого является содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции. В данном исследовании контент-анализ использовался в политико-психологической интерпретации — как формализованный метод изучения текстовой и графической информации, заключающийся в переводе изучаемой информации в количественные показатели и ее статистической обработке. Характеризуется большой строгостью, систематичностью.

В ходе работы при подсчете единиц контент-анализа был применен в отдельных случаях интент-анализ как метод выявления мотива, намерений размещения информации.

Работа в поисковой системе дала данные по ключевым словам — просмотрено 1265 ссылок на публикации 2020–2021 гг., в которых упоминается Чеченская Республика. Далее с помощью тематического мониторинга были отобраны публикации, освещающие жизнь и события в Чечне (дата-журналистика, событийный маркетинг и т. д.). Анализ ссылок показал, что большинство публикаций сделано в сетевых медиа на английском, русском, немецком и арабском языках.

На конечном этапе исследования отобраны тексты, в которых есть информация о Чеченской Республике. Критерием отбора информации стали сферы жизнедеятельности (экономика, политика, культура), а также жанровая классификация — новости и аналитика в медиа. Подробному исследованию подверглись 260 публикаций. На основе их изучения были выведены результаты исследования и обозначены выводы.

Результаты

Тематический мониторинг 260 публикаций в зарубежных СМИ показал, что за 2020–2021 гг. тематика материалов распределилась следующим образом (табл. 1).

Выявлен большой процент от общего числа публикаций материалов с отрицательной и нейтральной тональностью подачи информации.

Отрицательная по отношению к России и Чеченской Республике тональность подачи проявляется в случаях употребления лексики с негативной коннотацией (перевод с иностранных языков): «Убийство французского учителя чеченцем: что говорят в Париже и в чеченской диаспоре. По всей Франции проводятся десятки спецопераций силовиков по выявлению исламистов. Столь решительно французские власти начали действовать после убийства преподавателя лица под Парижем. Преступник — уроженец Чечни»¹; «По данным прокуратуры и источника в полиции, элитное подразделение французской рейдовой полиции арестовало пятерых чеченцев после четырех ночей беспорядков между бандами в городе Дижон»²; «Власти Чечни заявляют, что они «спасли» женщину, подвергшуюся насилию, от правозащитников. ГРОЗНЫЙ, Россия — Власти Северо-Кавказского региона России в Чечне утверждают, что женщину, увезенную против ее воли из приюта для жертв домашнего насилия, забрала полиция, чтобы «предотвратить ее похищение» местными правозащитниками»³; «По данным правозащитной группы ЛГБТК, родственники двух братьев, которые бежали от преследований на почве гомофобии в Чечне, но позже были схвачены, были задержаны и допрошены властями»⁴.

Античеченская и антироссийская направленность большинства статей прослеживается уже в заголовках «Россия скрывает проблемы на Северном Кавказе»; «Россия захватила и угнетает Чечню»; «Как Рамзан Кадыров может дестабилизировать Россию» (Financial Times).

¹ The murder of a French teacher by a Chechen: what they say in Paris and in the Chechen diaspora. 2020. 19 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/ubijstvo-francuzskogo-uchitelja-chechencem/av-55327956> (дата обращения: 27.11.2020).

² France arrested five Chechens after gang violence in Dijon. 2020. 18 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/6/18/france-arrests-five-chechens-after-dijon-gang-violence> (дата обращения: 27.11.2020).

³ Chechen Authorities Claim To “Saved” An Offended Woman From Human Rights Defenders. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rferl.org/a/chechnya-taramova-woman- abducted-rights-lgbt-purge-kadyrov/31306400.html> (дата обращения: 27.11.2020).

⁴ 20 relatives of gay brothers captured after fleeing the country’s homophobic regime detained in Chechnya: reports [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nydailynews.com/news/world/ny-chechnya-salekh-magamadov-ismail-isayev-relatives-interrogated-detained-20210324-iqq6uphoyvgzhddy3iup3fhfeq-story.html> (дата обращения: 27.11.2020).

Тематика публикаций в зарубежных медиа
Table 1. Topics of publications in foreign media

Место	Тема	% от изученных публикаций
1	Событийные новости момента /дата-события международного и местного масштаба	87
2	Политика санкций против России с уточнением и привязкой к событийным новостям Чеченской Республики	44
3	События в Париже: «убийство французского учителя чеченцем»	38
4	Жизнь чеченцев за рубежом	26
5	Роль Чеченской Республики в урегулировании конфликтов этнического и конфессионального характера	16
6	Правозащитники в Чечне и представители Чеченской Республики за рубежом (события и люди)	15
7	Сообщения на тему духовного просветительства и культуры	15
8	Политика России и Чеченской Республики по отношению к COVID-19	14
9	Спорт и развлечения, досуг	7
10	Экономика и инвестиции	5

В представленных фрагментах присутствуют элементы антироссийской пропаганды, негативный образ России переносится на все регионы, в том числе на события в Чеченской Республике. Путем употребления слов с отрицательной коннотацией создается образ врага в лице российских регионов: слова и выражения «убивать», «заявить», «увезти против воли», «решительные действия» и др. формируют негативное смысловое поле, новости становятся оценочными благодаря эмоциональной лексике и строению предложений. Лингвистический фактор создания публикаций выполняет роль вспомогательной стратегии отрицательного позиционирования российского региона.

Нейтральная коннотация выявлена в таких изданиях, как «Аль-Джазира»: «США вводят санкции против сильного правителя Чечни. Соединенные Штаты обвиняют Рамзана Кадырова в „многочисленных грубых нарушениях прав человека, возникших более десяти лет назад“»¹; «ИГИЛ (Террористическая организация, запрещенная на территории РФ), заявляя о нападениях на силы безопасности в российской Чечне. По крайней мере, пять нападавших сообщили об убитых и нескольких полицейских раненых в результате серии нападений, заявленных ИГИЛ (Террористическая организация, запрещенная на территории РФ)»².

Тематический мониторинг материалов показал, что пропаганда проявляется на уровне отбора новостей в общем информационном потоке. В публикациях фигу-

¹ The head of Chechnya announced that he is ready to resign [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/11/27/russias-chechnya-leader-says-he-is-ready-to-resign> (дата обращения: 27.11.2020).

² Chechnya faces tough measures for those who refuse to vaccinate with COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/8/20/isil-claims-attacks-on-security-forces-in-russias-chechnya> (дата обращения: 27.11.2020).

рируют темы взаимодействия России и США, расширения НАТО, а также обвинений в адрес России и конкретно Чечни по поводу нарушений прав человека¹.

В материалах, как правило, отсутствует фактологическая информация.

Среди исследованных текстов встречаются материалы с позитивной коннотацией, это публикации о спортивных достижениях, открытии объектов социального назначения. Законы формирования повестки дня диктуют «правила игры» во многих медиа: наличие сенсации, «жареные факты», фейки. В качестве стратегии подачи новостей широко используется прием повторения, он проявляется как на межтекстовом уровне (заголовок — лид — текст), так и внутри текста (слова-синонимы). Так, новостной материал о ходе вакцинации от COVID-19 в Чеченской Республике написан с применением лексики угрозы: «Чечня угрожает жесткими мерами тем, кто отказывается от вакцинации от COVID-19. Власти Чеченской Республики на Северном Кавказе обещают суровые наказания тем, кто отказывается вакцинироваться от COVID-19. Есть опасения, что людям может быть отказано в неотложной помощи или что их детям не разрешат посещать школы или детские сады, если они не подчинятся. В мае чеченский лидер Рамзан Кадыров предупредил, что те, кто откажется от вакцинации, будут лечиться в последнюю очередь и «почувствуют, как ужасно ощущается нехватка кислорода»².

Манипулятивный прием «создания угрозы» прослеживается в материалах, эмоциональное воздействие усиливается благодаря использованию визуального компонента — фотографий. Среди типичных приемов пропаганды выявлены: повторение, создание угрозы, социальное одобрение. Кроме того, в текстах частотное появление фотографий с определенной коннотацией, оценочных слов, а также актуализация линии «свой — чужой». Чеченская Республика для зарубежных СМИ часто является «чужой», как и Россия, при этом усиление такой позиции происходит путем воспроизведения стереотипов прошлых лет, позиционирующих тревожную обстановку в регионе.

Исследования показали, что публикации в зарубежных СМИ о Чеченской Республике отражают и духовно-нравственную сторону жизни российского региона («Аль-Джазира» и др.). При изучении материалов выявлена проблемная зона медиаобраза Чеченской Республики за рубежом: слабое освещение влияния культурного фактора на формирование образа субъекта в медиaprостранстве. Как показал контент-анализ, достоинства и преимущества региона не всегда выступают на первый план даже при позитивном освещении.

В публикациях выявлены объективные и субъективные характеристики региона, которые являются составляющими медиаобраза. К объективным следует отнести характеристики, которые отражают действительность и могут быть частью информативного поля. Например, Чеченская Республика — многонациональный регион, имеющий традиционно гостеприимную культуру; республика, в которой основополагающим жизненным принципом являются духовные ценности (такая информация

¹ Abramian Jackie. Women Peace Builders In Chechnya Face Religious Traditions And The Pandemic // Forebs. 2020. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jackieabramian/2020/10/08/women-peace-builders-in-chechnya-face-religious-traditions-and-the-pandemic/?sh=7e8d79c62a5c> (дата обращения: 27.11.2020); The Chechen's strong sense of nationhood and independent, after the 1991 collapse of the Soviet Union, split the Chechen-Ingush Republic into two republics of Ingushetia and Chechnya. Forebs. 2020. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/jackieabramian/2020/10/08/women-peace-builders-in-chechnya-face-religious-traditions-and-the-pandemic/?sh=7e8d79c62a5c> (дата обращения: 27.11.2020).

² Chechnya faces tough measures for those who refuse to vaccinate with COVID-19. 2020. 21 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rferl.org/a/chechnya-threatens-tough-measures-for-those-refusing-covid-19-vaccination/31338115.html> (дата обращения: 27.11.2020).

есть в медиа, но объем ее незначителен). К субъективным компонентам относятся: личные представления автора о регионе, стереотипы, тональность подачи материала, иногда — выводы по тексту. Образ региона — это и отражение совокупности убеждений людей по поводу идентичности того или иного места. Он возникает либо когда человек непосредственно соприкасался с особенностями региона (проживал там или проводил какое-то время, например, отпуск), либо изучал материалы [3, с. 49]. Как показывают исследования, в публикациях преобладают субъективные характеристики (табл. 2).

В ходе исследований изучались также материалы русскоязычного поля информации о Северном Кавказе, опубликованные в российских медиа, направленных на зарубежную аудиторию, а также публикации в подкастах и социальных сетях. Такой подход позволил сделать сравнительный анализ по основным параметрам исследования. Табл. 3 наглядно демонстрирует сходство и различие в медийной стратегии российских и зарубежных СМИ.

Таким образом, можно утверждать, что внешний и внутренний медиаобраз региона имеет как сходство, так и различия. Последние состоят в том, что внешний медиаобраз формируется в зарубежных СМИ во многом стихийно и не отражает медийную политику региона.

Гипотеза исследования в целом подтвердилась: выявлена фрагментарность освещения событий и жизни Чеченской Республики, медиаобраз республики в зарубежных СМИ формируется стихийно. Конъюнктурность медиаобраза формируется под воздействием политических событий в мире, не имеющих прямого отношения к жизни региона. В большинстве публикаций за основу берется информация с новостных лент информационных агентств, мало материалов аналитико-художественного характера, публицистики. В ходе изучения медиа было установлено, что требуется исследовать телевизионные каналы, чтобы дополнить и расширить картину образа Чеченской Республики в зарубежных СМИ.

Выводы

Медиаобраз Чеченской Республики, создаваемый зарубежными СМИ, в целом не отражает объективно жизнь региона. Тематика публикаций строится на основе повестки дня, актуальной для страны, которая подает информацию и ее политических партнеров. Материалы не отражают тенденции позиционирования политики региона. Мало материалов о первых лицах республики в форме интервью, портретов, репортажей. Зарубежными СМИ слабо используется одно из главных преимуществ и достоинств Северного Кавказа — богатые народные традиции, духовность народов, обращение к культурному наследию прошлого [1, с. 650] и сохранение исторических ценностей региона, именно СМИ доводят до аудитории информацию о том, насколько конкурентоспособным является регион [6, с. 176; 2, с. 175]. В современном коммуникационном пространстве работать над имиджем легче, чем корректировать образ [11, с. 207–210; 16, с. 368–369], поскольку образ является частью медийной политики субъекта. Исследования показали, что зарубежные СМИ позиционируют имидж, как систему образов, имитирующих выгодную для СМИ повестку дня, связанную с Россией, в том числе и с Чеченской Республикой.

В ходе исследования выявлена еще одна проблемная зона: конфликт медиаобразов, который необходимо разрешать корректировкой медийной политики. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Информационным службам республики рекомендуется работать над формированием внешнего образа и развивать стратегические направления в коммуникации с зарубежными информационными службами.

Анализ типичных фрагментов публикаций
Table 2. Analysis of typical fragments of publications

Заголовок	Анализ целеполагания контента
Сотрудник спецслужбы ФРГ мог помочь в подготовке покушения на чеченского оппозиционера	Воздействие с помощью обозначения оппозиционной группы
Умерла известная чеченская правозащитница Хеда Саратова	Событие, как новостной повод и оценка действий оппозиционера
Процесс по делу об убийстве чеченца в Берлине: эхо двух войн в зале суда	Обобщение социальных групп и сравнительная стратегия
Убийство французского учителя чеченцем: что говорят в Париже и в чеченской диаспоре	Коммуникационная стратегия противопоставления
Франция арестовала пятерых чеченцев после разгула дижонских банд	Манипулирование при помощи ассоциации с бандами
На фоне возмущения за рубежом чеченский авторитет Кадыров закладывает основу для четвертого срока	Демонстрация образа лидера с оценочным комментарием
Власти Чечни заявляют, что они «спасли» женщину, подвергшуюся насилию, от правозащитников	Оценочное описание события
Чеченка, похищенная из приюта, вернулась к семье	Частное событие как новость для зарубежных читателей
Власти Чечни ограничили заполняемость мечетей и храмов до 50%	Информирование

Таблица 3

Сравнительный анализ публикаций
Table 3. Comparative analysis of publications

Название материала, дата	Тема	Медиаобраз/стратегии
Суд объявил в розыск сержанта полиции Чечни, обвиняемого по делу о смерти спецназовца из Карелии / 7 июня 2021	Новость о решении суда	Нет привязки к медиаобразу территории
Ингушское дело России / 13 мая 2021	Информация о слушании по одному из политических дел — осуждение лидеров ингушской оппозиции	Противопоставление «большой страны» и «маленьких республик»: негативный медиаобраз республик Кавказа
В Махачкале неизвестные мужчины попытались сорвать организованную «Таковыми делами» открытую дискуссию «Взгляд на Кавказ»/ 20 мая 2021	Новость о правонарушении	Негативный образ представителей Дагестана

Название материала, дата	Тема	Медиаобраз/стратегии
Росстат: в среднем по России естественная убыль населения в 2020 г. выросла более чем в два раза/ 20 мая 2021/ 14 июня 2021	Рост населения на Кавказе	Положительный медиаобраз региона, где растет рождаемость на фоне общей убыли населения
Полиция Дагестана и Чечни пришла в кризисную квартиру в Махачкале, где живут жертвы насилия/ 10 июня 2021	Работа полиции как событийная информация	Нейтральный медиаобраз
Александр Сокуров: «Остается только перестрелять таких, как я» / 11 июня 2021	Интервью с режиссером	Кавказ глазами кинорежиссера
«Когда ты жалеешь человека, делаешь только хуже. Ему нужен стресс» / 10 июня 2021	О слепом путешествии	Положительный образ Кавказа как объекта культурного наследия

Литература

1. Бахтин М. В., Большаков В. П. История мировой культуры. М., 2019. 800 с.
2. Беляева М. А. Азы имиджологии. Имидж личности, организации, территории. М., 2017. 245 с.
3. Визгалов Д. В. Маркетинг города. М., 2008. 340 с.
4. Всеволодова А. Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 152–158.
5. Горлова И. И. Наследие Северного Кавказа в контексте государственной политики и диалога культур // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова. М.: Институт Наследия, 2019. С. 15–18.
6. Гуськова С. В. Формирование имиджа региона средствами массовой информации: опыт социологического исследования // Региональные проблемы образования и экономики. 2018. № 11 (97). С. 172–180.
7. Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской Республики как инструмент национальной идентификации // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 116–125.
8. Ланцевская Н. Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2015. №4 (28). С. 101–107.
9. Малетина О. А., Волкова Э. Р., Князева Е. А. Медиаобраз современной России в американских печатных СМИ // *Lingua mobilis*. 2009. № 2 (16). С. 147–156.
10. Мельник Г. С., Барлыбаева С. Х., Альжанова А. Б. Медиаобраз России в казахстанских СМИ // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 111–117.
11. Почепцов Г. Г. Имиджология. М., 2020. 574 с.
12. Фархадова А. Р.-К. Динамика медиаобразов России и Азербайджана за период 2000–2015 гг. // Манускрипт. 2016. № 10 (72). С. 186–191.
13. Фирулина Е. Г. Медиаобраз России в глянцево-журнале // Человек и культура. 2017. № 5. С. 79–85.
14. Чернышева Т. А. Медиаобраз страны (на материале «Российской газеты») // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2010. № 1. С. 63–72.
15. Шарков Ф. И. Имидж фирмы. Технологии управления. М., 2019. 348 с.
16. Шепель В. М. Профессия имиджмейкер. М., 2018. 380 с.

17. Makulkina I. Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs. Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2013.
18. Melnik G. The Image of Russia in the Western Press as a «Military Threat» Tool: Following the Media Content / G. Melnik, B. Misonzhnikov, E. Vojtik // National Resilience, Politics and Society. 2019. Vol. 1, N 2. P. 225–250.

Об авторе:

Евсеев Александр Юрьевич, старший преподаватель Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); evseevau@mail.ru

References

1. Bahtin M.V., Bol'shakov V.P. History of world culture. M., 2019. 800 p. (In rus).
2. Belyaeva M.A. The basics of imageology. The image of a person, organization, territory. M., 2017. 245 p. (In rus)
3. Vizgalov D.V. City marketing. Moscow, 2008. 340 p. (In rus).
4. Vsevolodova A.N. Media image of Russian cities in the federal print media // Questions of theory and practice of journalism [Voprosy teorii i praktiki zhurnalistikij]. 2013. N 2. P. 152–158. (In rus).
5. Gorlova I.I. The cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony // Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of articles. scientific. Art. according to the results of the international scientific Forum / ed. I.I. Gorlova. M. : Heritage Institute, 2019. P. 15–18. (In rus).
6. Gus'kova S.V. Regional problems of education and economy // Regional issues of education and economics [Regional'nye problemy obrazovaniya i ekonomiki]. 2018. N 11 (97). P. 172–180. (In rus).
7. Evseev A.Y., Erofeeva I.V. The media image of the North Caucasus in the mass media of the Chechen Republic as an instrument of national identification // Humanitarian vector [Gumanitarnyj vector]. 2020. Vol. 15. N 5. P.116–125. (In rus).
8. Lancevskaya N.Yu. Media image of a territory as a complex of stereotypes of place branding // Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University [Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2015. N 4 (28). P. 101–107. (In rus).
9. Maletina O. A., Volkova E. R., Knyazeva E. A. The media image of modern Russia in the American print media // Lingua mobilis. 2009. N 2 (16). P. 147–156. (In rus).
10. Melnik G. S., Barlybaeva S. H., Alzhanova A. B. Media image of Russia in Kazakhstani medi // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism [Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zurnalistika]. 2020. N 3. P. 111–117). (In rus).
11. Pochepcov G.G. Imagemology. Moscow, 2020. 574 p. (In rus).
12. Farhadova A.R.-K. Dynamics of Russia's and Azerbaijan's media-images for the period of 2000–2015 // The manuscript [Manuskript]. 2016. N 10 (72). P. 186–191. (In rus).
13. Firulina E.G. Media image of Russia in a glossy magazine // Man and culture. [Chelovek i kul'tura] 2017. N 5. P. 79–85. (In rus).
14. Chernysheva T.A. Media image of the country (based on the material of “Rossiyskaya Gazeta”) // Bulletin of the Cherepovets State University [Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta]. 2010. N 1. P. 63–72. (In rus).
15. Sharkov F.I. The company's image. Management technologies. M., 2019. 348 p. (In rus).
16. Shepel' V.M. Profession image-maker. M., 2018. 380 p. (In rus).
17. Makulkina I. Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs. Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2013. (In rus).
18. Melnik G. The Image of Russia in the Western Press as a «Military Threat» Tool: Following the Media Content / G. Melnik, B. Misonzhnikov, E. Vojtik // National Resilience, Politics and Society. 2019. Vol. 1, N 2. P. 225–250.

About the author:

Alexander Yu. Evseev, Senior Lecturer of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); evseevau@mail.ru

Проблемы применения товарных номенклатур в международной торговле на примере группы 56 ТН ВЭД ЕАЭС «Нетканые материалы»*

Жиряева Е. В. *, Кольцова В. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *zhiryaeva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуются проблемы применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. Выделены проблемы: отставание Гармонизированной системы классификации и кодирования товаров от развития технологий; несогласие стран с решениями Комитета по Гармонизированной системе; ошибки в текстах; сложности с имплементацией классификационных решений ФТС и ЕЭК. Расхождения в классификации ведут к искажению зеркальной статистики внешней торговли и дают возможность выявления товаров «риска» и «прикрытия». Цель работы состояла в сопоставлении импорта Российской Федерацией нетканых материалов группы 56 из трех стран — основных экспортеров на уровне товарных позиций и субпозиций. Проверилась гипотеза: поскольку группа 56 не является ведущей в объеме импорта, значимых расхождений в зеркальной статистике выявлено не будет. Метод исследования: сопоставление данных об импорте России из страны-торгового партнера и соответствующих данных об экспорте страны — торгового партнера в Россию. Источник данных: Trade Map Международного торгового центра. Рассматривались товарные позиции 5602 (войлок и фетр) и 5603 (нетканые материалы), включающие близкие по структуре и свойствам товары, а также 5607 — бечевки, веревки, канаты и тросы. Импорт этих товаров идет как из европейских, так и из азиатских стран. Однако только при импорте с азиатского направления — из Китая — обнаружилось расхождение в зеркальной статистике. Показано, что товаров «риска» (т. п. 5602) было ввезено в Россию из Китая в 9 раз меньше, чем экспортировано из Китая, а товаров «прикрытия» (т. п. 5603) ввезено из Китая на 5% больше, чем экспортировано Китаем. Субпозиция веревок, канатов и тросов из синтетических волокон (570650) также представляет собой товары риска, импорт которых в 3 раза меньше экспорта из Китая. Установлено несколько товарных позиций «прикрытия», включающих аналогичные товары с более низкой ставкой пошлины. Сопоставление пошлин показало, что основной причиной ошибок классификации, ведущих к искажению зеркальной статистики, является намеренно неправильный выбор кода при наличии близких альтернатив, позволяющий снизить таможенный платеж. Гипотеза о том, что группа 56 не покажет значимых расхождений в зеркальной статистике, не подтверждена.

Ключевые слова: гармонизированная система описания и кодирования товаров, товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, классификация, товарная позиция, нетканые материалы, экспорт, импорт

Для цитирования: Жиряева Е. В., Кольцова В. Г. Проблемы применения товарных номенклатур в международной торговле на примере группы 56 ТН ВЭД ЕАЭС «Нетканые материалы» // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 46–53.

* Статья подготовлена в рамках публикации материалов Межвузовской научно-практической конференции «ТН ВЭД: экспертиза, идентификация, классификация».

Problems of Commodity Nomenclatures Implementation in the International Trade on the Example of Chapter 56 “Nonwovens” of the EAEU Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity

*Elena V. Zhiryayeva**, *Valentina G. Koltsova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *zhiryayeva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the problems of using the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity. The following problems are highlighted: the lag of the Harmonized Commodity Description and Coding System from the development of technologies; disagreement of countries with the decisions of the Harmonized System Committee; mistakes in texts; difficulties with the implementation of the classification decisions of the Federal Customs Service and Eurasian Economic Commission. Discrepancies in classification lead to distortion of mirror statistics of foreign trade and make it possible to identify “risk” and “cover” goods. The purpose of the work was to compare the imports by the Russian Federation nonwovens of chapter 56 from three countries — the main exporters at the level of commodity headings and subheadings. The hypothesis was tested: since chapter 56 is not the leading one in the volume of imports, there will be no significant discrepancies in the mirror statistics. Research method was comparison of data on Russian imports from a trading partner country and corresponding data on exports of a trading partner country to Russia. Data source is Trade Map of the International Trade Center. Headings 5602 (felt) and 5603 (nonwovens) were considered, which include goods that are similar in structure and properties, as well as heading 5607 — twine, cordage, ropes and cables. These goods are imported from both European and Asian countries. However, only when importing from the Asian direction — from China — discrepancies in the mirror statistics were found. It is shown that goods of “risk” (heading 5602) were imported into Russia from China in 9 times less than exported from China, and goods of “cover” (heading 5603) were imported from China by 5% more, than exported by China. The subheading of twine, cordage, ropes and cables made of synthetic fibers (570650) also represents risk goods, imports of which are 3 times less than exports from China. There are several cover headings that include similar goods with a lower duty rate. Comparison of duties showed that the main reason for classification errors leading to distortion of mirror statistics is the deliberately wrong choice of the code in the presence of close alternatives, which allows to reduce the customs payment. The hypothesis that group 56 will not show significant discrepancies in mirror statistics has not been confirmed.

Keywords: Harmonized Commodity Description and Coding System, Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity, classification, heading, nonwovens, export, import

For citing: Zhiryayeva E. V., Koltsova V. G. Problems of Commodity Nomenclatures Implementation in the International Trade on the Example of Chapter 56 “Nonwovens” of the EAEU Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 46–53.

Введение

По мнению авторов, существует несколько проблем применения товарных номенклатур в международной торговле.

Первая состоит в устаревании существующих и быстром появлении новых технологий. Эта проблема частично снимается пересмотром Гармонизированной системы (далее — ГС). Так, в редакции 2022 г. будут отражены беспилотные летательные аппараты, 3D принтеры, электронные сигареты. Однако некоторые из этих товаров (плацебо, смартфоны), как представляется, появятся с большой задержкой, а некоторые технологии (электронная книга) успевают устареть, так и не обрета приемлемого отражения в ГС.

Вторая проблема состоит в том, что не все страны применяют ГС в полном объеме. Можно указать случаи, когда страна подает нотификацию о неприменении от-

дельных решений по классификации Комитета по ГС. На сайте Всемирной таможенной организации (ВТамО) в виде отдельного списка отражены нотификации России о неприменении решений по гарнитуре «Bluetooth», кормам для животных, дронам. В то же время из публикации Федеральной таможенной службы России (ФТС) известно, что таможенная служба страны не классифицирует полный комплект частей для сборки автомобиля по Основному правилу интерпретации (ОПИ) 2а, несмотря на решение Комитета по ГС. Такая нотификация не отражена в указанном списке¹.

Не всегда страны обновляют свое законодательство одновременно со вступлением в силу новой редакции ГС. Так, например, в Украине 12 августа 2020 г. на заседании правительства был одобрен законопроект, вносящий изменения в Налоговый кодекс страны, в п. 197.18 ст. 197. Изменены коды племенных чистопородных животных в «Украинской классификации товаров ВЭД» (УКТ ВЭД)². Проект был разработан с целью приведения в соответствие указанных в налоговом кодексе кодов УКТ ВЭД с кодами таможенного тарифа Украины. В п. 197.18 ст. 197 налогового кодекса субпозиции 0101 10 заменены на 0101 21. Таким образом, только теперь налоговый кодекс Украины начал оперировать кодами (субпозиция 0101 21), которые присутствуют в Номенклатуре ГС с 2012 г.

Об ошибках в Номенклатуре пишут многие авторы. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее — ТН ВЭД ЕАЭС) воспроизводит и ошибки, которые есть в Комбинированной Номенклатуре ЕС (далее — КН). Например, в КН контейнеры для транспортировки радиоактивных веществ, имеющие свинцовое покрытие, встречаются дважды в подсубпозициях 7806 00 10 и 8609 00 10.

В первой из них назначением контейнеров является транспортировка и хранение, во второй — транспортировка. Различие между двумя товарными позициями существует только в одном слове «storage». Те же подсубпозиции присутствуют в ТН ВЭД ЕАЭС. Контейнеры под субпозиции 7806 00 100 0 предназначены для радиоактивных материалов, а контейнеры под субпозиции 8609 00 100 0 — для радиоактивных веществ [3]. Разница между «материалами» и «веществами» едва ли имеет значение, так как в исходном тексте КН используется общий термин «materials».

Еще один проблемный вопрос классификации возникает в связи с тем, что во внешнеэкономической деятельности инструменты поиска кода на основе ключевых слов интегрированы в системы управления товарными потоками [1]. Оказывается, что «волевые» решения о классификации ФТС или ЕЭК не встроены в сложившиеся технологии подбора кода. Кроме того, классификационные решения ЕЭК и ФТС часто описывают товар общими словами, ссылаются на ОПИ формально, без объяснений, не уточняя номера примечания, если решение принимается по ОПИ 1, с указанием только четырех цифр кода товарной позиции. В исследовании, проведенном Е. В. Жиряевой и В. Н. Наумовым, делается вывод, что решения о классификации ФТС «должны иметь механизмы имплементации, иначе они будут игнорироваться существующими в таможенном деле программными системами» [2].

Невольные или намеренные расхождения в классификации ведут к искажению зеркальной статистики внешней торговли и дают возможность выявления товаров «риска» и «прикрытия». По мнению Аналитического управления ФТС России, за последние пятнадцать лет такие расхождения в России значительно сократились,

¹ List of HS Committee decisions which WCO Members and HS Contracting Parties can apply (21 February 2020) [Электронный ресурс]. WCO. URL: <http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/Nomenclature/instruments-and-tools/classification-decisions/harmonized-system-committee-decisions/application-of-hsc-decisions-Ntifications-en.pdf?la=en> (дата обращения: 20.10.2021).

² Справка по товару УКТ ВЭД. QDProfessional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.qdpro.com.ua/goodinfo> (дата обращения: 20.10.2021).

однако проблема сохраняется¹. Первые исследования зеркальной статистики строились на основе методик Института проблем рынка РАН и методики ФТС [4]. На сегодня поисковые системы в области международной торговли позволяют любому исследователю зеркально сопоставлять данные об экспорте и импорте любой пары таможенных служб стран на уровне субпозиции.

Метод и объект исследования

Наши предыдущие исследования на основе данных Trade Map Международного торгового центра показали, что расхождения в зеркальной статистике встречаются нечасто [4]. Это исследование строилось от общего к частному. Были отобраны пять групп по ГС с наибольшими объемами импорта, для каждой из этих групп были определены три основные страны — экспортера. Затем определялись основные экспортеры на уровне товарных позиций. Такой анализ, проведенный по пяти группам, выявил только две товарные позиции, по которым, на первый взгляд, имелись расхождения в зеркальной статистике [Там же]. Дальнейшее исследование этих расхождений методом временных рядов показало, что значимые различия имеются только по одной товарной позиции (3918 — напольные покрытия), причем экспорт всегда превышал импорт при ввозе из Китая, в то время как при ввозе из Бельгии имелись и отрицательные расхождения.

Эта работа показала, что расхождения в зеркальной статистике не являются всеобъемлющими. Однако есть вероятность, что расхождения носят частный характер и требуют анализа на более глубоких уровнях детализации.

Цель работы — провести сопоставление импорта Российской Федерацией нетканых материалов группы 56 из трех стран — основных экспортеров на уровне товарных позиций и субпозиций. Рассматривался 2018 г. Источник данных: Trade Map Международного торгового центра². Гипотеза работы: поскольку группа 56 не является ведущей в объеме импорта, значимых расхождений в зеркальной статистике выявлено не будет.

Результаты и обсуждение

Основными экспортерами нетканых материалов в Российскую Федерацию являются Китай и Беларусь. Третьим экспортером в 2018 г. была Германия.

Товарные позиции 5602 (войлок и фетр) и 5603 (нетканые материалы), включающие близкие по структуре и свойствам товары, сильно различаются по ставке таможенной пошлины (10 и 5% соответственно). Поскольку товар является преференциальным, ставка пошлины, применяемая к Китаю в рамках системы преференций ЕАЭС, составляет 7,5% по товарной позиции 5602 и 3,75% по 5603 (за исключением клеенки).

Случай указанных двух товарных позиций хорошо известен и используется как учебный пример товаров «риска» и «прикрытия». С большой вероятностью в таможнях европейской части страны существуют профили риска по товарной позиции 5602, так как больших отклонений в зеркальной статистике при экспорте из Германии не установлено.

Отклонения при поставках из Беларуси, с которой торговля ведется свободно, также незначительные (–8% по 5602 и –7% по 5602).

¹ Константинов А. Откуда расхождения в данных о внешней торговле // РБК. 18 июня 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/06/18/5d07b0479a794756ffabd7a4> (дата обращения: 20.10.2021).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.10.2021).

Однако в торговле с Китаем риски продолжают существовать. Объем декларирования товаров в позиции 5602 занижен в 9 раз (табл.).

Сходство между двумя товарными позициями состоит в том, что оба типа холстов (5602 и 5603) могут быть получены иглопробивным способом. Пояснения указывают, что если иглопробиванию подвергается холст волокон, не имеющий текстильной основы, товар относится к товарной позиции 5602. Если же, помимо иглопробивания, присутствуют другие типы связывания, товары классифицируются в товарной позиции 5603. Примеры приведены на рис. 1.

Холст на рис. 2. соединен иглопробиванием и термоскреплением, что позволяет отнести его к товарной позиции 5603. Термоскрепление — процесс, при котором волокнистый холст из термоплавких волокон скрепляется путем высокотемпературного воздействия с давлением или без него. Однако этот способ соединения невозможно распознать без экспертизы.

В группе 56 большие расхождения в торговле с Китаем наблюдаются также по товарной позиции 5607, включающей различные типы веревок. При экспорте из Китая на сумму 8,955 млн долл. импорт в Россию зарегистрирован на уровне 5,052 млн долл. Наибольшая разница наблюдается в торговле веревками, канатами и тросами из нейлона, прочих полиамидов, полиэфиров, других синтетических волокон, но не полиэтилена и полипропилена (субпозиция 570650). Эта субпозиция преобладает в экспорте из Китая по товарной позиции 5607 и составила 5,132 млн долл. в 2018 г.

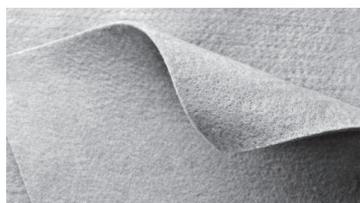
Таблица

Зеркальная статистика 2018 г. экспорта и импорта товаров позиций 5602 и 5603, экспорт из Китая, тыс. долл.

Table. Mirror statistics of 2018 exports and imports of goods items 5602 and 5603, exports from China, thousand US dollars

Товарная позиция	Содержание	Экспорт Китая	Импорт России	Разница
5602	Войлок или фетр (в ГС используется один термин felt), независимо от пропитки или покрытия	15 784	1708	-824%
5603	Нетканые материалы, независимо от пропитки или покрытия	47 662	52 272	9%

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c643%7c%7c56%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1> (дата обращения: 16.04.2021).

5602 — фетр, иглопробивание холста волокон без текстильной основы

5603 — иглопробиванию подвергается холст из нитей

Рис. 1. Примеры товаров товарных позиций 5602 и 5603
Fig. 1. Commodity Item Examples 5602 and 5603

Рис. 2. Пример войлока, полученного иглопробиванием, совмещенным с термоскреплением
 Fig. 2. Example of needled felt combined with thermal bonding

Импорт России расходится с данными экспорта в 3,4 раза (1,552 млн долл.).

Отметим, что товары 5607 облагаются довольно высокой ввозной пошлиной — 10% по сравнению с импортной продукцией из Китая — 7,5%, так как действует ставка режима наибольшего благоприятствования (РНБ). Эта ставка ниже, чем при стандартном режиме, она применяется в отношении товаров всех стран — членов ВТО и государств, заключивших с Китаем соглашения о соблюдении РНБ.

Конкурирующей является товарная позиция (т. п.) 5911 текстильных изделий технического назначения, куда, согласно примечанию 7 к группе 59, включаются шнуры и аналогичные изделия, используемые в промышленности как уплотнительные или прокладочные материалы. Некоторые примеры деклараций по коду 5911 90 900 0 показывают отличительные свойства канатов и веревок технического назначения, которые, если бы не сфера их применения, могли быть отнесены к 5607:

- уплотнительный шнур на основе прографиченного волокна;
- шнур из текстильного волокна пропитан или покрыт графитом или тефлоном для уплотнения камер промышленных насосов;
- сальниковая набивка — плетеный шнур квадратного сечения, пропитанный вазелином, для уплотнения и смазки, для гидравлических насосов;
- шнур на основе акрилового волокна высокой чистоты и антифрикционной пропитки, температура применения $-100/+250^{\circ}\text{C}$, pH среды 2–12, скорость скольжения 12 м/с;
- шнур-чулок полиэфирный, основное назначение — электроизоляция и защита токоведущих жил.

Ставка пошлины в т. п. 5911 — 5%, но приведенные примеры классификации можно считать правильными.

Кроме того, веревки и шнуры могут классифицироваться в группах нитей и тканей (54, 55 для химических волокон и нитей). Примечание 3 к разделу ХІТН ВЭД ЕАЭС устанавливает различия между нитями и веревками, которые определяются линейной плотностью нитей.

В частности, по субпозиции 5404 90 (ставка пошлины 5%) декларированы нити на катушках полипропиленовые, крученые, которые применяются для изготовления рыболовного шнура. При этом определяющим признаком для отнесения товара к товарной позиции 5404 является линейная плотность — не более 10000 дтекс (1 г/м). В декларациях на подобные товары линейная плотность указана не была. Рыболовные шнуры, которые обычно относят к товарной по-

зиции 5607, имеют линейную плотность 50 000 дтекс (5 г/м). Это значит, что если товар представляет собой рыболовный шнур, необходимым условием его описания должна быть линейная плотность. В то же время шнур, оснащенный поплавками, может считаться изделием товарной позиции 5609, ставка таможенной пошлины по которой 5%.

Некоторые шнуры и бечевки мы находим в товарной позиции 3916 — мононити, со ставкой пошлины 6,5%, что совершенно неправильно, например: 391620 0000 — бечевки плетеные из синтетических волокон (полипропилена), линейная плотность более 5 г/м.

Упомянем также подсубпозицию прочих изделий из пластмасс (392690 9709) (ставка пошлины 6,5%), где встречаются такие товары:

- шнуры для щеток из полипропилена со стальными элементами, предназначены для хозяйственно-бытовых нужд;
- полиэфирный шнур используется для фиксации аварийных плотов, для гражданских вертолетов;
- шнур из полимерных волокон, предназначен для крепления покрытия бассейна.

Таким образом, позициями «прикрытия» для веревок и шнуров можно считать облагаемые меньшими пошлинами товарные позиции 5404 и 3926.

Выводы

В статье обсуждается ряд проблемных вопросов классификации товаров в международной торговле: отставание номенклатуры от уровня технологического развития; не вполне единообразное применение ГС в разных странах; ошибки в текстах национальных тарифно-статистических номенклатур; сложности с имплементацией классификационных решений в практику декларирования; искажения зеркальной статистики из-за ошибок и различий в подходах к классификации.

Последняя проблема является предметом изучения статьи. Предполагалось, что расхождения в зеркальной статистике, хотя и не являются всеобъемлющими, могут носить частный характер и проявляться на более глубоких уровнях детализации.

Найденные расхождения касаются торговли с Китаем. На примере двух товарных позиций, включающих похожие товары, облагаемые различными пошлинами, показано, что товаров «риска» (товарная позиция 5602) было ввезено в Россию из Китая в девять раз меньше, чем экспортировано из Китая, а товаров «прикрытия» (товарная позиция 5603) ввезено из Китая на 5% больше, чем экспортировано Китаем.

Субпозиция веревок, канатов и тросов из нейлона, прочих полиамидов, полиэфиров, других синтетических волокон (товарная субпозиция 5706 50) также представляет собой товары риска, импорт которых в три раза меньше экспорта из Китая. Установлено несколько товарных позиций «прикрытия», включающих аналогичные товары с более низкой ставкой пошлины.

Гипотеза о том, что группа 56, не дающая больших объемов импорта, не покажет значимых расхождений в зеркальной статистике, не подтверждена.

Литература

1. Андреева Е. И., Суглобов А. Е. Искусственный интеллект: перспективы цифровизации таможенных технологий // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 2. С. 1–5.
2. Жиряева Е. В., Наумов В. Н. Метод анализа текстов при тарифной классификации товаров в таможенном деле // Программные продукты и системы. 2020. № 3 (33). С. 538–548.
3. Жиряева Е. В. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие. СПб. : ИЦ «Интермедия», 2020. 240 с.

4. Naumov V. N., Zhiryayeva E. V., Naumov P. V. The Analysis of Customs Mirror Statistics of Foreign Trade of Russia, Represented by Time Series // Conference of Open Innovations Association, Fruct, N 26, 2020. P. 611–616.

Об авторах:

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Кольцова Валентина Георгиевна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; koltsova-vg@ranepa.ru

References

1. Andreeva E. I., Suglobov A. E. Artificial intelligence: prospects for digitalization customs technologies // Russian Journal of Management. 2019. Vol. 7. № 2. P. 1–5. (In rus).
2. Zhiryayeva E. V., Naumov V. N. Text analysis method for tariff classification goods in customs // Software products and systems [Programmnye produkty i sistemy]. 2020. N 3 (33). P. 538–548. (In rus).
3. Zhiryayeva E. V. Commodity nomenclature of foreign economic activity. Tutorial. SPb.: IC “Intermedia”, 2020. 240 p. (In rus).
4. Naumov V. N., Zhiryayeva E. V., Naumov P. V. The Analysis of Customs Mirror Statistics of Foreign Trade of Russia, Represented by Time Series // Conference of Open Innovations Association, Fruct, N 26. 2020. P. 611–616.

About the authors:

Elena V. Zhiryayeva, Professor of the Chare of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (EcoNomics), Associate Professor; zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Valentina G. Koltsova, Associate Professor of the Chare of Customs Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science; koltsova-vg@ranepa.ru

Креативный социальный потенциал цифрового общества*

Гавра Д. П.¹, Байер Ю. П.². *

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *bayer-yp@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье авторы рассматривают феномен креативности, креативность как востребованную компетенцию в современном обществе. Художники, поэты, композиторы, музыканты, носители так называемой художественной креативности (fine art creativity), были востребованы всегда. В «быстром» цифровом мире креативность приобретает новые характеристики, превращается в массовую рыночную производительную силу. Общественный спрос на креативность, так и предложение на эту характеристику претерпевают в современном социуме заметные изменения. Креативность стала в настоящее время востребованной компетенцией, способной приносить высокий доход ее обладателям. В статье дается определение *индивидуальной и социальной креативности*, структурируются имеющиеся в мировой науке социологические подходы к изучению творчества и его природы.

Авторы предлагают новый термин — *паракреативность* и раскрывают его особенности.

Авторы анализируют влияние современных институтов социализации на развитие креативности. Рассматривают желание творить, креативить в контексте исполнения своего *призвания* в веберовском понимании этого термина.

Авторы приходят к выводам, что социум, создавая и поддерживая социальные нормы, направленные на развитие внутренней свободы и креативности, способствует формированию более счастливого общества, где у каждого индивида созданы условия для раскрытия и реализации своего креативного потенциала во благо его самого и большого или малого социума, в зависимости от масштаба деятельности. В цифровом мире креатор сам регулирует масштаб своей деятельности, используя/не используя социальные сети.

Ключевые слова: креатор, креативность, цифровой мир, ментальность, фолловеры, инфлюенсеры, паракреативность

Для цитирования: Гавра Д. П., Байер Ю. П. Креативный социальный потенциал цифрового общества // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 54–61.

Creative Social Potential of Digital Society

Dmitrii P. Gavra¹, Julia P. Bayer². *

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *bayer-yp@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article, the authors consider the phenomenon of creativity, creativity as a demanded competence in contemporary society. Artists, poets, composers, musicians, carriers of the so-called fine art creativity, have always been in demand. In the “fast” digital world, creativity takes on new characteristics, turns into a mass-market productive force. The public demand for creativity and the supply for this characteristic are undergoing noticeable changes now.

* Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021.

Creativity has now become a demanded competence that can bring high income to its owners. The authors analyze the influence of common social institutions of socialization on the development of creativity. The article provides a definition of *individual and social creativity*, structuring the sociological approaches available in world science to the study of creativity and its nature. The authors introduce a new term — *paracreativity* and reveal its features.

The authors come to the conclusion that society, by creating and maintaining social norms, aimed at developing inner freedom and creativity, contributes to the formation of happier social groups and thus individuals, where each individual has created conditions for the disclosure and realization of his creative potential for the benefit of himself and a large or small society, depending on the scale of the activity. Meanwhile, in the digital world, the creator himself regulates the scale of his activities, using/neglecting social networks.

Keywords: creator, creativity, digital world, mentality, followers, influencers, paracreativity

For citing: Gavra D. P., Bayer Ju. P. Creative Social Potential of Digital Society // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 54–61.

«Важно открыть в себе талант, а потом подарить его людям».

Пабло Пикассо

В современную эпоху информационного общества, общества постмодерна, когда цитирование и реплики стали общим местом в творчестве, когда акторы культуры признают, что сложно создать что-то новое — ремейки, интеграция традиции и инновации, смелость и оригинальность, то есть то, что объединяется вездесущим понятием «креативность», стали особенно востребованы.

Нельзя сказать, что творческие способности, равно как их носители, — были обделены успехом и вниманием в эпоху классического искусства. Художники, поэты, композиторы, музыканты, носители так называемой художественной креативности (*fine art creativity*), были востребованы всегда. Но чаще всего их творческий потенциал покупала элита, власть имущие, некоторый ограниченный социальный ареал обладателей ресурсов. Собственно, в этом ареале и потреблялся креативный продукт. В «быстром» цифровом мире ситуация меняется. Креативность приобретает новые характеристики, превращается в массовую рыночную производительную силу.

Креативные характеристики как качество личности социального субъекта стали актуальны как сами по себе (участие и победа в конкурсах, творческие продукты и артефакты культуры — книги, шлягеры, картины), так и на службе у рекламы, маркетинговых стратегий голубого океана, науки и пр.

Таким образом, мы можем утверждать, что как общественный спрос на креативность, так и предложение на эту характеристику претерпевают в современном социуме заметные изменения. Креативность стала в настоящее время востребованной компетенцией, способной приносить высокий доход ее обладателям.

Реализация потенциала креативности в системе социальных обменов способствует созданию, удержанию и росту социального капитала в условиях экспансии цифровых коммуникаций. Сейчас мы не можем отрицать влияния на социум таких лидеров мнения, как блогеры, будь то в «Инстаграме», «Твиттере» или «Ютьюб». Блогеры выступают лидерами мнений, формирующих отношение своих фолловеров (поклонников, последователей) к событиям в политике, культуре и повседневной жизни. Блогеры, а теперь и тиктокеры, являются ролевыми моделями в образе жизни, в стиле одежды, в выборе марки телефона, машины и т. д. При этом интересным является то, что, с точки зрения обладания компетенциями «в чистом виде», блогеры, казалось бы, чрезвычайно уязвимы. У них в большинстве случаев

нет профессионального образования в той области, о которой они пишут. Да и пишут они фактически обо всем, что попадает в ареал внимания их аудиторий. Таким образом, в цифровом социуме социальный капитал уже не является производной компетенцией.

Легитимность общественного влияния этих лидеров экономики внимания обеспечивается за счет тысяч, миллионов преданных фолловеров. Благодаря общественной поддержке, данные трафик-монополисты получают карт-бланш на креативность, свободу самовыражения (только закон определяет границы) и финансовую независимость (опять-таки благодаря фолловерам блогеры зарабатывают на рекламе) и таким образом свое свободное время могут посвятить созданию новых, креативных продуктов, творчеству.

* * *

Является ли креативность врожденной или приобретенной компетенцией? Обратимся к существующим дефинициям креативности и сформулируем собственную позицию. Заранее оговоримся, что «...любая попытка четко сформулировать суть процесса творчества сталкивается с ограниченностью того, что можно выразить при помощи слов» [2, с. 22]. Творчество и креативность — это те социально-психологические характеристики, которые, пожалуй, наиболее сложно изучать в силу их многогранности. Опираясь на исследования П. Сорокина [4], К. Негуса, М. Пикеринга [2], Т. Адорно [6], Ю. Н. Харари [8] и др., мы будем считать, что *креативность* — это умение индивида, используя свое воображение, способности и социокультурный опыт, создавать инновационный, оригинальный продукт в любой сфере жизнедеятельности общества. При этом данный инновационный креативный продукт обладает двумя характеристиками. Во-первых, он обладает рыночной стоимостью в системе социальных обменов. Во-вторых, он увеличивает социальный капитал креативного субъекта.

Если обобщить имеющиеся социологические подходы к изучению творчества и его природы, то полагаем, методологически обоснованным выделить в качестве наиболее авторитетных в настоящее время подходы, приведенные ниже:

1. Трансцендентальная парадигма (ключевые категории — муза, Божественное провидение, высшая сила). Креативность как ответ на внутреннюю потребность, ответ на высший внешний зов к творческому самовыражению.

Социологи с мировым именем, которых мы упоминали чуть выше, изучавшие природу истинных шедевров, в своих трудах приводят цитаты великих ученых, писателей, художников, музыкантов, где все разными словами передают одну суть творчества: «Я всего лишь канал, я как медиум» [2]. Таким образом, в силу того, что мы очевидно имеем дело с трансцендентальной природой истинного вдохновения, именно так и стало принято его называть. Более того, понимание и принятие этой природы креативности привело к возвращению медиации, так «техники» преодоления разрыва разума и тела в жизнь людей Запада.

Исследователи фиксируют стремительно растущую популярность различных менторов, книг по развитию, практик ретритов, йоги и медитации. Даже работодатели (в Силиконовой долине, например) внедряют медитацию в повседневные рабочие практики, с целью повышения результативности (читайте — креативности) своих сотрудников. В рамках этой парадигмы принято считать, что медитация, в отличие от наркотиков и алкоголя, есть наиболее надежный способ установить контакт с «музой». Современный американский ученый Д. Диспенза доказал пользу медитации как преодоление аналитического ума и раскрытия творческих способностей [7]. В середине XX в. из таких позиций исходили такие великие ученые, как Э. Фромм [5 и др.] и П. Сорокин (обращаясь к восточным традициям), но с технической точки

зрения не могли, в отличие от Диспензы, привести доказательства своим убеждениям.

2. Рыночная, внешне детерминированная парадигма (ключевая категория — рыночный спрос). Креативность как ответ на внешний, рыночный запрос, т. е. креативность в известной мере вынужденная, творчество на заказ.

В зависимости от уровня профессионализма исполнителя может быть выполнена оригинально, с новизной в форме и содержании и потому также считается креативом.

Производимый продукт в этом случае не всегда может считаться креативным, а только в том случае, когда в нем присутствует инновационный потенциал, получающий свое раскрытие в дальнейших социальных практиках потребления этого продукта. Образно говоря, это происходит, когда муза творца готова выполнить техническое задание или прихоть заказчика и еще к тому же соблюсти dead-line — также, как и исполнитель заказов на творчество. В случае, если муза капризничает, креатор все равно исполняет заказ, основываясь на мастерстве и ремесленном опыте, на выходе появляется ремесленный продукт с креативным компонентом, недостаточным для признания этого продукта собственно креативным. Обозначим его как *ремесленный* или *паракреативный продукт*. А саму деятельность субъекта в этом формате обозначим как *паракреативную*. В ней, несомненно, присутствует креативный компонент, он всегда есть у творца, но этот компонент является подчиненным, вторичным.

3. Интроспективная парадигма (ключевые категории — внутренний мотив, освобождение, психотравма). Креативность как ответ на личностные проблемы — креативное «избавление» от внутренних проблем, психотравм, страхов и комплексов.

Может представлять интерес в силу яркости и оригинальности изложения и открытости самой личности. Например, известная художница Фрида Кало является ярким примером личностного креативного творчества, чьи психотравмы и страхи, креативно изложенные на холсте, стали интересны социуму, получили мировой резонанс и даже способствовали развитию феминизма в Латинской Америке.

Мы также считаем, что *креативность и творчество становятся социальными феноменами только в процессе восприятия социумом, различными общественными группами, то есть, шире, когда креативный продукт включается в систему социальных обменов*.

Таким образом, рукописи «в стол», «в огонь», равно как и другие результаты креативности, не успевшие «выйти в свет», креативным продуктом считаться не могут.

Итак, вернемся к сформулированному выше вопросу о дуальной природе креативности. Мы склонны думать, что одно дополняет другое. Конечно, если талант и склонность к креативу явно выражены, и обстоятельства места и времени тому благоприятствуют, то социум, в большинстве случаев, не способен этот талант «удержать» внутри творца (мы знаем множество тому примеров). А творец, в свою очередь, не способен удержать его в себе, поскольку существует социальный запрос на данный креативный продукт. В то же время, мы никогда не узнаем о тех талантах, которые не проявились, из-за ограничений социума и недостаточной личностной смелости творца.

Для нас очевидна комплексная природа креативности, мы ее понимаем как некоторый интеграл врожденных, биологических, генетически предопределенных характеристик индивида и характеристик социальных, прежде всего, социализационных. Также мы полагаем, что креативность как социальный феномен и, добавим, феномен экономический, рождается только в процессе социальных обменов.

Добавим еще одно дихотомическое измерение креативности. Креативность может быть индивидуальной и коллективной. Равно как и креативный продукт может

быть продуктом индивидуальной или коллективной креативности. Скажем, картина или музыкальное произведение — это индивидуальные креативные продукты. А вот опера, поставленная по этой музыке, или кинофильм, это уже коллективный креативный продукт.

Если говорить о предметном измерении креативности, то следует отметить, что предметное поле ее онтологической реализации существенно шире, чем в первую очередь приходящая на ум сфера искусства и культуры. Мы полагаем, что пространство для креативности существует и в пределах науки (научное творчество), технологической сферы (конструкторское дело, инженерное и технологическое творчество), и в социальной, и в политической, и в экономической сферах. И, разумеется, в педагогике.

Оппозицией креативности в рамках простейшей бинарной пары можно считать конформность, понимаемую как готовность социального субъекта интериоризировать внешние, чужие креативные решения. Соответственно, конформные социальные практики — это практики по интериоризации внешних креативных решений и социального действия в русле этих решений.

Креативность и конформность равнозначны важны в развитии общества. Общество должно меняться, должно развиваться и одновременно закреплять и воспроизводить характеристики, обеспечивающие позитивную социальную наследственность. Сочетание креативных личностей (ведущих) и фолловеров (ведомых) обеспечивает своего рода баланс. И с биологической, и с социологической точки зрения, обществу не нужны только яркие, взрывно-креативные личности. Для стабильного и поступательного развития не менее важны носители конформной идентичности. Яркие, смелые, не скованные общественным мнением и иногда нормами морали, творцы-креативщики обеспечивают движение вперед, они задают вектор социальной и эстетической изменчивости. Не менее важны фолловеры-исполнители, которые обеспечивают социальную наследственность, баланс и стабильность. Обществу нужны оба «идеальных» типа личностей.

Кроме того, можно предположить, что и в пределах одной личности могут ужиться креативные и конформные начала. Представим себе креатора, предлагающего революционное преобразование какой-либо отрасли искусства, который при этом вполне конформен в своих, скажем, представлениях о семейной жизни, гендерных ролях или гастрономических предпочтениях.

Любой креатор действует в рамках той культурной ментальности в сорокинском понимании этой категории, в которой ему суждено родиться. Под ментальностью мы, опираясь на труды П. Сорокина, будем понимать «сферу разума, ценности, смысла». Именно ментальность, «внутренняя сторона культуры управляет внешней» [4].

Динамический дрейф ментальностей происходит благодаря креативным субъектам-творцам. Их читают, смотрят, слушают, т.е. меняются ментально. Далее им начинают подражать уже внешне, благодаря им начинают по-другому потреблять, жить, и, наконец, думать.

Онтологически креативность можно рассматривать в двух статусах. Первый — базовый — это *modus vivendi* любого человека.

Мы рассматриваем базовую возможность творчества как важную составляющую качества жизни. Без этой возможности, хотя бы в некоторой ограниченной предметной лакуне, жизнь современного человека не будет полноценной. Действительно, когда человек хотя бы в чем-то способен подняться над ежедневными заботами о еде, безопасности, над волнениями и страхами, чтобы свободно творить и созидать, жизнь его обретает важный самоценный смысл, обогащающий повседневные рутинные обыденные смыслы.

Второй онтологический статус креативности связан с переходом этой характеристики в сферу профессиональной самореализации индивида. В этом статусе

креативность — уже профессиональная характеристика, котирующаяся на рынке социальных обменов. Вспомним А. С. Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Эта креативность приобретает данный статус, поскольку она обретает рыночный эквивалент.

Творческие люди преобразовывают реальность, создают новые эстетические образцы, задают новые стандарты в самых разных сферах, в том числе в сфере духовного потребления. Творчество и духовная жизнь тесно взаимосвязаны. Именно поэтому «творцы-креативщики» в определенном смысле несут ответственность за содержание духовной жизни социума. То, что мы читаем, что звучит из подкастов, что мы видим на ТВ, все это складывается в мозаику (смысловую или бессмысленную решать нам) повседневной ментальной/духовной жизни. И в ней новое постоянно испытывает и ставит под сомнение старое.

Смыслы, которые создают и распространяют креативные субъекты, в существенной мере, определяют и жизнь материальную, потребительское поведение. Феномен моды и следования за модой прямо подтверждает этот тезис. То, во что одеваются блогеры, места, где они отдыхают, обедают, персонажи, с которыми дружат/не дружат, является предметом подражания и определяет повседневную моду.

Как писал Х. Ортега-и-Гассет [3, с. 48], чем менее образована масса, тем легче ей управлять. В настоящее время почти большинство взрослого населения имеет степень бакалавра или специалиста. Тем не менее, мы можем предположить, что в ходе первичной и вторичной социализации большинство выучило такие правила, как «не высовывайся», «а что скажут другие», «будь как все», «так принято», что привело к тому, что большинство людей даже с высшим образованием часто идут по похожим жизненным сценариям. В их жизни остается мало места для творческой смелости, для постановки под сомнение принятых норм и образцов. И тем более создания новых.

Именно поэтому творцы и/или люди с внутренней свободой, будь то с талантом или без, вызывают такое восхищение. Многим бы хотелось тоже быть такими, но социальные нормы, рамки и внутренние ограничения им этого не позволяют. Поэтому во многих случаях кумирами становятся творцы-паракреативщики, этими качествами обладающие.

Фолловеры стараются им подражать, втайне или явно восхищаясь смелостью и яркостью творцов, желая быть на них похожими и потому напевающими их песни, лайкающими их в социальных сетях, формируя, таким образом, их легитимность в обществе и преумножая их социальный капитал. Подчеркнем, что паракреативным «творцам» при этом не обязательно обладать талантом — смелости, дерзости и способности к эпатажу (как то, чего недостает фолловерам) зачастую вполне достаточно.

Мы можем, таким образом, предположить, что если креативность и внутренняя свобода самовыражения, то, что мы полагаем естественной креативностью первого уровня, будут не подавляться, а поддерживаться системой воспитания и образования у всех членов общества, проявление такой креативности будет восприниматься как социальная норма, это в целом сможет повысить совокупный социальный потенциал общества. И сделает его менее конфликтным, и, возможно, более счастливым.

Соответственно, креативность, поощряемая в период первичной и вторичной социализации, будет делать ее субъекта более смелым, более уверенным, даст возможность проявить свой талант и поэтому стать индивидуально более счастливым. Более того, креативность, внутренняя смелость и свобода самовыражения, полученные в ходе социализации в обществе, перестанут быть редкими качествами, поскольку ими будет обладать большая часть населения. Ценить креативных

лидеров будут, таким образом, за настоящий талант, а не за паракреативный эпатаж. Когда смелость и свобода самовыражения станут социальной нормой, это уже не будет восприниматься как «дефицит», и потому не будет считаться как форма креативности, а, скорее, как реализация внутренней потребности, естественной для каждого. Таким образом, многие сегодняшние инфлюенсеры-паракреативщики (фейковые творцы) потеряют свою социальную силу, поскольку тянуться и подражать им будут меньше.

Вслед за Максом Вебером мы предполагаем, что одной из социальных миссий индивида в социуме является исполнение своего призвания, своего «Beruf» [1, с. 56].

Выполнение своего призвания не может быть на «среднем уровне», без вдохновения, будь то выпечка круассанов или написание музыки. Человек, реализующий свое истинное призвание, всегда счастлив. А счастливый человек, человек «на своем месте», максимально хорошо выполняет свою социальную миссию, заражая своим оптимизмом и настроением других.

В построенном по принципу свободы самовыражения и поощрения этого самовыражения обществе креативностью и раскрепощенностью никого не удивишь. А вот настоящий талант в любой сфере будет более заметен. Более того, будут созданы прекрасные социальные условия для раскрытия этого таланта. При этом очевидной будет принципиальная разница между субъектами креативности и паракреативности.

В обществе, о котором мы говорим, талант будет проявляться не «вопреки», а «благодаря» социальному климату, многим членам общества не придется ждать своих 40–50 лет (обретения внутренней и финансовой свободы) с тем, чтобы дерзнуть, наконец, и проявить себя.

Таким образом, мы считаем, что социальное благополучие, идущее рука об руку с креативной реализацией своего предназначения, — это двусторонний процесс.

Общество, создавая и поддерживая социальные нормы, направленные на развитие внутренней свободы и креативности, способствует формированию более счастливого в широком плане социума, где у каждого участника социального взаимодействия созданы условия для раскрытия и реализации своего креативного потенциала во благо его самого и большого или малого сообщества, в зависимости от масштаба деятельности. Масштаб деятельности уже не будет иметь решающего значения для креатора, коль скоро он счастлив, позволим себе еще раз употребить это социологически неоперациональное слово, в процессе самореализации. Добавим, что цифровая реальность создает новые условия для социального масштабирования креативных практик и креативных продуктов, поскольку при желании каждый творец может сам рассказать о себе всему миру и задать коммуникативный, а значит, социальный масштаб своим креативным практикам самостоятельно.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. : АСТ, 2020.
2. Негус К., Пикеринг М. Креативность, коммуникация и культурные ценности. Харьков : Гуманитарный Центр, 2011.
3. Ортега-и-Гассет Х. О. Восстание масс. М. : АСТ, 2016.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
5. Фромм Э. Иметь или быть. М. : АСТ, 2020.
6. Adorn T. The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture. Edited by J. Bernstein. London : Routledge, 1991.
7. Dispenza J. Breaking the Habit of Being Yourself. Carlsbad, Calif. : Hay House, 2012.
8. Harari Y. N. 21 Lessons for the 21st Century. London : Vintage, 2018.

Об авторах:

Гавра Дмитрий Петрович, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, профессор; dgavra@mail.ru

Байер Юлия Паулевна, директор образовательных программ «Социальная работа» и «Социология», доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; bayer-yp@ranepa.ru

References

1. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. M. : AST, 2020. (In rus).
2. Negus K., Pickering M. Creativity, communication and cultural values. Kharkov: Humanitarian Center, 2011. (In rus).
3. Ortega y Gasset H. O. Uprising of the masses. M. : AST, 2016. (In rus).
4. Sorokin P. Social and cultural dynamics. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. (In rus).
5. Fromm E. Have or be. M. : AST, 2020. (In rus).
6. Adorn T. The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture. Edited by J. Bernstein. London : Routledge, 1991.
7. Dispenza J. Breaking the Habit of Being Yourself. Carlsbad, Calif. : Hay House, 2012.
8. Harari Y.N. 21 Lessons for the 21st Century. London : Vintage, 2018.

About the authors:

Dmitrii P. Gavra, Head of the Department of Public Relations in Business, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sociology, Professor; dgavra@mail.ru

Julia P. Bayer, Head of “Sociology” and “Social work” programmes, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; bayer-yp@ranepa.ru

Актуальная повестка исследования ценностей в зарубежной социологии: тематика, теории, методологии*

Кашина М. А.^{1, *}, Ляшко С. В.¹, Ткач С.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kashina-ma@ranepa.ru

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Исследования ценностей важны как для развития социологии, так и для практики социального управления, они дают необходимую основу проведения эффективной государственной политики.

Целью данной статьи выступал анализ актуальной повестки исследования ценностей путем построения теоретико-методологических тематических кластеров. Факультативной задачей являлось описание тематического тезауруса, используемого авторами статей по ценностям. Проверялась **гипотеза** о том, что в актуальной повестке наибольшее признание получила теория социального статуса применительно к экономической тематике. Исследование выполнено в **количественном дизайне**, был использован метод контент-анализа с последующим расчетом коэффициента с-корреляции между тремя смысловыми компонентами исследования: тематика, теория, методология. Эмпирическим материалом стали аннотации 132 статей, опубликованные в 21 социологическом журнале, входящем в первый квартал Scopus в 2016–2020 гг. Статьи отбирались по авторской поисковой методике. В качестве **ограничений исследования** выступают 5-летний временной период, язык статьи (английский), использование для анализа только текстов аннотаций, а не самих статей, авторская методика построения кластеров (возможно построение кластеров по иным основаниям).

Результаты. Основная гипотеза была подтверждена. Наиболее сильная связь зафиксирована между теорией социального статуса и экономической тематикой (коэффициент с-корреляции — 0,62). Наименьшая связь обнаружена между семейными ценностями и теориями о ценностях как идеальных представлениях (0,21). При этом коэффициент связи теорий и тем исследований в среднем ниже, чем методологий и тем. Качественная методология авторами статей о ценностях упоминается чуть чаще, чем количественная. (114 против 103). В тематическом тезаурусе наибольшее разнообразие зафиксировано в исследовательской области «Труд и экономика», наименьшее — в областях «Семья» и «Образование». Несмотря на то, что группа статей, в которых затрагиваются ценности в сфере политики, в выборке вторая по численности 87 статей (66%), в ее тематический тезаурус вошло только 15 часто употребляемых терминов. В тематической области «Труд и экономики» выделено 65 значимых терминов, всего к ней были отнесены материалы 111 статей (84%).

Направления дальнейших исследований связаны с изучением изоморфности повестки исследования ценностей в международной социологии и российской, а также с анализом содержательных расхождений в изучении ценностей в одной и той же сфере жизни между российскими и зарубежными социологами.

Ключевые слова: кластер, количественное исследование, Скопус, социология, обзор, тезаурус, ценности

Для цитирования: Кашина М. А., Ляшко С. В., Ткач С. Актуальная повестка исследования ценностей в зарубежной социологии: тематика, теории, методологии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 62–82.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Topical Agenda for the Study of Values in Foreign Sociology: Topics, Theories, Methodologies

Marina A. Kashina¹, *, Svetlana V. Lyashko¹, Sergei Tkach²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kashina-ma@ranepa.ru

²Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Research on values is important both for the development of sociology and for practices of social management, they provide the necessary basis for effective public policy.

The purpose of this article was to analyze the current agenda for the study of values by building theoretical and methodological thematic clusters. An optional task was to describe the thematic thesaurus used by the authors of the articles on values. The hypothesis was tested that the theory of social status in relation to economic topics received the greatest recognition in the current agenda. The study was carried out in a quantitative design, the method of content analysis was used, followed by the calculation of the c-correlation coefficient between the three semantic components of the study: topic, theory, methodology. The empirical material was the abstracts of 132 articles published in 21 sociological journals, included in the 1 quartile of Scopus in 2016–2020. Articles were selected according to the author's search method. The limitations of the study are the 5-year time period, the language of the article (English), the use of only abstract texts for analysis, and not the articles themselves, the author's method of building clusters (it is possible to build clusters on other grounds).

Results. The main hypothesis was confirmed. The strongest connection was recorded between the theory of social status and economic topics (c-correlation coefficient — 0.62). The smallest connection was found between family values and theories about values as ideal representations (0.21). At the same time, the coefficient of connection between theories and research topics is, on average, lower than that of methodologies and topics. Qualitative methodology is mentioned by authors of articles on values a little more often than quantitative one. (114 qualitative versus 103 quantitative). In the thematic thesaurus, the greatest diversity is recorded in the research area "Labor and Economics", the least — in the areas "Family" and "Education". Despite the fact that the group of articles dealing with values in the sphere of politics is the second largest in the sample with 87 articles (66%), only 15 frequently used terms were included in its thematic thesaurus. In the area of "Labor and Economics", 65 significant terms were identified; in total, materials of 111 articles (84%) were attributed to this area.

The directions of further research are related to the study of the isomorphism of the agenda for the study of values in international and Russian sociology, as well as the analysis of substantive discrepancies in the study of values in the same sphere of life between Russian and foreign sociologists.

Keywords: cluster, quantitative research, Scopus, sociology, review, thesaurus, values

For citing: Kashina M. A., Lyashko S. V., Tkach S. Topical Agenda for the Study of Values in Foreign Sociology: Topics, Theories, Methodologies // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 62–82.

Введение

Исследования ценностей как наглядно отражают внутреннюю логику развития социологической науки, так и фиксируют актуализированную проблематику отдельной общественной системы в конкретный период времени. Приращение научных знаний в этой области — это прогресс одновременно и теоретический/теоретико-методологический, и практический/практико-управленческий. Достоверное знание о ценностях, разделяемых различными социальными группами в разных сферах общественной жизни, дает государству необходимую основу для решения социальных проблем, разработки и проведения действенной социальной политики.

Глобализационные процессы и универсальность ценностей как механизмов регулирования социального поведения делают актуальным анализ исследований ценностей, проведенных за рубежом в последнее время. Обзор таких исследований позволяет выделить *main-stream* в тематике, теории и методологии исследований ценностей в мировой социологии, обозначив тем самым пул перспективных направлений для развития отечественной социологии.

Цель: анализ актуальной повестки исследования ценностей в зарубежной социологии путем построения теоретико-методологических тематических кластеров.

Объект: тексты статей, описывающие результаты современных социологических исследований ценностей, опубликованные в высокорейтинговых научных журналах.

Предмет: тематика, теория и методология социологических исследований ценностей.

Основная гипотеза в актуальной повестке исследования ценностей в зарубежной социологии наибольшее признание получила теория социального статуса применительно к экономической тематике.

Обзор теоретико-методологических подходов к исследованию ценностей в социологии

Исследование ценностей — одно из активно развивающихся в современной социологии направлений, при этом арсенал теоретических и методологических подходов к изучению этого феномена огромен. Часто исследования становятся междисциплинарными, опирающимися на несколько теорий и концепций. Среди наиболее разработанных подходов выделяются феноменологический, социокультурный, бихевиористический, социально-психологический, прагматический, герменевтический, социологический и другие.

Кратко рассмотрим эволюцию подходов к изучению ценностей в социологии. Их основания были заложены Э. Дюркгеймом и М. Вебером.

Э. Дюркгейм определял ценности как «коллективные представления», возникшие на основе кооперации и солидарности людей. Для него ценности — это и то, что *удовлетворяет потребности* людей. Определяя ценность цивилизации, он отмечает: «Что же касается нас, то мы знаем, что область этики не так неопределенна ... цивилизация не имеет сама по себе абсолютной ценности: цену ей придает то, что она соответствует определенным потребностям» [4].

М. Вебер трактовал ценности в контексте идеальных типов — некой идеальной модели, которая *отвечает интересам* человека в современной ему эпохе. В этом отношении в качестве идеальных типов выступают моральные, политические, религиозные и другие ценности и вытекающие из них установки поведения и деятельности людей [2].

Продолжение исследования ценностей в XX в. связано с именами **У. Томаса** и **Ф. Знанецкого** [12]. С их точки зрения ценности создаются и разрушаются самими людьми в процессе взаимодействия. Социальная ценность всегда связана с деятельностью индивидов, а поведение людей зависит от той системы ценностей, которой они придерживаются. Ценности представляют собой только те *характеристики объектов, которые значимы* для человека.

Значительный вклад в разработку теории ценностей внес **П. Сорокин**. Ученый полагал, что совокупность ценностей образует *культуру*, а значит и систему, в которой происходит взаимодействие индивидов и общества. Культурные ценности — это *смысл существования* людей и общества [11].

Ученик П. Сорокина **Т. Парсонс** считал, что система ценностей одновременно объединяет и разъединяет людей, способствуя возникновению различных социальных классов, слоев, наций [8]. Ценность устанавливает *их своеобразие, отличие*

друг от друга: то, что приемлемо и обыденно для одних общностей, оказывается неприемлемым для других.

Согласно Т. Парсонсу, религиозные ценности являются основой для всех остальных. Каждый вид ценности образует фундамент соответствующей культурной системы, которые интегрируются в единую культурную систему. Но ни одна из социокультурных систем, кроме религии, не может убедить субъектов в законности ценностей и необходимости им следовать.

Н. Луман определял ценность как точку зрения, выделяющую наиболее *предпочтительные, по сравнению с остальными, последствия действия* [6]. Нормативно-правовой и социальный порядок не гарантируют постоянства конкретных ценностей. Их изменение происходит в результате активного вмешательства фактора идеологии: она упорядочивает, нейтрализует и отбирает ценности.

В основу концепции ценностей **Ч. Р. Миллса** легли представления о ценности истины, ценности роли *разума* в жизни людей и ценности *человеческой свободы*. Миллс отмечает, свобода и разум занимают центральное место в западной цивилизации, обе ценности провозглашаются идеалами. Ч. Миллс определяет различные категории состояния индивида в зависимости от ситуаций, в которых находятся те или иные его ценности [7].

В XXI в. наиболее часто при изучении ценностей авторы ссылаются на **М. Рокича**, который рассматривал ценность как разновидность устойчивого *убеждения о предпочтительных способах поведения* [9]. Ценности и установки являются психологическими факторами, которые регулируют социальное поведение людей. В отличие от установок, ценности более абстрактны, но являются наиболее важными в жизни людей. М. Рокич полагал, что человеческие ценности относительно немногочисленны и организованы в системы. Изменение ценности происходит, когда человек осознает несоответствие между некоторыми ценностями, что провоцирует у него чувство неудовлетворенности собой. И наоборот, ценность стабилизируется, если человек удовлетворен собой и своими действиями.

Эмпирический подход к исследованию ценностей, который развивается в последнее время, произвел *замену структурных объяснений* процессов и явлений *культурными*. В этом контексте интересны работы по проблемам политического консенсуса в обществе. В первую очередь здесь следует назвать работы **Г. Алмонда и С. Верба** [13].

Нельзя не упомянуть имя **Р. Инглхарта** — автора, который в последние десятилетия исследует трансформацию ценностей в мировом масштабе. Р. Инглхарт прослеживает экономическое и технологическое развитие общества, а также процесс модернизации и демократизации с помощью двух ключевых биполярных измерений культуры — выживание против самовыражения (*survival/selfexpression*) и традиционный против секулярно-рационального авторитета (*traditional / secular-rational authority*). Центральным компонентом первого измерения является *альтернатива материальные–постматериальные ценности*. Материалистичные общества подчеркивают необходимость выживания, физического сохранения, безопасности и материального благополучия, в то время как в постматериалистичных обществах растет стремление к автономии, самовыражению, для достижения процветания, доверия и толерантности в межличностном общении, групповой принадлежности, улучшения качества жизни и окружающей среды [3].

Таким образом, эволюцию понимания ценностей в истории социологии можно представить как переход от рассмотрения ценностей в контексте удовлетворения потребностей, интересов, предпочтительных последствий и способов действий к ценностям как смыслам существования, демаркационным линиям, свободе и разуму, что результируется у современных социологов в противопоставлении материального и постматериального. Обобщая, можно сказать, что сквозной идеей со-

циологического подхода выступает признание ориентирующей, регулирующей роли ценностей в поведении/жизни человека, группы, общества в целом.

Далее перейдем от хронологического описания к структурному и представим классификацию теорий ценностей с позиций ведущего принципа их формирования. В нашей статье, опираясь на идеи J. L. Spates [22], мы выделяем четыре группы таких теорий, каждая из которых предлагает свой подход к пониманию природы ценностей и факторов их порождающих.

Первую группу теорий можно назвать *экономическим подходом* (economic theory). В его основе лежит экономическая теория ценностей (К. Маркс, А. Смит, Н. Carey и др.). Излишним будет приводить труды А. Смита или К. Маркса, они широко известны. В качестве менее популярной можно назвать классическую работу Н. Carey "*Principles of Social Science*" [14]. Суть данного подхода состоит в том, что под ценностями понимается так или иначе квантифицируемая *экономическая полезность*.

Вторую группу составляют *антропологические теории* (anthropologic theory). Основоположниками выступают А. Рэдклифф-Браун и Р. Бенедикт. Антропологическое осмысление ценностей отталкивается от *отрицания экономической полезности* в пользу ценности, рождаемой через *культурную практику* [10].

К третьей группе относятся теории, связанные с *социальным положением индивида* (social status). Такие идеи нашли свое воплощение в работах Г. Спенсера, Ф. Адлера¹, Г. Алпорта, Н. Беккера, У. Каттона, Л. Колмана [15], Дж. Гиллина [16], В. Линдсей, С. Морриса, Г. Мюрдала [19], Д. Рисмана [20]. Фактически, теории этой группы дополняют марксистское понимание ценности, обогащая понятия класса и интерпретируя его как социальный статус. В рамках теорий данной группы ценности приобретают свое значение в соответствии с *детерминантами социального статуса*, служат *индикаторами этого статуса* и *ограничивают* человека в его действиях в *границах, приписанных статусу*.

Четвертую группу образуют теории, где ценности представляют собой замкнутые *идеальные представления* (ideal views). Эти теории отражены в работах таких авторов, как Т. Парсонс, В. Томас и Ф. Знанецкий, Дж. Блейка, С. дю Буа, К. Дэйвиса, Дж. Кахла [17], С. Клуцхолна, А. Марша [18], Р. Уильямса. Ценности здесь трактуются в неокантианском ключе, как предельная система смыслов. Ценности выступают абстрактной сущностью, представляемой людьми как *конечный рубеж мотивации*. Предполагается, что через множество итераций объяснений того, в чем смысл конкретного действия, можно прийти к истинной мотивации, что и является ценностью.

В конечном счете эти четыре теоретических подхода укладываются в философскую дилемму материального (бытия) и духовного (сознания), экономики и культуры. Однако различие в теоретических объяснениях, расставляемых акцентах требует отделения экономического подхода от подхода с позиций социального статуса, а антропологического от исследования ценностей с позиций идеальных представлений.

Выделенные теоретические подходы применяются в конкретных (эмпирических) исследованиях, что служит задачам верификации самих подходов и их развития. Естественно предположить, что в реальных исследованиях ценностей они будут использованы в разной степени и при изучении различных тем. Как связаны теория, методология и тематика в актуальной повестке исследования ценностей за рубежом — исследовательский вопрос, на который предполагается ответить в данной статье.

Методология, методика и выборка исследования

Исследование выполнено в количественном дизайне. Задача описания исследовательской повестки решалась нами через анализ концептуализации авторами статей

¹ Мы приводим лишь некоторые из наиболее значимых работ для каждой из групп из соображений целесообразности объема изложения.

своих исследований в аннотациях. Были выделены три смысловых компонента, содержательно описывающих повестку научной статьи: тематика, к которой может быть отнесена проблема статьи, теория, на которую опирается исследователь в изучении данной проблемы, методология сбора и анализа данных.

Формирование выборки статей для анализа происходило в два этапа.

На первом из общего массива высокорейтинговых научных журналов по социологии были отобраны журналы, в которых тематически в интересующий нас период (2016–2020 гг.) могли бы быть размещены статьи по исследованию ценностей. Уровень журнала — 1 квартиль Scopus. Таких журналов оказалось 25 (табл. 1).

На втором этапе проводился отбор статей из выделенных журналов. С содержательной стороны такой отбор являлся достаточно нетривиальной задачей, поскольку англоязычное слово *value* многозначно, и редко используется в значении «ценность» применительно к теме или теории исследования. То же справедливо и для выражения *value(s) of* и *value(s) in*. Поэтому было необходимо ввести дополнительные реперные точки, позволяющие идентифицировать статью как исследование ценностей. В качестве таких точек были использованы фамилии социологов, которые считаются классиками в исследовании ценностей и/или предложившими собственные подходы (теории) ценностей.

Проведенный обзор литературы позволил в качестве авторов, чьи работы составляют современные методологические и литературные основания анализа ценностей, выделить следующих ученых: F. Adler, G. Allport, H. Becker, R. Benedict, J. Blake, C. du Bois, W. Catton, R. Cochrane, L. Coleman, K. Davis, D. Fave, J. Gillin, J. Kahl, C. Kluckhohn, V. Lindsey, A. Marsh, K. Marx, C. Morris, G. Myrdal, T. Parsons, D. Riesman, A. Smith, H. Spencer, W. Thomas, R. Williams.

Логично предположить, что авторы современных статей по ценностям должны были упоминать эти фамилии в аннотациях своих работ. На основании этого был сконструирован поисковый запрос, проводившийся по всем отобранным журналам. Он включал в себя фамилии авторов из литературного обзора и термин *value*:

```
value AND (kluckhohn OR du AND bois OR williams OR kahl OR marsh
OR blake OR davis OR myrdal OR coleman OR gillin OR riesman OR
allport OR lindsey OR becker OR morris OR catton OR adler OR fave
OR cochrane OR parsons OR marx OR benedict OR smith OR thomas OR
spence ) AND (LIMIT-TO (SUBJAREA , «SOCИ»)) AND (LIMIT-TO (PUBYEAR,
2020) OR LIMIT-TO (PUBYEAR , 2019) OR LIMIT-TO (PUBYEА , 2018) OR
LIMIT-TO (PUBYEAR, 201) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2016))
```

Результатом запроса стал список из 132-х статей, которые следующим образом распределились по отобранным журналам (см. табл. 1).

Далее нами был проведен контент-анализ текстов аннотаций отобранных статей. Чтобы расширить поле исследования, в него были включены наряду со статьями с открытым доступом публикации, которые доступны только по подписке.

Сначала из аннотаций были убраны тензорные категории и служебные части речи. Всего получилось 4227 терминов. Они были ранжированы по частоте употребления. Самый популярный термин *policies* использовался 102 раза. По одному разу — 2225 терминов. Конечный список для анализа был ограничен пятью упоминаниями термина. Он составил 283 термина.

Затем слова были сгруппированы семантически в три категории, соответствующие компонентам концептуализации исследовательской повестки: тематика, теория, методология исследования. В каждой из категорий были выделены субкатегории.

Тематика выделялась в соответствии со сложившейся в социологии классификацией теорий среднего уровня. Поскольку социология ценностей как отдельная теория среднего уровня пока не оформлена/не признана, то ценности рассматривались в качестве предмета изучения других отраслевых социологий.

Распределение статей, вошедших в выборку, по журналам

Table 1. Distribution of selected articles by journal

Название журнала	Число отобранных статей*	Доля в выборке, %
International journal of sociology and social policy	20	15
Sociological perspectives	15	11,5
International journal of migration, health and social Care	14	10,5
Theory, culture and society	13	10
International journal of educational development	8	6
Sociological research online	8	6
Journal of youth studies	7	5,5
Families, relationships and societies	6	4,5
International journal of cultural policy	6	4,5
Journal of leadership and organizational studies	6	4,5
Philosophy and social criticism	6	4,5
International journal of comparative sociology	4	3
Work, employment and society	4	3
Sociological methods and research	4	3
International journal of politics, culture and society	3	2,5
Human affairs	2	1,5
Psychology, Society and education	2	1,5
Research on social work practice	1	0,75
Sociological studies and youth	1	0,75
Studies in family planning	1	0,75
Studies in qualitative methodology	1	0,75
European sociological review	0	0
Research in the sociological work	0	0
Russian education and society	0	0
Sociological methodology	0	0
Всего	132	100

*В четырех журналах в анализируемый период не оказалось статей, соответствующих заданным критериям поиска, хотя в описании журналом публикуемых материалов тематика ценностей в социологии присутствовала.

В качестве субкатегорий для научных теорий была выбрана таксономия, описанная в литературном обзоре, включающая четыре теоретических подхода: теория социального статуса (social status); ценности как идеальные представления (ideal views); экономическая теория (economic theory); антропологическая теория (anthropological theory).

Методология, в соответствии с общепринятой классификацией, подразделялась на количественную (quantative) и качественную (антропологическую) (antropology).

Описание исследовательской повестки и построение кластеров, кроме анализа распределений субкатегорий внутри каждой из трех категорий, также предполага-

ло выявление и исследование соотношений и зависимостей между выбираемыми авторами темами, теориями, методологиями. Для этого были проанализированы коэффициенты корреляции (с-коэффициент) выбранных субкатегорий.

Таким образом, актуальная повестка исследования ценностей в зарубежной социологии получает в нашей работе трехмерное измерение — тематика, теория, методология, при этом дается количественная оценка распространенности и силы связей между отдельными элементами этого измерения.

Факультативной задачей выступало описание тематического тезауруса, используемого авторами статей по ценностям. Частота использования отдельных терминов в рамках конкретного тематического направления рассмотрения ценностей служит индикатором актуальности (востребованности) тех или иных аспектов темы. Это описание представлено в Приложении к статье.

Результаты исследования

Начнем с общей характеристики статей, вошедших в выборку. В табл. 2 представлено их распределение по тематике.

Общая сумма превышает 100%, потому что в статье могли рассматриваться несколько тематических областей.

Как показывают данные табл. 2, авторами чаще всего одновременно исследуются несколько тематических областей ценностей, при этом безусловным лидером выступает тема ценностей в сфере экономики, тематика ценностей семьи и образования встречается почти в два раза реже. Это разительно отличается от результатов, полученных нами на выборке статей из высокорейтинговых журналов отечественных авторов. Там наиболее популярными оказались темы образования, политики и семьи [5]. Отметим, что очень распространенной в повестке ценностей в зарубежной социологии оказалась тема этничности, которая в отечественной социологии встречается гораздо реже.

На рис. представлено распределение теорий, на которые опираются авторы статей в проведении своих исследований. Как уже отмечалось в разделе «Методология», сам набор теорий сформирован на основе анализа теоретических работ по социологическому анализу ценностей. Отнесение статьи в определенную группу осуществлялось на основе упоминания в аннотациях терминов, характерных для той или иной теории.

Теперь рассмотрим внутреннюю взаимосвязь отдельных параметров исследований ценностей.

В табл. 3 показан коэффициент с-корреляции методологий и теорий исследований. Он варьирует от 0,27 до 0,61. Самая тесная связь количественной методологии и экономического подхода, но не с позиций классической теории К. Марса, а более современной — социального статуса. Качественная методология чаще упоминается в исследованиях, опирающихся на теорию ценностей как идеальных представлений.

Взаимосвязь между методологиями и темами исследований показана в табл. 4. Здесь максимальное значение коэффициента с-корреляции достигает 0,88, а минимальное — почти в два раза меньше (0,48). Наиболее сильно оказались связаны упоминание о качественной методологии и тематика экономических ценностей. В исследованиях ценностей в сфере образования и сфере семьи качественная и количественная методология упоминаются в равной мере.

Коэффициент с-корреляции теорий и тем исследований показан в табл. 5. Наиболее сильная связь зафиксирована между теорией социального статуса и экономической тематикой (0,62). Наименьшая — семейных ценностей и теории о ценностях как идеальных представлениях (0,21). При этом коэффициент связи теорий и тем исследований в среднем меньше, чем методологии и тем.

Распределение статей, вошедших в выборку, по тематике

Table 2. Distribution of selected articles by topic

Topic	Тема	Количество статей (абс. ч.)	Доля статей в выборке (%)
economics	экономика	111	84
politics	политика	87	66
ethnicity	этничность	86	65
life and wellbeing	жизнь и благополучие	86	65
culture	культура	75	57
family	семья	66	50
education	образование	62	47
	Всего	573	434

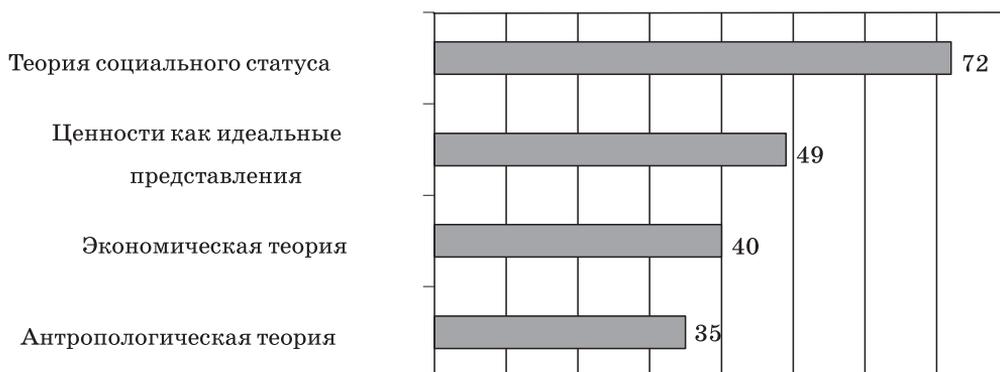

Рис. Распределение теорий, которые использованы авторами статей по ценностям (абс. ч.)*

Fig. Distribution of theories that were used by the authors of the articles on values (abs. values)

*Общая сумма превышает 132, потому что в некоторых статьях были использованы несколько теоретических подходов.

Таблица 3

Коэффициент с-корреляции методологий и теорий

Table 3. C-correlation coefficient of methodologies and theories

Методология \ Теория	anthropological theory	economic theory	ideal views	social status
antropology	0,28	0,31	0,42	0,56
quantative	0,27	0,36	0,38	0,61

Другими словами, выбор темы определяет методологию (дизайн) исследования, но сама тема может исследоваться с разных теоретических позиций, здесь сильных связей нет.

В завершение рассмотрим, какие темы чаще всего оказываются связаны друг с другом, т.е. исследуются одновременно (табл. 6). Самая сильная связь зафиксирована

Коэффициент с-корреляции методологий и тем
Table 4. C-correlation coefficient of methodologies and topics

Тема \ Методология	culture	economics	education	ethnicity	family	life and wellbeing	politics
antropology	0,59	0,88	0,48	0,65	0,51	0,68	0,7
quantative	0,58	0,78	0,51	0,64	0,52	0,62	0,64

Таблица 5

Коэффициент с-корреляции теорий и исследовательских тем
Table 5. C-correlation coefficient of theories and research topics

Тема \ Теория	antropological theory	economic theory	ideal views	social status
antropology	0,28	0,31	0,42	0,56
culture	0,38	0,32	0,33	0,43
economics	0,26	0,36	0,38	0,62
education	0,28	0,28	0,26	0,49
ethnicity	0,32	0,34	0,35	0,45
family	0,22	0,26	0,21	0,45
life and wellbeing	0,25	0,31	0,34	0,45
politics	0,3	0,28	0,4	0,46
quantative	0,27	0,36	0,38	0,61

Таблица 6

Коэффициент с-корреляции исследовательских тем между собой
Table 6. C-correlation coefficient of research topics among themselves

Тема	economics	politics	ethnicity	life and wellbeing	culture	family	education
economics	1	0,62	0,66	0,66	0,58	0,54	0,49
politics	0,62	1	0,56	0,53	0,57	0,42	0,37
ethnicity	0,66	0,56	1	0,56	0,53	0,43	0,42
life and wellbeing	0,66	0,53	0,56	1	0,48	0,43	0,41
culture	0,58	0,57	0,53	0,48	1	0,4	0,41
family	0,54	0,42	0,43	0,43	0,4	1	0,42
education	0,49	0,37	0,42	0,41	0,41	0,42	1

между темами экономики и этничности (0,66), экономики и жизненного благополучия (0,66). Эта связь оказывается даже сильнее, чем между традиционной парой политика-экономика (0,62). Самая слабая связь зафиксирована между политикой и образованием (0,37). Тематика ценностей в образовании в целом оказалась наименее связанной с другими темами. То же можно сказать в отношении семейных ценностей.

Решение задачи описания тематического тезауруса, используемого авторами статей по ценностям, показало, что наибольшее разнообразие в использовании

терминов зафиксировано в тематической области «Труд и экономика», наименьшее — в областях «Семья» и «Образование», но и статей по этим темам в выборке заметно меньше. В то же время, несмотря на то что статей по ценностям в сфере политики 87 (66%), эта вторая по численности после экономики группа статей, в этот тематический тезаурус вошло только 15 часто упоминаемых терминов. Авторами используются слова либеральный/неолиберальный, но нет, например, слов консервативный или демократический (см. Приложение).

Анализ и дискуссия

Распределение статей по тематикам ценностей (см. табл. 2) показывает, что наряду с классическими темами политических и экономических ценностей весьма значимой в зарубежной социологии оказывается тема ценностей этнических. Это, видимо, обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, анализировались статьи из международных журналов, для которых особенности социальной жизни разных стран представляют особый интерес, а во-вторых, в условиях глобализации, эта тема востребована не только с научной точки зрения, но и с практической (для политиков и управленцев).

Полученные результаты согласуются с глобальными социальными трендами и данными других исследователей. Так, Славой Жижек отмечает [21], что в эпоху глобализма актуализируется повестка этничности. При этом в современном мире постмодерна существует трансформация категорий власти. В частности, экономическая власть транспонируется во внеэкономическую плоскость, приобретая политический смысл и значение. В нашем исследовании это проявляется в том, что ведущей теорией в исследовании экономических ценностей оказалась теория социального статуса.

Другой современный социальный мыслитель, Зигмунд Бауман, показывает, что нынешнее время является периодом нестабильности и слома устоявшихся представлений о национальных государствах: это обнажается через проблемы миграции, интеграции, построение общества мультикультурализма, глобальную информационную прозрачность [1].

Очень востребованной в зарубежной социологии оказалась тематика жизни и благополучия, что также вполне объяснимо в политическом и международном контекстах. Поскольку временной период исследования включал 2020 г., то в массив статей уже вошли публикации, посвященные проблемам, связанным с COVID-19. Достаточно низкий интерес к ценностям в семейной сфере (в отличие от российской выборки) может объясняться тем, что демографические проблемы в мире не столько остры, как в России.

Поскольку тематически лидируют сфера экономики и политики, то обращение при исследовании ценностей к объективистской (материалистической) теории социального статуса вполне объяснимо. Антропологический (социокультурный) подход используется в два раза реже, хотя, казалось бы, тема культурных и этнических ценностей предполагает использование, в первую очередь, именно такого подхода. Однако это противоречие кажущееся, потому что оно разрешается на этапе использования методологии сбора и анализа данных. Качественная методология авторами статей упоминается даже чуть чаще, чем количественная (114 упоминаний качественной методологии против 103 количественной). Это соответствует современной тенденции расширения использования «мягких» методов в социологии. Кроме того, и сама исследуемая область — ценности — во многом связана с внутренним (субъективным) миром человека, которая более аутентично описывается качественными методами.

Количественная методология доминирует при использовании экономической теории и теории социального статуса, качественная (антропологическая) — антрополо-

гической теории и теории идеальных представлений. В целом это логично, поскольку в первом случае исследуются большие социальные группы, а во втором — малые группы или отдельный человек, но обращает на себя внимание крайне небольшое расхождение в коэффициентах связи, оно не превышает трех сотых, что может свидетельствовать о стремлении социологов к микшированию методов.

Все вышесказанное свидетельствует о плюрализме исследовательских дизайнов. Как уже говорилось, установлен интересный факт того, что существует сильная связь между упоминанием качественной (антропологической) методологии и тематики экономических ценностей. Анализ причин этого требует отдельного исследования. Учитывая, что в основе экономического подхода лежит классовая теория общества К. Маркса, т. е. деление общества на большие социальные группы, более ожидаемо было бы обращение к количественной методологии.

Самая слабая связь зафиксирована между теорией идеальных представлений, антропологической теорией и ценностями семьи. Фактически здесь связи нет вообще. Это также требует дальнейшего исследования, потому что анализ ценностей семьи как малой группы требовал, казалось бы, использования качественной методологии.

Следует подчеркнуть, что такая повестка исследования ценностей — доминирование экономических политических, этнических тем и темы благополучия — характерна именно для мировой, а не западной социологии, потому что в выборке присутствуют авторы из разных стран, и эта повестка значительно отличается от российской.

Ограничения исследования

Следует назвать четыре группы ограничений, которые следует принимать во внимание при анализе полученных результатов.

Первая — временной период. В работе анализировались статьи, опубликованные в 2016–2020 гг., когда проблемы, вызванные коронавирусной инфекцией, только начинали исследоваться. Сейчас ситуация значительно изменилась, можно предположить, что тематика, связанная с жизнью и здоровьем, становится лидирующей в исследованиях ценностей.

Вторая — язык. Изучались материалы, опубликованные только на английском языке, поэтому полученную картину нельзя признать полной. Возможно, французская, немецкая, китайская или индийская социологические школы используют несколько иные теоретико-методологические подходы и исследуют другие тематические области проблемного поля ценностей.

Третья — характер эмпирического материала. Контент-анализ проводился только текстов аннотаций, а не самих статей. Мы исходили из допущения, что в аннотации содержится квинтэссенция статьи, хотя практика показывает, что это далеко не всегда так, особенно в отечественных статьях. В то же время жесткие требования журналов первого квартиля Scopus позволяют предположить, что расхождение будет минимальным, и все наиболее существенное в исследовании найдет свое отражение в аннотации. При этом мы никак не анализировали полученные авторами статей результаты, т. е. абстрагировались от содержательной стороны исследования.

Четвертая — методика построения кластеров и тематического тезауруса. Данная методика была разработана нами специально для целей этого исследования. Необходимость подобной методики объясняется крайне неоднородностью и обширностью проблемного поля исследования ценностей. В обзоре теоретико-методологических подходов было показано, какое разнообразие существует в этой области, поэтому нам было необходимо сократить их до количества позволяющего, проводить

типологизацию эмпирического материала. Выбор именно этих четырех теоретических подходов (social status, ideal views, economic theory, antropological theory) для построения кластеров — это во многом следование сложившейся традиции, типологизация исследований ценностей может быть произведена и по другим теоретическим основаниям. При построении тематического тезауруса авторы двигались от эмпирического материала, а не от теоретической модели, при этом отнесение термина в ту или иную группу осуществлялось на основании его принадлежности к тематическому полю определенной теории среднего уровня, сложившейся в социологии. Вероятно, некоторые термины могут быть отнесены одновременно в разные группы. В дальнейших исследованиях можно будет решить эту проблему через анализ семантических связей, поскольку авторы отождествляют структурную близость и семантическую. Другими словами, расположение слов в рамках одного абзаца/аннотации предполагает их смысловую связанность.

Направления дальнейших исследований

Ключевым направлением можно считать анализ изоморфности актуальной повестки исследования ценностей в международной социологии и российской. Как уже отмечалось в разделе «Дискуссия», мировая социология в отличие от отечественной не выводит на первый план тематику семейных ценностей и/или образования. Необходимо более четко зафиксировать данный факт эмпирически и поставить вопрос о причинах этого. Мы уже писали о влиянии внешнего контура науки на выбор тематики исследований в отечественной социологии [5], но, очевидно, что эти тезисы требуют дальнейшего осмысления и подтверждения эмпирическим материалом, в том числе данными исследований ценностей. Также необходим дополнительный анализ влияния на выбор тематики исследования факторов внутреннего контура науки. Второе важное направление дальнейших исследований — это анализ содержательных расхождений в изучении ценностей в одной и той же сфере жизни между российскими и зарубежными социологами. Можно предположить, что постановка проблемы и формулировка гипотез будут отличаться, хотя в литературном обзоре все исследователи, скорее всего, будут опираться на одни и те же классические теоретические источники. Возможно, степень этих расхождений будет варьировать: скажем, в исследованиях ценностей в семейной сфере она будет меньше, чем в этнической сфере, или наоборот.

Приложение

Семантический тезаурус исследований ценностей в зарубежной социологии

Таблица 1

Тезаурус понимания (описания) ценностей в тематической области «Жизнь и здоровье»

Table 1. Thesaurus of understanding (descriptions) of values in the thematic area "Life and health"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
health	здоровье	65
life	жизнь	50
care	уход	45

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
population	численность населения	29
future	будущее	22
intervention	вмешательство	16
affect	оказывать воздействие	15
death	смерть	15
exclusion	исключение	13
age	возраст	12
homelessness	бездомность	12
insecurity	незащищенность	12
environment	среда	11
mental	умственный	11
wellbeing	благополучие	11
food	еда	10
pain	боль	9
unnatural	неестественный	9
couples	пары	8
psychological	психологический	8
help	помощь	7
infectious	заразный	7
nature	природа	7
climate	климат	6
diseases	болезни	6
hemorrhage	кровоизлияние	6
mortality	смертность	6
nurses	медсестры	6
suffering	страдания	6
disaster	катастрофа	5
microaggressions	микроагрессии	5
pandemic	пандемия	5
physical	физический	5

Таблица II

**Тезаурус понимания (описания) ценностей
в тематической области «Политика»**

Table II. Thesaurus of understanding (descriptions) of values
in the thematic area "Politics"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
policies	политика	102
public	общественный	24

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
inequality	неравенство	20
law	закон	19
rights, right	права, право	18
state	государство	17
neoliberal	неолиберальный	14
normative	нормативный	12
modes	режимы	11
debate	дебаты	10
elite	элита	6
guilt	чувство вины	6
liberal	либеральный	6
transparency	прозрачность	6
choices	выбор (ы)	5

Таблица III

Тезаурус понимания (описания) ценностей в тематической области «Этносы»

Table III. Thesaurus of understanding (descriptions) of values
in the thematic area "Ethnos"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
migrant	мигрант	73
countries	страны	37
immigrant	иммигрант	29
race	гонка	22
europe	Европа	20
national	национальный	20
africa	Африка	18
canada	Канада	18
china	Китай	18
global	глобальный	18
south	юг	15
white	белый	15
comparative	сравнительный (анализ)	14
ethnic	этнический	13
world	мир	12
nigeria	Нигерия	10
preconception	предвзятое мнение	9

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
filipin	филиппинский	8
international	международный	8
american	американец	7
black	черный	7
english	английский	7
italian	итальянский	7
crossnational	межнациональный	6
hawai	Гавайи	6
local	местный	6
mexico	Мексика	6
quebec	Квебек	6
stereotypes	стереотипы	6
acculturation	аккультурация	5
consequences	последствия	5
expatriates	экспатрианты	5
residents	жители	5
rsa	Южно-Африканская Республика	5
semistructured	полуструктурированный	5

Таблица IV

**Тезаурус понимания (описания) ценностей в тематической области
«Образование»**

Table IV. Thesaurus of understanding (description) of values
in the subject area "Education"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
youth	молодежь	64
education	образование	60
school	школа	56
student	студент	38
teacher	учитель	30
knowledge	знания	23
academic	академический	14
secondary	средний	11
college	колледж	6
examining	изучающий	5
interdisciplinary	междисциплинарный	5
university	университет	5

**Тезаурус понимания (описания) ценностей
в тематической области «Культура»**
Table V. Thesaurus of understanding (descriptions) of values
in the thematic area "Culture"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
cultural	культурная	67
literature	литература	46
women	женщины	40
informal	неформальное	20
modern	современное	17
historical	историческое	15
moral	нравственная	13
diversity	разнообразие	11
language	язык	9
religious	религиозное	9
creative	творчество	7
fantasy	фэнтези	7
pippi	пеппи	6
film	кино	6
tradition	традиции	5
beliefs	убеждения	5
military	военная	5
philosophy	философия	5
sciences	науки	5
security	безопасность	5

Таблица VI

Тезаурус понимания (описания) ценностей в тематической области «Семья»
Table VI. Thesaurus of understanding (descriptions) of values in the thematic area "Family"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
parental	родительские	51
families	семьи	48
relationship	отношения	42
home	дом	30
child	ребенок	28
sense	чувство	20
friends	друзья	8
mothers	матери	8
primary	первичные	7

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
domestic	домашние	6
fathers	отцы	6
adolescents	подростки	5
intergenerational	межпоколенческий	5

Таблица VII

**Тезаурус понимания (описания) ценностей в тематической области
«Труд и экономика»**

Table VII. Thesaurus of understanding (descriptions) of values
in the thematic area "Labor and Economics"

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
work	работа	87
employability	возможность трудоустройства	54
economic	экономическая	49
experience	опыт	31
csr	корпоративная социальная ответственность	28
develop	развитие	28
capital	капитал	24
human	человек	22
labor	труд	22
offer	предложение	22
organization	организация	19
need	потребность	18
crisis	кризис	17
current	текущий	16
management	управление	15
downsizing	сокращение	13
technological	технологические	13
barriers	барьеры	12
digital	цифровой	12
distribution	распределение	12
trade	торговля	12
urban	городская	12
business	деловая	11
fair	ярмарка	11
poor	бедные	11
socioeconomic	социально-экономические	11
transnational	транснациональные	11

Слово на английском	Перевод на русский	Число упоминаний
capitalism	капиталистические	9
firms	фирмы	9
partners	партнеры	9
resources	ресурсы	9
transition	транзакции	9
class	класс, тип	8
drivers	движущие силы	8
financial	финансовый	8
collective	коллективный	7
competencies	компетенции	7
contribution	вклад	7
income	доход	7
market	рынок	7
production	продукция	7
satisfaction	оценка	7
assessment	удовлетворенность	6
banks	банки	6
benefits	преимущества	6
concern	забота	6
corporate	корпоративное	6
entrepreneurial	предпринимательство	6
increasing	повышение	6
privacy	конфиденциальность	6
rural	сельская местность	6
tools	инструменты	6
unemployment	безработица	6
welfare	социальное обеспечение	6
basis	основа	5
dispositifs	диспозитивы	5
job	работа	5
label	ярлык	5
lowincome	низкий доход	5
mobility	мобильность	5
points	баллы	5
professionals	профессионалы	5
recession	рецессия	5
resilience	устойчивость	5
risk	риск	5

Литература

1. Бауман З. Ретротопия / науч. ред. О.А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 805 с.
3. Гарванова М.З. Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань : Бук, 2014. С. 5–20.
4. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология ее предмет, метод, назначение. М., 1995. С. 286–304.
5. Кашина М.А., Ткач С. Методологическое разнообразие в российской социологии: анализ исследований ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 107–123.
6. Луман Н. Дифференциация. М. : Логос, 2006. 320 с.
7. Миллс Ч. Социологическое воображение. М. : Издательский Дом «Nota Bene», 2001. 264 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. 270 с.
9. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
10. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Российской академия наук. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая; предисл. Э.Э. Эванс-Причарда и Фрэда Эггана; пер. с англ., комм. и указ. О.Ю. Артемовой при участии Ю.А. Артемовой, А.Г. Артемова; отв. ред. В.А. Попов. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
12. Томас У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Америк. соц. мысль / под ред. В.И. Добрянкова. М., 1994. С. 335–337.
13. Almond G. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations / G. Almond, S. Verba. Boston: Little Brown, 1965.
14. Carey H. C. Principles of Social Science. // Philadelphia : Lippencott. 1858. 474 pp.
15. Coleman L. What is American? // Soc. Forces. 1944. N 19. P. 492–499.
16. Gillin J. National and regional cultural values in the United States. // Soc. Forces. 1955. N 34. P. 107–113.
17. Kahl J. A. Some measures of achievement orientation. // Am J. Sociol. 1965. N 70. P. 669–681.
18. Marsh A. The “silent revolution” // Am. Pol Sci. 1975. Rev. 69. P. 21–30.
19. Myrdal G. An American Dilemma. // NY : Harper. 1944. 1330 p.
20. Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven // CT : Yale Univ. Press. 1950. 386 p.
21. Slavoj Žižek. Like a Thief in Broad Daylight: Power in the Era of Post-Humanity. N : Allen Lane. 2018. 256 p.
22. Spates J. L. The Sociology of Values // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 27–49.

Об авторах:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; Kashina-ma@ranepa.ru

Ляшко Светлана Всеволодовна, ведущий эксперт Центра социологических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; sv_lyashko@mail.ru

Ткач Сергей, магистрант направления «Социология коммуникаций», Институт истории и социальных наук, РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), менеджер проектов Региональной общественной организации социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит»; sch14tt@gmail.com

References

1. Bauman Z. Retrotopia / translation from English V.L. Silaeva; under scientific. ed. O. A. Oberemko. M.: VCIOM, 2019. 160 p. (In rus).
2. Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. 805 p. (In rus).
3. Garvanova M. Z. Research of values in modern psychology // Modern psychology: materials of the III International scientific conf. (Kazan, October 2014). Kazan: Buk, 2014. P. 5–20. (In rus).

4. Durkheim E. Value and “real” judgments // Durkheim E. Sociology? its subject, method, purpose: translation from French. M., 1995. P. 286–304. (In rus).
5. Kashina M.A., Tkach S. Methodological diversity in Russian sociology: analysis of value studies // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya]. 2021. Vol. 14. Iss. 2. P. 107–123. (In rus).
6. Luman N. Differentiation. M.: Logos, 2006. 320 p. (In rus).
7. Mills C. Sociological imagination. M.: Publishing House “Nota Bene,” 2001. 264 p. (In rus).
8. Parsons T. System of modern societies. M.: Aspect Press, 1997. 270 p. (In rus).
9. Rokeach M. The nature of human values // Free press [Svobodnaya pressa]. 1973. N 5. P. 20–28. (In rus).
10. Radcliffe-Brown A. R. Structure and function in a primitive society. Essays and lectures / Russian Academy of Sciences. N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology; introduction E. E. Evans-Prichard and Fred Eggan; translation from English, comments. O.Yu. Artyomova with the participation of Yu. A. Artyomova, A. G. Artyomov; ex. ed. V. A. Popov. M.: Publishing Company “Oriental Literature” RAS, 2001. 304 p. (In rus).
11. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. M.: Politizdat, 1992. 543 p. (In rus).
12. Thomas W. Methodological Notes / W. Thomas, F. Znaniecki // American social thought / ed. V.I. Dobrenkov. M., 1994. P. 335–337. (In rus).
13. Almond G. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations / G. Almond, S. Verba. Boston: Little Brown, 1965.
14. Carey H.C. Principles of Social Science. // Philadelphia : Lippencott. 1858. 474 pp.
15. Coleman L. What is American? // Soc. Forces. 1944. N 19. P. 492–499.
16. Gillin J. National and regional cultural values in the United States // Soc. Forces. 1955. N 34. P. 107–113.
17. Kahl J. A. Some measures of achievement orientation. // Am J. Sociol. 1965. N 70. P. 669–681.
18. Marsh A. The “silent revolution” // Am. Pol. Sci. 1975. Rev. 69. P. 21–30.
19. Myrdal G. An American Dilemma. // NY : Harper. 1944. 1330 p.
20. Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven // CT : Yale Univ. Press. 1950. 386 p.
21. Slavoj Žižek. Like a Thief in Broad Daylight: Power in the Era of Post-Humanity. N : Allen Lane. 2018. 256 p.
22. Spates J.L. The Sociology of Values // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 27–49.

About the authors:

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; Kashina-ma@ranepa.ru

Svetlana V. Lyashko, Leading Expert of the Center for Sociological Research of the North-Western Institute of Management of the RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology, Associate Professor; sv_lyashko@mail.ru

Sergey Tkach, Graduate Student of the Direction “Sociology of Communications”, Institute of History and Social Sciences, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation), project manager of the Regional Public Organization of Social Projects in the field of public welfare “Stellit”; sch14tt@gmail.com

Доверие к власти как результат проводимой ею социальной политики*

(по результатам социологических исследований в Республике Ангола)

Козырева Л. Д. *, Сантос А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kozzyreva-ld@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены результаты эмпирического исследования «вертикальной» формы (П. Штомпка) доверия к власти со стороны населения Республики Ангола, проведенного в конце 2020 г. Описана методология исследования (классические и современные исследования феномена доверия), методы сбора первичной информации (включенное наблюдение, опрос в форме стандартизованного интервью). Проанализированы факторы, влияющие на отношение граждан к власти и вызывающие недоверие к проводимой ею социальной политике. Показано отношение к ключевым институтам гражданского общества по шкале «доверие-недоверие». На основании результатов исследования сделан прогноз об усилении недоверия к властным структурам и росте напряженности в стране.

Ключевые слова: Ангола, доверие, доверие к власти, социально-экономическая ситуация, политическая ситуация, институты гражданского общества, борьба с бедностью

Для цитирования: Козырева Л. Д., Сантос А. А. Доверие к власти как результат проводимой ею социальной политики (по результатам социологических исследований в Республике Ангола) // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 83–90.

Trust in the Government as a Result of its Social Policy (Based on the Results of Sociological Research in the Republic of Angola)

Larisa D. Kozzyreva*, Adilson Andre Dos Santos

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kozzyreva-ld@ranepa.ru

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study of the “vertical” form (P. Shtompka) of trust in the authorities on the part of the population of the Republic of Angola, conducted at the end of 2020. The research methodology (classical and modern studies of the phenomenon of trust), methods of collecting primary information (included observation, a survey in the form of a standardized interview) are described. The factors influencing the attitude of citizens to the government and causing distrust of its social policy are analyzed. The attitude to the key institutions of civil society on the scale of “trust-distrust” is shown. Based on the results of the study, a forecast is made about the strengthening of distrust of power structures and the growth of tension in the country.

Keywords: Angola, trust, trust in the authorities, socio-economic situation, political situation, civil society institutions, fight against poverty

For citing: Kozzyreva L. D., Santos A. A. Trust in the Government as a Result of its Social Policy (Based on the Results of Sociological Research in the Republic of Angola) // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 83–90.

* Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021.

Введение

Республика Ангола — государство, находящееся на юго-западе африканского континента и являющееся одной из беднейших стран мира. Ангола является бывшей португальской колонией, получившей независимость в 1975 г.

Ангола занимает 149-е место по рейтингу развития человеческого потенциала. Продолжительность жизни 60,8 лет, продолжительность здоровой жизни — 57,7 лет¹. Бедность, малограмотность и высокая смертность населения делают проблему проводимой властью социальной политики весьма актуальной социальной и политико-экономической проблемой.

Есть определенные проблемы и в политической сфере. После почти 40-летнего правления Жозе Эдуарду душ Сантуша, дорожившего отношениями с СССР и другими социалистическими странами, затем с Россией, к власти в стране приходят политические силы, ориентированные на Запад. И хотя нынешний Президент Жуан Лоуренсу считается ставленником Сантуша, его политическая позиция представляется весьма неопределенной и во многом непоследовательной, что порождает напряженные отношения в политической элите страны.

В этих условиях изучение проблемы доверия к власти со стороны населения Республики Анголы представляется не только весьма актуальным, но и практически значимым. Целью исследования является оценка действий власти в области социальной политики со стороны граждан Республики Ангола по шкале «доверие — недоверие». По терминологии П. Штомпки, в статье изучается «вертикальное» доверие, под которым понимается система отношений между партнерами, находящимися на разных уровнях социальной иерархии (к примеру, доверие граждан властным структурам) [10].

Методология исследования

Тема доверия населения к власти — одна из актуальнейших в классической и современной социально-политической литературе. Классики немецкой социологии М. Вебер и Г. Зиммель подчеркивали ключевую роль доверия в формировании и развитии социальных связей, акцентируя внимание на его синтезирующей силе в обществе. По Веберу, доверие непосредственно включено в механизм легитимации власти, формируя социальную базу поддержки властных институтов. Именно М. Вебер определил, что причиной нелегитимности власти является недоверие к ней, возникающее в случае несовпадения ожиданий граждан и практической политики властных структур.

В современной социологической литературе отмечается, что этой проблемой занимались крупные ученые последней трети XX — начала XXI в. Среди них — Б. Барбер, Н. Луман, Ф. Фукуяма, П. Штомпка, Б. Миштал, А. Селигмен, Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш, Р. Хардин, Э. Усланер, М. Грановеттер, Дж. Тернер, Дж. Коулмен, Д. Гуд, Р. Крамер, К. Кук, Ч. Тилли, М. Доган, Д. Гамбетта, Х. Хэмилл, Б. Ноутбум, С. Эйзенштадт, Л. Ронигер, К. Ньютон, С. Эмерли и др. Значительный вклад в изучение проблем феномена доверия внесли российские ученые — П. М. Козырева, В. А. Давыденко, В. В. Радаев, Г. Ф. Ромашкина, С. Ю. Барсукова, Н. М. Давыдова, Л. И. Дискин, А. Т. Коньков, Т. Ю. Сидорина, Н. Е. Тихонова, П. Н. Шихирев и др., которые рассматривали его проблемы с самых разных экономических, социальных, психологических, социологических позиций [4, с. 9–10].

¹ Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития // Human Development Index [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 20.09.2021).

В российской социальной науке понятие «доверие» трактуется как «интегральная характеристика взаимодействия субъектов на основе собственных ограниченных знаний о разнообразной и постоянно усложняющейся социальной реальности; она служит важнейшим ориентиром во взаимоотношениях между людьми и институтами» [2, с. 71].

Значимость феномена «доверие к власти» обусловлена в значительной мере тем, что он выступает ключевым фактором стабильного функционирования политической системы, общественно-политического участия граждан. В исследованиях подчеркивается, что на макросоциальном уровне политическое доверие создает предпосылки для массовой мобилизации и гражданской идентичности, на уровне местных сообществ — способствует стабилизации и развитию местных сообществ [7, с. 13].

В современной научной литературе и политической практике доверие к власти со стороны населения рассматривается как важнейший показатель эффективности власти на различных ее уровнях. Доверие к власти входит в перечень показателей для оценки эффективности деятельности исполнительных органов власти, занимая первую позицию данного перечня¹.

Как свидетельствуют исследования российских ученых, доверие к институтам власти имеет большее значение для социума, чем доверие к каким-либо политическим лидерам или государственным чиновникам [9, с. 68]. Доказан факт снижения уровня доверия к представительным институтам, которое воспринимается населением особенно негативно потому, что в условиях падения уровня жизни и ущемления прав граждан эти структуры не являются надежными выразителями и защитниками интересов населения.

Следует отметить, что актуализация проблемы доверия населения к власти в настоящее время вызвана растущим разрывом между социально-экономическими и политическими ожиданиями населения и той реальностью выполнения властью своих обещаний в сложившихся условиях повышенных социальных рисков [6, с. 162].

Особое значение проблема доверия приобретает при переходе к цифровому обществу. В современных исследованиях обоснован факт того, что доверие связано с уровнем транзакционных издержек в экономике, поэтому общество низкого доверия (доверия граждан друг другу; доверия государства гражданам и граждан государству; доверия цифровым системам и технологиям) не может обеспечить необходимый уровень экономического роста и общественного благосостояния [3, с. 57].

Таким образом, методологической основой нашего исследования послужили классические и современные теории, в которых изучался феномен доверия к власти со стороны населения. Коротко они могут быть изложены следующим образом: «Во-первых, социальные отношения основаны на доверии, что проявляется в установках индивидов на взаимодействие с окружающими. Во-вторых, доверие, проявляясь в сфере межличностных взаимодействий и отношений, выступает и как ресурс, и как принцип их конструирования, и как особый вид социальных отношений. В-третьих, доверие рассматривается как продукт социализирующего воздействия агентов и институтов. В-четвертых, обеспечение социального порядка в обществе достигается за счет доверия социальным организациям и институтам, нормам и правилам, создаваемым и поддерживаемым ими. В-пятых, межличност-

¹Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040027?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 21.08.2021).

ное доверие представляет собой основу для формирования институционального доверия, связь между которыми имеет принципиальное значение» [5, с. 44].

Методы исследования

Избрав в качестве объекта исследования Республику Анголу, мы обратились к изучению вопроса доверия к власти со стороны населения в этой стране.

В исследовании применялись общенаучные методы исследования: системный анализ, сравнительный и типологический анализ. Кроме того, использовались методы сбора информации: включенное наблюдение, изучение документов, опрос, вторичный анализ результатов социологических исследований по схожей проблематике.

Основным социологическим методом сбора первичной социологической информации был избран метод стандартизованного интервью с гражданами Анголы, представляющими различные социальные группы населения. Опрос проводился в конце 2020 г.

Такой подход оправдан как апробированный в ряде исследований. Если оценка уровня доверия населения к власти по социально-экономическому направлению возможна с опорой на ряд показателей, выведенных из эмпирического знания природы их происхождения, то оценка доверия по социальному направлению в большей степени базируется на результатах субъективного анализа действий участников общественного договора по выполнению достигнутых договоренностей, с поправкой на личное восприятие субъекта договорной деятельности [6, с. 181].

В опросе, проведенном методом стандартизованного интервью, участвовали 33 человека — 19 женщин и 14 мужчин в возрасте от 23 до 70 лет. Выборка репрезентативна: соблюдены пропорции между городским и сельским населением; пропорции между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастная структура взрослого населения Анголы.

Из опрошенных в городской местности проживают 9 человек, в сельской — 24 респондента; высшее образование имеют 6 человек, незаконченное высшее — 9, среднее — 15 и 3 информанта вообще не имеют образования. Социально-профессиональный статус интервьюируемых в целом соответствует социальной структуре ангольского общества. Опрошенные высказывались в отношении доверия к законодательным, исполнительным и судебным органам власти, а также доверия к социальным институтам, таким как правительство, политические партии, полиция, церковь.

Результаты исследования и их интерпретация

Результаты опроса свидетельствуют о том, что в ангольском обществе ярко выражена тенденция к снижению уровня доверия населения к власти [8]. Это связано в первую очередь с затяжным экономическим кризисом. Во многом сложная экономико-политическая ситуация в стране определена длительным периодом правления президента Жозе Эдуарду душ Сантуша, который практически абсолютизировал власть в республике, преследуя цели личного обогащения за счет спекуляции национальным достоянием страны — полезными ископаемыми Анголы. В период его правления (38 лет) в республике процветала коррупция и взяточничество, что, конечно, подорвало доверие населения страны к государственным структурам.

В целом результаты опроса населения Анголы показали, что более половины граждан страны не доверяют властям (табл. 1).

По нашим прогнозам, уровень недоверия власти в дальнейшем может только расти, учитывая актуальную ситуацию в стране. Ближайшие экономические перспективы в Анголе не внушают оптимизма. Четырехлетняя рецессия продлится еще не один год — это подтверждается и сведениями, содержащимися в годовом анализе экономики Анголы, подготовленном Economist Intelligence Unit¹. С 2016 г. в результате значительного падения цен на нефть в республике сильно «просели» ключевые экономические показатели, что, конечно, негативно сказалось на реализации социальной политики государства, в том числе в отношении запуска новых проектов, стимулирующих экономическую активность населения.

Что же касается институционального доверия, то тут ситуация немного другая (см. табл. 2).

Исследование показало, что правительству доверяют всего 38,24% опрошенных; чуть большую расположенность респонденты выразили по отношению к политическим партиям — 44,12%. Но что касается других институтов власти, например полиции, то ей доверяют только 55,88% опрошенных. Такой низкий показатель доверия объясняется тем, что сотрудники полиции имеют невысокий доход, поэтому в их среде процветает взяточничество. Однако при всем недоверии к полиции как государственной структуре власти все же более половины жителей считают, что сотрудники правоохранительных органов хорошо выполняют свои обязанности.

Низкий уровень доверия к власти объясняется также и тем, что в условиях слабо развитого гражданского общества Анголы диалог между госструктурами и народом сопряжен со значительными трудностями. Напомним, что значительная часть населения Анголы, особенно проживающие в сельской местности, неграмотны и политически пассивны.

Антагонистом власти в стране выступает церковь как социальный институт. Отметим, что Ангола — чрезвычайно религиозное государство, поэтому доверие

Таблица 1

**Доверие к органам власти со стороны населения в Республике Ангола
(в % к числу опрошенных)**

Table 1. Public confidence in the authorities in the Republic of Angola
(in % of the number of respondents)

Органы власти	Доверяют	Не доверяют	Воздержались
Органы законодательной власти	41,18%	55,88%	2,94%
Органы исполнительной власти	41,18%	55,88%	2,94%
Органы судебной власти	38,24%	55,88%	5,88%

Таблица 2

Доверие населения к институтам власти (в % к числу опрошенных)

Table 2. Public confidence in government institutions (in% of the number of respondents)

Институты	Доверяют	Не доверяют	Воздержались
Правительство	38,24%	58,82%	2,94%
Полиция	55,88%	44,12%	–
Церковь	97,06%	2,94%	–
Политические партии	44,12%	50%	5,88%

¹Экономист прогнозирует еще один год экономического спада в Анголе // Made for minds. 2020. 7 марта.

населения к католической церкви очень высоко. В целом этот высокий показатель доверия вписывается в объяснительную парадигму Г. Алмонда и С. Вербы, доказавшим, что доверие к институтам гражданского общества детерминировано определенным типом политической культуры [1].

Выводы

Президент Анголы Жуан Лоренсу пришел к власти как перспективный реформатор. Но надежды граждан, возлагаемые на нового национального лидера, не оправдались. Президент стал заложником сложнейшей социально-экономической ситуации в стране и виновником несбывшихся ожиданий людей, поэтому 2021 г. станет для него переломным ввиду того, что истекает срок его полномочий [8].

Президент Лоренсу, конечно, внес некоторые позитивные изменения в национальную политику после своего избрания в 2017 г. Большинство ангольцев считают положительными те меры, которые были предприняты им против коррупции. Поддерживается его стремление продолжить политику, направленную на борьбу с нищетой [11, р. 124–135].

В стране по-прежнему отмечается высокий уровень безработицы среди молодежи. По данным Национального института статистики в Анголе (INE), за последний квартал 2019 г. безработица в республике увеличилась на 56,1, а за первый квартал 2020 г. — до 31,8%. Более того, во второй половине 2020 г. количество граждан, потерявших работу, в том числе из-за негативного влияния на рынок труда пандемии коронавируса, стало расти. Отметим, что к победе на президентских выборах Лоренсу пришел под лозунгом создания 500 тыс. рабочих мест.

Видя рост недоверия населения власти в лице первого лица страны на фоне социально-экономических проблем, непоследовательности в борьбе с коррупцией и другими негативными явлениями в жизни общества, Лоренсу ощущает необходимость проведения реформ, которых ждет от него население страны. Президент планирует утвердить в качестве главной цели своей работы стабилизацию ангольской экономики. Но эта богатая нефтью страна находится в рецессии уже в течение четырех лет, поэтому успешная трансформация зависит от укрепления ее экономики и появления новых рабочих мест.

Также президент попытался привлечь в страну новых инвесторов. Но, конечно, решающим фактором выхода республики из затянувшегося кризиса должно стать преодоление зависимости экономики Анголы от нефтяной промышленности: до сих пор 97% текущих доходов поступает в бюджет страны от продажи нефти¹. Следует отметить и тот факт, что действия властей затрудняются непростой ситуацией на мировом рынке «черного золота». На недавней встрече лидеров ОПЕК было принято решение о сокращении добычи нефти, что, конечно, не пойдет на пользу экономике Анголы в целом.

По данным газеты «Expansão», добыча нефти в Анголе в июне 2020 г. достигла минимальных значений за последние 16 лет, поскольку страна обязана сократить ее до 1,1 млн в день, чтобы компенсировать 70 тыс. баррелей, добытых сверх того, что прогнозировалось в рамках соглашения ОПЕК, и не нарушить заключенное странами соглашение².

Также ситуацию в стране усугубляют высокие темпы роста инфляции, по данным рейтингового агентства Fitch Ratings ключевая ставка ЦБ останется на уровне 20%

¹ Schwikowski M. Африка: четыре лидера и их задачи на 2020 год // Made for minds. 2020. 2 января.

² Costa J. Ангола усиливает сокращение добычи нефти в соответствии с соглашением ОПЕК+ // Expansão. 2020. 25 мая.

к концу 2021 г., поскольку инфляция в мае составила 24,9%, что является самым высоким показателем с декабря прошлого года, когда она составила 25,1%. и второй по величине за последние четыре года¹.

Проверкой на прочность для правительства Анголы стала и пандемия коронавируса. COVID-19 был выявлен у десятков человек в стране, вследствие чего президент Анголы принял решение ввести карантин. В связи с этим многие компании вынуждены были закрыться, в том числе и международные, десятки тысяч ангольцев потеряли свои рабочие места, а те, кто сохранил их, сидят дома без выплаты заработной платы. Все эти события, конечно, также негативно сказались на уровне доверия населения страны к правительству.

Но насколько Ангола готова к реформам, будет ясно уже в следующем году: сосредоточится ли президент на восстановлении экономики или же он будет больше озабочен проблемами внутривластной политики — главный вопрос ближайшего будущего. На сегодняшний момент ситуация в Анголе нестабильна, уровень безработицы растет; здравоохранение, несмотря на все усилия властей, не удовлетворяет потребности людей. Не вызывает оптимизма и ситуация в сфере образования: в стране продолжает расти количество детей и взрослых, которые по ряду причин не имеют возможности заниматься какими-то конкретными науками и тем самым повышать свой образовательный уровень.

Все эти негативные явления в экономике и социальной сфере, слабая государственная социальная поддержка населения самым непосредственным образом влияют на уровень доверия к власти и ее институтам. Результаты проведенного нами эмпирического исследования позволяют предположить, что его активное снижение продолжится и в дальнейшем.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014. 500 с.
2. Бобкова Е. М. Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 70–75.
3. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57–68.
4. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования: монография / Г. Е. Зборовский и др. Екатеринбург, 2020. 382 с.
5. Гужавина Т. А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // Society and Security Insights. 2019. № 2 (4), С. 40–54.
6. Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185.
7. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 12–21.
8. Сантос А. А. Д. Доверие населения к власти в современной Анголе как результат проводимой политики государства // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 4. С. 65–68.
9. Трофимова И. Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 68–75.
10. Штомпка П. Доверие — основа общества : монография / пер. с польск. Н. В. Морозовой. Москва : Логос, 2020. 440 с.

¹ Fitch revê em alta inflação em Angola para 23,5% este ano/07.07.2021 (Fitch пересматривает высокий уровень инфляции в Анголе до 23,5% в этом году/-07.07.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://jornaldeangola.ao/ao/noticias/fitch-reve-em-alta-inflacao-em-angola-para-23-5-este-ano/> (дата обращения: 16.09.2021).

11. *Silvia Oliveira de. Modos de vida da pobreza em Angola // Revista Angolana de Sociologia (RAS). 2012. N 9. P. 125–134.*

Об авторах:

Козырева Лариса Дмитриевна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kozyreva-ld@ranepa.ru

Сантос Адилсон Андре Дос, аспирант кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); asantos-18@ranepa.ru

References

1. Almond G., Verba S. Civic culture: political attitudes and democracy in five countries / translation from English E. Handel. M.: Thought, 2014. 500 p. (In rus).
2. Bobkova E. M. Trust as a factor in the integrity of society // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2014. No. 10 (366). P. 70–75. (In rus).
3. Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. Trust in the era of digital transformations: experience of sociological research // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2021. No. 6. P. 57–68. (In rus).
4. Trust as a fundamental problem of Russian higher education: monograph / G. E. Zborovsky [et al.]. Yekaterinburg, 2020. 382 p. (In rus).
5. Guzhavina T. A. Trust as a form of support for social institutions // Society and Security Insights. 2019. N 2 (4). P. 40–54. (In rus).
6. Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. Trust as a bridge over the gap of uncertainty between power and society // Monitoring public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2021. N 2. P. 162–185. (In rus).
7. Reutov E. V., Reutova M. N. Trust in the municipal government and integration of the social space of the local community // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2016. Vol. 11. N 5. P. 12–21. (In rus).
8. Santos A. A. D. Public confidence in power in modern Angola as a result of state policy // Society: sociology, psychology, pedagogy [Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika]. 2021. N 4. P. 65–68. (In rus).
9. Trofimova I. N. Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. N 5 (397). P. 68–75. (In rus).
10. Sztompka P. Trust: a Sociological Theory: monograph/translation from Polish N. V. Morozova. Moscow: Logos, 2020. 440 p. (In rus).
11. *Silvia Oliveira de. Modos de vida da pobreza em Angola // Revista Angolana de Sociologia (RAS). 2012. N 9. P. 125–134.*

About the authors:

Larisa D. Kozyreva, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Philosophy), Professor; kozyreva-ld@ranepa.ru

Adilson Andre Dos Santos, Postgraduate student of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); asantos-18@ranepa.ru

Основные результаты технического перевооружения артиллерии Красной армии в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны

Чернухин В. А.¹, Щербаков Ю. В.², *

¹Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; scherbackowiury@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлен обобщенный опыт технического перевооружения артиллерии Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны. Акцентируется внимание на роли и значении в техническом перевооружении научных артиллерийских школ, излагаются малоизвестные широкому читателю новые факты и документы, приводится оценка советской артиллерии со стороны союзников и его врагов. Авторы приходят к выводу, что этот опыт не утратил своего значения в современных условиях, особенно при решении органами государственной власти и военного управления проблем по дальнейшему повышению огневой мощи и совершенствованию ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск Вооруженных сил Российской Федерации, их перевооружению на высокоэффективные средства огневого поражения и комплексы автоматизированного управления разведки. При подготовке материала использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-ретроспективный и другие методы исторического исследования.

Ключевые слова: артиллерия, Великая Отечественная война, Красная армия, СССР, Советское государство, Германия, вермахт, техническое перевооружение

Для цитирования: Чернухин В. А., Щербаков Ю. В. Основные результаты технического перевооружения артиллерии Красной армии в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 91–101.

The Main Results of the Technical Re-Equipment of the Red Army Artillery in the Pre-War Years and During the Great Patriotic War

Viktor A. Chernukhin¹, Yuri V. Shcherbakov², *

¹Mikhailovskaya Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

²Military-Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps of the RF Ministry of Defense, St. Petersburg, Russian Federation; scherbackowiury@yandex.ru

ABSTRACT

The article presents a generalized experience of technical re-equipment of the Red Army artillery on the eve and during the Great Patriotic War. Attention is focused on the role and significance of scientific artillery schools in the technical re-equipment of scientific artillery schools, new facts and documents little-known to the general reader are presented, an assessment of Soviet artillery by the allies and its enemies is given. The authors come to the conclusion that this experience has not lost its significance in modern conditions, especially when the bodies of state power and military administration solve problems of further increasing the firepower and improving the missile forces and artillery of the Land Forces of the Armed Forces of the Russian Federation, their rearmament with highly effective means of firepower. defeat and automated control systems for reconnaissance. In preparing the mate-

rial, historical-genetic, historical-comparative, historical-retrospective and other methods of historical research were used.

Keywords: artillery, World War II, Red Army, USSR, Soviet state, Germany, Wehrmacht, technical re-equipment

For citing: Chernukhin V.A., Shcherbakov Yu.V. The Main Results of the Technical Re-Equipment of the Red Army Artillery in the Pre-War Years and During the Great Patriotic War // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 91–101.

Введение

Техническое перевооружение артиллерии Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. явилось одним из доминирующих направлений деятельности Центрального Комитета ВКП(б), органов государственной власти и военного управления по повышению обороноспособности советского государства и осуществлялось как модернизацией артиллерийских систем, так и созданием новых, более технологичных и перспективных образцов. Эти вопросы освещались и исследовались рядом авторов, например, В. Н. Барышниковым, Б. П. Белозеровым, Е. А. Бочковым, А. М. Воиновым, В. В. Дятловым, В. Г. Капшитаром, М. И. Каратуевым, М. И. Фроловым и многими другими [1; 6; 9; 10 и др.], которые в своих научных публикациях представили достаточно полную картину технического перевооружения советской артиллерии, показав его результаты и влияние в боях у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол, в Советско-Финляндской войне и в годы Великой Отечественной войны.

Период полного перевооружения артиллерии новой материальной частью (начало 1930-х — 1940 г.)

Начало 1930-х — 1940 г. были периодом полного перевооружения Красной армии новой материальной частью. Решению этой важнейшей для обороноспособности государства задачи во многом способствовали завершение реконструкции народного хозяйства на базе достижений советской науки и техники, подъем промышленного и сельскохозяйственного производства.

При этом Главное артиллерийское управление (ГАУ) и боевое совершенство, представляемые в войска артиллерийского вооружения, плодотворно использовало результаты деятельности научных работ, созданных в 1930-х годах научных школ в области артиллерийского вооружения. Ведущие среди них возглавили И. И. Иванов¹ и М. Я. Крупчатников² (артиллерийские системы БМ), В. А. Ильин³ и М. Ю. Цирюльников⁴ (противотанковые и полковые орудия), В. Г. Грабин⁵ (дивизионные орудия), Ф. Ф. Петров⁶ (корпусные системы), Б. И. Шавырин⁷, И. Г. Теверовский⁸, Н. А. Доровлев⁹, В. Н. Шамарин¹⁰ (минометное вооружение), В. А. Артемьев¹¹, А. Г. Костиков¹², Т. И. Клейменов¹³, Г. Э. Лангемак¹⁴, Б. С. Петропавловский¹⁵, Ю. А. Победоносцев¹⁶, Н. И. Тихомиров¹⁷ (ракетная техника) и др. (см. Примечание в конце статьи). Доровлев Николай Александрович возглавлял конструкторско-испытательную группу по минометам (группа Д) газодинамической лаборатории Артиллерийского научно-исследовательского института. В составе группы работали видные артиллерийские ученые и конструкторы В. Е. Слухоцкий, Н. А. Упорников и др. Системой артиллерийского вооружения на третью пятилетку (1938–1942 гг.) были предусмотрены основные калибры орудий, устанавливалось соотношение между всеми видами артиллерии [5, с. 112–113].

В рамках теории глубокого боя в артиллерийских системах приоритетным направлением становилось увеличение дальности стрельбы. Это было связано с дальнейшим совершенствованием обороны вероятных противников, необходимостью поражать его резервы, имевшие высокие маневренные возможности. Приоритетным направ-

лением в решении проблем технического перевооружения артиллерии были и другие: повышение мощности снарядов и навесности огня путем гаубизации и увеличения калибра систем, скорострельности орудий за счет наведения прицелов с независимыми линиями прицеливания, увеличение горизонтального обстрела, введение раздвижных станин и верхних станков в лафетах, угла вертикального обстрела; повышение подвижности, проходимости артиллерии за счет внедрения подрессоривания, резинового хода, механической тяги и облегчения системы; увеличение брони пробиваемости, особенно батальонной и полковой артиллерии [14, с. 82].

До начала фашистской агрессии на вооружение Красной армии поступила новая 45-мм противотанковая пушка образца 1937 г. — достаточно современное противотанковое орудие: на дальностях 800 м и ближе она обеспечивала бронепробиваемость от 30 до 45 мм [7, с. 16].

Успешные полигонные испытания способствовали принятию на вооружение дивизионной артиллерии 76-мм пушки образца 1939 г. (УСВ), 122-мм гаубицы образца 1938 г. (М-30), 152-мм гаубицы образца 1938 г. (М-10), обеспечивающие дальность стрельбы до 12–13 км. На вооружение корпусной артиллерии поступили такие удачные по конструкции и мощные орудия, как 107-мм пушка образца 1940 г., 122-мм пушка образца 1931/37 г., 152-мм гаубица — пушка образца 1937 г., способные поражать цели на дальностях до 17 — 20 км [16, с. 11].

Новые артиллерийские системы поступили на вооружение артиллерии РКК (АРГК), в том числе большей и особой мощности (БМ, ОМ): 152-мм пушка образца 1935 г. (Бр-2), 280-мм мортира образца 1939 г. (Бр-5), 305-мм гаубица образца 1939 г. (Бр-18) и другими, обладавшими дальностью стрельбы до 10,5 — 28 км и более при массе снаряда от 50 до 330 кг. Велись работы над созданием сверхмощных орудий [16, с. 12].

Научные школы в области минометного орудия успешно решили задачу по принятию целого семейства минометов: 50-мм ротного, 82-мм батальонного, 120-мм и 107-мм горно-вьючного полковых минометов с дальностью стрельбы до 800 — 5700 м [11, с. 45].

Принятие на вооружение новых систем повысило огневую мощь артиллерии Красной армии, каждая из них поставленная на военное производство, обычно оценивалась как с точки зрения перспектив ее модернизации в будущем. При этом нельзя не обратить внимания на то, что изменившиеся взгляды на характер общевойскового боя обуславливали необходимость иметь в боевых рядах войск бронированные самоходные орудия на танковом шасси. Например, в 1935 г. были развернуты работы по созданию самоходных установок на базе легкого танка с баллистикой 76-мм пушки образца 1902/30 г., 122-мм гаубицы образца 1910 г. и 150-мм мортиры образца 1931 г. Самоходные установки были открытого типа с легким броневым прикрытием и предназначались для сопровождения конницы при вводе ее в прорыв. К тому же времени относилась и разработка 203-мм самоходной гаубицы на специальном шасси. Однако в 1930-е годы развитие самоходной артиллерии не вышло за рамки разработки и испытаний опытных образцов.

На вооружении зенитной артиллерии поступали новые, более совершенствованные пушки калибра от 25 до 85 мм. Они были способны поражать воздушные цели на высотах от 4,5 до 10,5 км [8, с. 265].

Успешно вели исследования в области реактивных систем залпового огня. Коллективы во главе с И. И. Гваем¹⁸ и Л. Э. Шварцем¹⁹, где работали инженеры-конструкторы В. А. Артемьев, Д. А. Шитов и др. Отлично прошла полигонные испытания многозарядная боевая машина, получившая наименование БМ-13, стрелявшая 132-мм реактивными снарядами. В июне 1941 г. было принято решение о развертывании серийного производства новой самоходной реактивной системы на шасси автомобиля ЗИС-6.

Коллективом особого конструкторского бюро под руководством М. Н. Кондакова²⁰ было разработано вооружение укрепленных районов (УР). Много труда в руководство этими работами вложил воспитанник Артиллерийской академии инженер-полковник В. П. Левенков.

Анализ выполнения программы технического перевооружения артиллерии свидетельствует о том, что к началу нападения фашистской агрессии на Советский Союз полностью реализовать ее не удалось. При решении проблем о претворении теории в практику в органах государственного и военного управления имели место различные точки зрения. Например, как следствие субъективного фактора, незадолго до нападения фашистской Германии на СССР было решено прекратить производство самых необходимых для борьбы с танками вермахта 45-мм и 76-мм орудия, уделив внимание в производстве орудий более крупного калибра. Без продуманных обоснований мнения ученых, с вооружения Красной армией было снято мощное и удачное в конструктивном отношении (Конструкторское бюро В. Г. Грабина) 57-мм орудие образца 1941 г., способное пробивать броню до 100 мм и т. д. [7, с. 16].

В целом же объективная оценка результатов технического перевооружения артиллерии (начало 1930-х — 1940 г.) свидетельствует о том, что артиллерийское вооружение, с которым Красная армия вступила в войну, в основном выдержало тяжелые испытания. «К началу войны мы имели самую лучшую артиллерию, превосходящую по боевым и эксплуатационным качествам самую западноевропейскую, в том числе и германскую», — свидетельствовал генерал-полковник инженерно-технической службы Б. Л. Ванников, бывший нарком вооружения, затем народный комиссар боеприпасов СССР [2, с. 32].

Однако возможности артиллерии, ее боевые качества снижались из-за отсутствия к началу войны достаточного количества механической тяги, средств связи и разведки, особенно приборов артиллерийской инструментальной разведки (АИР).

Совершенствование артиллерийского вооружения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Сложившаяся обстановка в западных приграничных военных округах в связи с неудачами войск Красной армии в начальном периоде Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.) потребовали коренной перестройки государственных органов управления, которая связала бы в единый узел все нити управления государством, подчинив их единой цели — победе над агрессором — дальнейшему совершенствованию боевой техники и вооружения, своевременного их поступлению в действующую армию.

Для того чтобы работа отдельных органов и ведомств получила должную целенаправленность, жизненно важным было создание своего рода чрезвычайного центра, наделенного особыми правами и полномочиями. Его распоряжения, директивы и постановления должны были иметь статус законов военного времени, с обязательным исполнением их всеми государственными и военными органами управления.

Как результат, 30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) и Совета Народных Комиссаров СССР был образован новый орган государственного управления — Государственный комитет Обороны (ГКО) в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (зам председатель), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия¹. В дальнейшем постановлениями Президиума Верхов-

¹Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 16а. Оп. 3336. Д. 21. Л. 26–27.

ного Совета СССР от 3 февраля 1942 г. в состав ГКО были введены А. И. Микоян и Н. А. Вознесенский. Затем, 20 февраля 1942 г. — Л. М. Каганович, а 22 ноября 1944 г. — Н. А. Булганин. В тот же день из состава ГКО был выведен К. Е. Ворошилов [3, с. 284]. ГКО руководил в первую очередь и напрямую ведомствами, от которых зависел ход и исход войны в целом [14, с. 84]. Другими ведомствами он руководил через ЦК ВКП(б), Совнарком, центральные общественные организации, через местные партийные и советские органы. При членах ГКО были созданы рабочие группы, в которые входили видные конструкторы, инженеры, плановики, производственники, специалисты по артиллерии и другим родам войск. Все это облегчало решение вопросов на дальнейшее совершенствование средств вооруженной борьбы и внедрению их в боевую практику.

Особую ответственность за своевременную поставку в действующую армию артиллерийского вооружения и его соответствие требованиям современной войны ГКО возлагал на Главное артиллерийское управление (ГАУ) и соответствующие наркоматы промышленности. Перед промышленностью страны встала задача обеспечения артиллерии вооружением и боеприпасами в размерах, позволяющих восполнять потери и формировать новые артиллерийские части и соединения. Значительные трудности в связи с большими потерями в первые месяцы войны возникли с вооружением противотанковой, полковой и дивизионной артиллерии. Опыт борьбы с вражескими танками выявил конструктивные недостатки отдельных образцов артиллерийского вооружения. Например, 76-мм дивизионная пушка образца 1939 г. оказалась неудобна для работы наводчика, особенно при стрельбе по танкам, а также сложна и дорога в производстве. Поэтому в 1942 г. конструкторским бюро под руководством В. Г. Грабина была создана новая 76-мм пушка образца 1942 г. (ЗИС-3). Это орудие оказалось маневренным, удобным в эксплуатации, приспособленным для ведения более эффективного огня по танкам [4, с. 299].

Модернизируется 45-мм противотанковая пушка. В результате на вооружение была принята более мощная 45-мм пушка образца 1942 г. с пробиваемостью брони до 50 мм на дальности стрельбы до 1000 м. В последующем, с конца 1942 г. и в 1943 г., с появлением у противника тяжелых танков и необходимостью прорыва его сильной обороны потребовалось создание более мощных и маневренных артиллерийских систем. Непревзойденной оказалась 57-мм противотанковая пушка образца 1943 г., снаряд которой пробивал броню до 120–150 мм [1, с. 44].

Следует отметить, что 57-мм пушка советского производства, по мнению британских военных экспертов, признана «самой совершенной из всех среднекалиберных противотанковых пушек». Но самой массовой в военное время и поистине знаменитой стала 76-мм противотанковая пушка. Она была высокотехнологичной. Ее вариант образца 1936 г. имел 2080 деталей, 1939 г. — 1057, а 1942 г. — всего 719. На изготовление последней модификации (ЗИС-3) затрачивалось всего 475 станко-часов против 2034 в 1936 г. Именно это орудие начали выпускать у нас впервые в истории артиллерийской промышленности поточным, конвейерным способом¹. «...Это одна из самых гениальных конструкций ствольной артиллерии», — признавал профессор Вольф — шеф отдела фирмы «Круппа», консультант Гитлера по орудийной технике [12, с. 65].

С введением корпусного звена управления конструкторский коллектив Ф. Ф. Петрова разработал корпусную 152-мм гаубицу образца 1943 г., обладавшую мощным снарядом и обеспечивавшую успешное ведение контрминометной и контрбатареиной борьбы.

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 29-р. Фонд Грабина Василия Гавриловича. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5.

Учитывая важность минометного вооружения, кроме совершенствования 82, 107 и 120-мм систем, в 1943 г. коллективом во главе с И. Г. Теверовским была успешно завершена работа над 160-мм минометом. Оригинальность его конструкции состояла в том, что он имел неотделяемый колесный лафет и заряжался с казенной части.

Бурное развитие уже в первом периоде войны получило средство залпового огня — реактивная артиллерия. В первые месяцы войны, наряду с имевшейся системой БМ-13, была принята на вооружение БМ-8, стрелявшая 82-мм осколочным снарядом М-8 на дальность до 5 км. В последующем, когда противник стал переходить к позиционной обороне и создавать укрепления, требовавшие для их разрушения более мощных снарядов, на вооружение поступили реактивные снаряды М-20 и М-30, обладавшие сильным фугасным действием. Однако вероятность попадания была невысокой вследствие их большого рассеивания. В 1943 г. осуществлена опытная разработка дальнобойных 132-мм реактивных снарядом (М-13 ДД). Удалось также увеличить почти в два раза дальность стрельбы тяжелых 300-мм реактивных снарядов М-31 (по сравнению со снарядами М-30). Это расширило диапазон их тактического применения. На Курской дуге при прямом попадании 300-мм реактивного снаряда от «Тигра» оставалась куча металлолома, а от средних танков противника такая картина эффективнее РС имела место, если он взрывался поодаль в 5–10 м. «Адским органом» окрестили гитлеровцы это грозное оружие Красной армии. Его творцы В. А. Артемьев, И. И. Гвай, А. П. Павлеко, Ю. А. Победоносцев, Ф. Н. Пойда и др. были удостоены Государственной премии СССР [9, с. 262].

Как отмечалось, к началу войны не была до конца решена проблема создания самоходной артиллерии. Вместе с тем высокоманевренные боевые действия войск на полях сражений требовали от артиллерии сопровождения высокой подвижности, мощи огня, неуязвимости от ружейно-пулеметного огня и осколков, тесного взаимодействия с пехотой и танками. Наиболее полно этим требованиям могли удовлетворять именно самоходные бронированные орудия. 2 декабря 1942 г. ГКО принимает специальное решение о развертывании производства самоходно-артиллерийских установок. В конце 1942 г. были разработаны и испытаны самоходные артиллерийские установки (САУ) на танковом шасси: полубронированная 76-мм пушка СУ-76 и с круговым бронированием 122-мм гаубица СУ-122. Учитывая некоторые недостатки первых образцов, в 1943 г. создается серия более совершенных и мощных самоходных систем на базе средних и тяжелых танков, вооруженных орудиями 85–152-мм калибра: СУ-85, СУ-152, ИСУ-152, ИСУ-122 [10, с. 76].

Советские самоходно-артиллерийские установки (САУ) соединяли в себе лучшие достоинства отечественных танков и артиллерийских орудий. Почти 50-килограммовые снаряды 152-мм гаубиц-пушек этих «зверобоев» (ИСУ-152) сбивали с «тигров» башни, вдребезги разносили лучшие боевые машины вермахта. Германские САУ — 88-ми тонные «фердинанды» и их разновидности «элефанты» — были изготовлены в количестве 120 единиц и сняты с производства, поскольку уступали в боевых столкновениях с советской боевой техникой. У «фердинандов» с их 88-мм пушкой на шасси «тигров» мощность моторов, скорость, подвижность и проходимость были явно недостаточными при чрезмерной массе, а толщина брони уступала в прочности советской.

Противник, неся большие потери в танках от огня советской противотанковой артиллерии и танков, начал усиливать броневую защиту своих машин и их артиллерийское вооружение. В связи с этим потребовалось создать новые боеприпасы — подкалиберные 45, 57 и 76-мм снаряды и кумулятивные — для 76 и 122-мм орудий, которые поступили на вооружение во второй половине 1942 г. В результате состязания снаряда и брони преимущество оказалось на стороне снаряда.

С января 1944 г. на полях сражений появилась мощная и высокоманевренная 152-мм корпусная гаубица образца 1943 г. (Д-1). Летом того же года артиллерийские части получили 100-мм пушку образца 1944 г. (БС-3), разработанную коллективом конструкторского бюро под руководством В. Г. Грабина. Она отличалась оригинальностью конструкции узлов и их компоновки (торсионное подрессоривание, своеобразное расположение противооткатных устройств и т. д.). По тем временам пушка являлась лучшим противооткатным орудием (бронепробиваемость до 162 мм) и одновременно хорошей системой для корпусной артиллерии (дальность стрельбы 21 км).

В третьем периоде Великой Отечественной войны (январь 1944 — 9 мая 1945) была создана новая перспективная 85-мм дивизионная пушка (Д-44). Правда, поступила она на вооружение уже в послевоенный период.

В начале 1944 г. стал поступать в войска 160-мм миномет образца 1943 г. конструкции И. Г. Теворовского, обладавший дальностью стрельбы свыше 5000 м и мины массой более 40 кг. С принятием его на вооружение техника советского минометного вооружения сделала большой шаг вперед и значительно опередила аналогичное вооружение армий других стран. Конструкторами зенитных орудий была разработана новая, более мощная 85-мм пушка образца 1944 г. (КС-1), обладавшая высотобийностью до 12 км.

Парк боевых машин частей и подразделений самоходной артиллерии пополнился более совершенными установками — СУ-100 образца 1944 г. (100-мм пушка на шасси танка Т-34); ИСУ-122С (122-мм более мощная пушка образца 1943 г. на шасси тяжелого танка), имевшая зенитный крупнокалиберный пулемет. Новые самоходные установки благодаря мощному вооружению и бронированию могли успешно вести борьбу с тяжелыми танками и самоходными орудиями противника, а также разрушать его долговременные и деревоземляные огневые сооружения огнем прямой наводкой. СУ-100 являлась одной из лучших самоходно-артиллерийских установок в годы Второй мировой войны. Ее броневой снаряд на дальности 1000 м пробивал броню толщиной до 150 мм [15, с. 47].

Разработкой и принятием на вооружение в 1944 г. боевой машины БМ-31-12 была решена проблема маневра огнем и колесами частей и подразделений тяжелой реактивной артиллерии. Новая боевая машина по своим огневым возможностям значительно превосходила прежние рамные пусковые станки М-30, так как время на подготовку залпа сократилось с 1,5–2 ч до 10–15 мин. Для стрельбы реактивными снарядами улучшенной кучности М-13 УК в 1944 г. создается боевая машина реактивной артиллерии БМ-13 с винтовыми направляющими. Подразделения и части реактивной артиллерии, действующие в горах, вооружались высокоманевренными установками БМ-8-8, смонтированными на автомобиле типа ГАЗ-67. При необходимости направляющие такой установки могли переноситься силами расчета вручную.

В третьем периоде Великой Отечественной войны большое внимание уделялось повышению маневренности артиллерии. С 1944 г. промышленность наряду с новым артиллерийским тягачом Я-12 начала выпуск тягача М-2. Оба тягача обладали высокими по тем временам маневренными данными (скорость до 20–30 км/ч).

Совершенствовались боеприпасы. Создание 132-мм и 300-мм реактивных снарядов улучшенной кучности (М-13 УК и М-31 УК), проворачивающихся в полете, обеспечило увеличение дальности стрельбы в одном залпе — в три и шесть раз. С принятием в апреле 1944 г. на вооружение снарядов улучшенной кучности огневые возможности реактивной артиллерии настолько увеличились, что вместо полкового или бригадного залпа при прочих равных условиях можно было ограничиться производством залпа одного дивизиона. Это было большим достижением советских конструкторов и военной промышленности, реализовавших тактико-технические требования, вызванные потребностями боя [13, с. 74–75].

Таким образом, результаты технического перевооружения накануне и в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что она осуществлялась не только модернизацией устаревших образцов, исходя из требований боевой практики, полученной Красной армией в локальных войнах и вооруженных конфликтах конца 1930-х гг., ожесточенных боях и сражениях Великой Отечественной войны, но и созданием современных для своего времени новых образцов и видов артиллерии. Военно-теоретическая мысль пришла к правильному выводу о создании самоходной бронированной артиллерии, реактивной артиллерии как наиболее маневренных новых видов артиллерии, ставших мощным средством огневой поддержки пехоты в бою.

К окончанию Великой Отечественной войны советская артиллерия обладала высокой точностью огня, боеприпасами различного вида и назначения. Немалую роль при этом играла экономность производства, простота и надежность артиллерийских систем. Только с учетом этих условий, как показало исследование, представлялось возможным обеспечение массового выпуска вооружений в экстремальных условиях военного времени. Результаты технического перевооружения показали, что важнейшим в огневом отношении, всепогодный род войск Красной армии был в годы Великой Отечественной войны главной огневой и ударной силой, мощным огневым щитом в обороне и молотом в наступлении.

Примечание

- 1 **Иванов Илья Иванович** (13.08.1899 — 2.05.1967) — советский конструктор артиллерийского вооружения. В 1937 г. назначен главным конструктором завода «Большевик» (г. Ленинград), где под его руководством создан и принят на вооружение ряд образцов крупнокалиберных орудий для морской артиллерии. Участвовал в создании 100-мм корабельной универсальной пушки Б-34, 130-мм двухорудийной башенной установки. В 1939 г. назначен руководителем особого конструкторского бюро (ОКБ-221) при оборонном заводе «Баррикада» (г. Сталинград), где под его руководством созданы орудия большой и особо большой мощности 280-мм мортира, 210-мм пушка (Бр-17), 305-мм гаубица (Бр-18).
- 2 **Крупчатников Михаил Яковлевич** (1897–1947) — советский ученый-артиллерист, конструктор и основоположник теории проектирования стволов крупных калибров орудий корабельной и береговой артиллерии. В 1937 г. назначен на должность руководителя проектной группы проектно-конструкторского бюро завода «Большевик» (г. Ленинград), где возглавил направление проектирования артиллерийских стволов. В 1944 г. назначен главным конструктором НИИ, а затем назначается помощником начальника Центрального артиллерийского конструкторского бюро.
- 3 **Ильин Виктор Акимович** (29.01.1907 — 1997) — советский конструктор артиллерийского вооружения. В довоенный и военный период участвовал в модернизации и разработке орудий: 122-мм полевой гаубицы образца 1910/1930; 152-мм крепостной гаубицы образца 1909/1930; 76-мм полевой пушки образца 1933; 152-мм гаубиц-пушек МЛ-15 и МЛ-20; 152-мм гаубицы М-10; 122-мм гаубицы М-30; 107-мм пушки М-60; самоходных орудий СУ-152 и др.
- 4 **Цирюльников Михаил Юрьевич** (1907–1990) — советский конструктор артиллерийского вооружения. С 1939 по 1944 гг. возглавлял конструкторское бюро Мотовилихинского завода (г. Пермь). Под его руководством разработана и в 1942 г. реализована 45-мм противотанковая пушка М-42, в 1943 г. танковая 45-мм пушка ВТ-42, в 1943 г. полковая 76-мм пушка ОБ-25, в 1943 г. корпусная 152-мм пушка БЛ-7.
- 5 **Грабин Василий Гаврилович** (1899/1900–1980) — советский конструктор и организатор артиллерийского вооружения Великой Отечественной войны. Под его руководством были созданы: пехотные пушки: 76-мм пушки образца 1936 г. (Ф-22), образца 1939 г. (УСВ), дивизионная пушка образца 1942 г. (ЗИС-3), 57-мм пушка образца 1941 г. (ЗИС-2), 100-мм полевая пушка образца 1944 г. (БС-3). Танковые пушки: 76,2-мм танковые пушки Ф-32, Ф-34, ЗИС-5 для вооружения среднего танка Т-34-76 и тяжелого танка КВ-1, самоходная установка ЗИС-30 с 57-мм пушкой ЗИС-2 (ЗИС-4), а также 76,2-мм пушка ЗИС-3 для легких самоходных установок СУ-76 и СУ-76М. Разработаны и испытаны опытные образцы танковых пушек: 37-мм пушки ЗИС-19, 76,2-мм пушки С-54, 85-мм пушек С-18, С-31,

С-50, С-53, ЗИС-53, 100-мм пушки С-34, 107-мм пушки ЗИС-6, 130-мм пушки С-26, 122-мм гаубицы С-41.

- ⁶ **Петров Федор Федорович** (1902–1978) — советский конструктор артиллерийского вооружения. Под его руководством в межвоенный период и годы Великой Отечественной войны были созданы: 152-мм гаубица-пушка образца 1937 г., 122-мм пушка образца 1931/37 г., 122-мм гаубица образца 1938 г., 107-мм пушка образца 1940 г., 152-мм гаубица образца 1943 г., а также самоходные артиллерийские установки: 85-мм, 122-мм, 152-мм образца, 1943 г.; 100-мм и 122-мм образца 1944 г. и танковые пушки 85-мм, 100-мм и 122-мм.
- ⁷ **Шавырин Борис Иванович** (1902–1965) — советский конструктор минометного и реактивного вооружения. В 1937–1938 гг. руководил Специальным конструкторским бюро № 4 при заводе «Арсенал» (г. Ленинград), где коллективом СКБ-4 была создана система минометного вооружения, в том числе 50-мм ротный, 82-мм батальонный, 107-мм горновьючный и 120-мм полковой минометы.
- ⁸ **Теверовский Иосиф Григорьевич** (19.09.1912 — 19.04.1974) — советский конструктор минометного вооружения. Под его руководством и при активном участии конструктора Гуревича Зиновия Захаровича был изготовлен опытный образец 160-мм миномета под названием «МТ-13». Производился в Туле. В период с 1944 по 1947 гг. Тульским машиностроительным заводом было изготовлено 1557 минометов «МТ-13».
- ⁹ **Доровлев Николай Александрович** (25.02.1896 — 1960) — советский конструктор минометного вооружения. Являлся руководителем разработок и производства 76-мм МБ, 60-мм РМ (ротного миномета), 107-мм и 120-мм полковых минометов, 150-мм и 165-мм газодинамических минометов, 132-мм и 245-мм реактивных минометов. К началу Великой Отечественной войны все минометное вооружение Красной армии состояло из образцов, созданных под руководством конструктора Доровлева.
- ¹⁰ **Шамарин Владимир Николаевич** (1903–1956) — советский конструктор минометного вооружения. Под его руководством в 1936 г. начата разработка 50-мм ротного миномета. 50-мм миномет РМ-41 на вооружение РККА был принят в 1938 г. До начала Великой Отечественной войны таких минометов было произведено 24,2 тыс. штук.
- ¹¹ **Артемьев Владимир Андреевич** (24.06.1885 — 11.09.1962) — советский конструктор ракетной техники, участник разработки и испытаний первых советских ракет на бездымном порохе. В 1938 — 1941 гг. принимал участие в создании многозарядной пусковой установки, смонтированной на грузовом автомобиле. Занимался проектированием рядов для реактивной установки «Катюша».
- ¹² **Костиков Андрей Григорьевич** (30.10.1899 — 5.12.1950) — советский ученый, специалист в области механики. В 1933 г. назначен на должность инженера в Реактивный институт (РНИИ, НИИ № 3 г. Москва). В сентябре 1937 г. становится главным инженером института, который в то время занимался разработкой и испытанием реактивных снарядов (М-13) и пусковых установок для их пуска с земли (БМ-13) и с самолетов.
- ¹³ **Клейменов Иван Терентьевич** (11.04.1899 — 10.01.1938) — советский организатор и руководитель разработок ракетной техники. С октября 1933 г. по 1937 г. директор Реактивного научно-исследовательского института (НИИ № 3 г. Москва). Занимался разработкой ракетных снарядов на бездымном порохе для самолетов и многоствольных минометов.
- ¹⁴ **Лангемак Георгий Эрихович** (20.07.1898 — 11.01.1938) — советский ученый, один из создателей первых реактивных снарядов СССР. Основатель исследований по конструированию реактивных снарядов на бездымном порохе.
- ¹⁵ **Петропавловский Борис Сергеевич** (14.05.1898 — 6.11.1933) — советский военный инженер-артиллерист. Один из организаторов разработок ракетной техники в СССР, руководитель Газодинамической лаборатории, главный инженер Ленинградского отделения Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ). Занимался разработкой ракетных снарядов на бездымном порохе РС-82 и РС-132, дальнобойных снарядов весом 118 и 500 кг. Один из создателей в СССР снарядов для реактивного миномета «Катюша».
- ¹⁶ **Победоносцев Юрий Александрович** (20.02.1907 — 8.10.1973) — советский ученый, конструктор в области ракетной техники. С 1933 г. работал в Реактивном научно-исследовательском институте (г. Москва). Участвовал в создании реактивного миномета «Катюша». Автор трудов по внутренней баллистике реактивных двигателей твердого топлива и др. направлениям ракетостроения.
- ¹⁷ **Тихомиров Николай Иванович** (1859 — 28.04.1930) — советский специалист по ракетной технике. Автор важнейших теоретических работ в области ракетной техники. Основатель

Газодинамической лаборатории (с 1921 г. — Москва, с 1925 г. — Ленинград). Основным направлением лаборатории было создание твердотопливных ракет и разработка реактивных снарядов для самолетов.

- 18 **Гвай Иван Исидорович** (13.12.1905 — 22.07.1960) — советский конструктор установок для ракетного оружия. В 1939–1941 гг. под его руководством была разработана пусковая установка для реактивных снарядов на базе грузового автомобиля ЗИС-6 — БМ-13, которую приняли на вооружение 21 июня 1941 г. В последующем эта установка получила название «Катюша».
- 19 **Шварц Леонид Эмильевич** (1905–1945) — инженер-полковник инженерно-артиллерийской службы РККА. Руководитель группы по разработке зарядов для реактивных снарядов РС-82 и РС-132, усиления их мощности и увеличения дальности стрельбы.
- 20 **Кондаков Михаил Николаевич** (1898–1954) — советский конструктор артиллерийского вооружения. С 1932 г. работал главным конструктором Особого конструкторского бюро (г. Ленинград) и принимал участие в проектировании ряда стрелкового и артиллерийского вооружения (20-мм многоствольной пушки, 37-мм зенитного орудия).

Литература

1. Бочков Е. А., Колесник М. И., Капшитар В. Г., Щербаков Ю. В. Совершенствование тылового обеспечения действующей армии в годы Великой Отечественной войны: уроки и выводы // Материалы межвузовской научной военно-исторической конференции «Итоги и уроки Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Санкт-Петербург : ВАТТ, 2011. С. 37–48.
2. Ванников Б. Л. Из записок Наркома вооружения. Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 1. С. 32–41.
3. Великая Отечественная Война 1941–1945. Кн. 4: «Народ и война». М. : Наука, 1999. 368 с.
4. Великая Отечественная Война 1941–1945. События. Люди. Документы: краткий исторический справочник. М. : Политиздат, 1990. 464 с.
5. Воронов Н. Н. На службе военной. М. : Воениздат, 1963. 437 с.
6. Дятлов В. В. Применение советской артиллерии в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. №2 (61). С. 202–206.
7. Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне / Отв. ред. ген.-лейт. артиллерии Михельсон. М. : Воениздат, 1957. 416 с.
8. История отечественной артиллерии. Т. 3. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. — июнь 1941 г.) Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 — июнь 1941 г.) / Отв. ред. маршал артиллерии С. С. Варенцов. М., Л. : Управление командующего ракетными войсками и артиллерией, Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск, 1964. 284 с.
9. Каратуев М. И., Фролов М. И. 1939–1945 гг. Взгляд из России и из Германии. СПб., 2006. 365 с.
10. Комал Ф. Б., Барышников В. Н., Белозеров Б. П., Воинов А. М. и др. Экономика страны накануне и в годы Великой Отечественной войны. СПб., Пушкин, 1998. 252 с.
11. Латухин А. Н. Бог войны. Сборник статей. М. : Молодая гвардия, 1970. 256 с.
12. Плотников С. Е., Савченко И. Ф. Оружие Победы. М. : Центральный музей Вооруженных Сил СССР, 1986. 88 с.
13. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М. : Политиздат, 1955. 160 с.
14. Похилюк А. В. Вопросы военного строительства в курсе отечественной истории (XVI–XX веков). СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2006. 91 с.
15. Самоходная артиллерия в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1956. 242 с.
16. Самсонов Ф. А., Акулов Б. И., Волков Н. И. и др. Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М. : Воениздат, 1964. 456 с.

Об авторах:

Чернухин Виктор Андреевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии Министерства

обороны РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; mew222@yandex.ru

Щербakov Юрий Вадимович, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; scherbakowiury@yandex.ru

References

1. Bochkov E. A., Kolesnik M. I., Kapshitar V. G., Shcherbakov Yu. V. Improving the logistics of the active army during the Great Patriotic War: lessons and conclusions // Materials of the inter-university scientific military-historical conference "Results and lessons of the Great Patriotic War (1941–1945)". SPb. : WATT, 2011. P. 37–48. (In rus).
2. Vannikov B. L. From the notes of the People's Commissar of Armaments. From the notes of the People's Commissar // New and Contemporary History [Novaya i noveishaya istoriya]. 1988. N 1. P. 32–41. (In rus).
3. The Great Patriotic War 1941–1945. B. 4: "People and War". M. : Science, 1999. 368 p. (In rus).
4. The Great Patriotic War 1941–1945. Events. People. Documents: a short historical reference. M. : Politizdat, 1990. 464 p. (In rus).
5. Voronov N. N. In the service of the military. M. : Military Publishing, 1963. 437 p. (In rus).
6. Dyatlov V. V. The use of Soviet artillery in armed conflicts in the Far East // Bulletin of the Irkutsk State Technical University [Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]. 2012. N 2 (61). P. 202–206. (In rus).
7. Fighter-anti-tank artillery in the Great Patriotic War / ed. N. N. Mikhelson. M. : Military Publishing, 1957. 416 p. (In rus).
8. History of Russian artillery. Vol. 3. Artillery of the Soviet Army before the Great Patriotic War (October 1917 — June 1941) B. 8. Soviet artillery in the period between the Civil and the Great Patriotic War (1921 — June 1941) / ed. S. S. Varentsov. M., L.: Office of the Commander of Missile Forces and Artillery, Military-Historical Museum of Artillery and Engineering Troops, 1964. 284 p. (In rus).
9. Karatuev M. I., Frolov M. I. 1939–1945. View from Russia and Germany. SPb., 2006. 365 p. (In rus).
10. Komal F. B., Baryshnikov V. N., Belozarov B. P., Voinov A. M. et al. Economy of the country on the eve and during the Great Patriotic War. SPb., Pushkin, 1998. 252 p. (In rus).
11. Latukhin A. N. God of War. Digest of articles. M. : Young Guard, 1970. 256 p. (In rus).
12. Plotnikov S. E., Savchenko I. F. Weapon of Victory. M. : Publication of the Central Museum of the Armed Forces of the USSR, 1986. 88 p. (In rus).
13. Field rocket artillery in the Great Patriotic War. M. : Politizdat, 1955. 160 p. (In rus).
14. Pokhilyuk A. V. Questions of military development in the course of national history (XVI–XX centuries). SPb. : Leningrad State University A. S. Pushkin, 2006. 91 p. (In rus).
15. Self-propelled artillery in the Great Patriotic War. M. : Military Publishing, 1956. 242 p. (In rus).
16. Samsonov F. A., Akulov B. I., Volkov N. I. and others. Artillery in offensive operations of the Great Patriotic War. Book 1. (June 22, 1941 — November 18, 1942). M. : Military Publishing, 1964. 456 p. (In rus).

About the authors:

Viktor A. Chernukhin, Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Mikhailovskaya Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences, Professor; mew222@yandex.ru

Yuri V. Shcherbakov, Deputy Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps of the RF Ministry of Defense. (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; scherbakowiury@yandex.ru

Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 2)*

Шульженко С. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; S.Shulgenko@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена основным принципам публичной собственности, как они сформулированы Конституционным Судом. Автор раскрывает актуальные практические проблемы публичной собственности как сложного института, включающего, главным образом, нормы конституционного, административного, финансового и в меньшей степени — гражданского права. Отмечается прямая связь между публичной собственностью, публичными финансами, бюджетом, правовым режимом конкретной территории и публичными правами граждан. Установление правового режима территории позволяет сохранить текущее целевое назначение недвижимых объектов публичной собственности и обеспечить публичные права граждан. Обосновывается возможность передачи публичного имущества на другой уровень публичной собственности в одностороннем порядке. В контексте проблемы специализированного жилищного фонда публичного образования предлагается деликатное решение проблемы правового статуса апартamentов путем отнесения их к специализированному жилищному фонду коммерческого использования. Правовые позиции Конституционного Суда служат надежным и эффективным инструментом решения правовых конфликтов в обществе и являются ориентиром для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственная и муниципальная собственность, основные принципы публичной собственности, Конституционный Суд Российской Федерации, правовой режим территории, публичные права граждан, правовой статус апартamentов, исторических зданий, планирование использования средств бюджета и публичного имущества, распорядительные акты публичного собственника

Для цитирования: *Шульженко С. И.* Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на формирование института публичной собственности (часть 2) // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 102–116.

Constitutional Court's of the Russian Federation Impact on Public Property (Part 2)

Stanislav I. Shulzhenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; S.Shulgenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article focuses on the main principles of public property as Constitutional Court of the Russian Federation formulates them. The author reveals actual problems of public property as a complex institution, including mainly constitutional, administrative, financial, and in a less degree civil law. There is a direct relation between public property, public finance, budget, legal regime of the territory concerned and citizens' public rights. Establishment of a legal regime of the territory helps to preserve current public land and property usage and provides public rights. The ability of public property unilateral transfer to another level of public ownership is justified. Meantime in the context

* *Начало статьи см.:* Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 128–144.

of specialized public housing stock problem the author suggests sensitive decision for the legal status of quarters as a specialized commercial housing stock. Legal positions of the Constitutional Court promote effective solution to the conflict within the community and provide guidance for the legislative and law-enforcement activity.

Keywords: state and municipal property, the main principles of public property, Constitutional Court of the Russian Federation, legal regime of the territory, citizens' public rights, legal status of quarters, historic buildings, planning the use of public budget and property, acts of the public owner

For citing: Shulzhenko S. I. Constitutional Court's of the Russian Federation Impact on Public Property (Part 2) // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 102–116.

3. Правовой режим земельного фонда, лесного фонда и иных природных ресурсов, объектов культурного наследия как национального достояния, предполагающего специальный режим правового регулирования, неоднократно исследовался Конституционным судом.

Земля и иные природные ресурсы рассматриваются Конституционным судом, с одной стороны, как основа жизни и деятельности народов соответствующей территории России, а с другой стороны — как государственная собственность. Установление презумпции государственной собственности на землю является одним из определяющих факторов при выработке государственной политики и нормативного правового регулирования в сфере земельных отношений, в том числе оборота земель.

Конституционный суд Российской Федерации указывает, что конституционная характеристика земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, т. е. всего многонационального народа Российской Федерации, предопределяет конституционное требование рационального и эффективного использования, а также охраны земли как важнейшей части природы, естественной среды обитания человека, природного ресурса, используемого в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, основы осуществления хозяйственной и иной деятельности. Это требование адресовано государству, его органам, гражданам, всем участникам общественных отношений, является базовым для законодательного регулирования в данной сфере и обуславливает право федерального законодателя устанавливать особые правила, порядок, условия пользования землей (Постановление Конституционного Суда от 23 апреля 2004 года № 8-П).

В одном из последних по времени определений от 11.02.2021 № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации» Конституционный суд вновь обратил внимание на особенность гражданско-правового регулирования земельных отношений, которая заключается в том, что пунктом 2 ст. 214 ГК Российской Федерации и пунктом 1 ст. 16 Земельного кодекса Российской Федерации закрепляется презумпция государственной собственности на землю, согласно которой земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью. Такое правовое регулирование осуществлено законодателем в рамках его компетенции исходя из исторически сложившихся обстоятельств, а также с учетом того, что в Российской Федерации на сегодняшний день по объективным причинам на значительной доле земель земельные участки не сформированы и не поставлены на кадастровый учет. В подобных условиях установление презумпции государственной собственности на землю является одним из определяющих факторов при выработке государственной политики и нормативного правового регулирования в сфе-

ре земельных отношений, в том числе оборота земель. В условиях действующей презумпции государственной собственности на землю и наличия на территории Российской Федерации значительного количества нераспределенной земли сама по себе несформированность земельного участка и отсутствие государственной регистрации права собственности публичного образования на него не означает, что соответствующее публичное образование фактически отказалось от своего права собственности или проявляет безразличие к правовой судьбе этого земельного участка. Соответственно, для любого добросовестного и разумного участника гражданских правоотношений должно быть очевидным, что земли, на которых земельные участки не сформированы и не поставлены на кадастровый учет, относятся к государственной собственности и что само по себе отсутствие такого учета не свидетельствует о том, что они являются бесхозными.

Аналогичный подход принят Конституционным судом и **в отношении лесного фонда** и особо охраняемых территорий (См., в частности, Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 5-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Форест-групп» на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями статей 1, 24, 61, 74, 81, 82, 83, 101 Лесного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и ст. 26.12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»).

Лесной фонд, как указывал Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях, ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и выполнения международных обязательств, а также рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов *представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим*; осуществляемые же в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов как сфере совместного ведения полномочия Российской Федерации и ее субъектов распределены Лесным кодексом Российской Федерации на основе положений статей 72 (пункты «в», «г», «д», «к» части 1) и 76 (части 2 и 5) Конституции Российской Федерации таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов, в том числе по вопросам разграничения государственной собственности (постановления от 9 января 1998 года № 1-П и от 7 июня 2000 года № 10-П; определения от 27 июня 2000 года № 92-О и от 3 февраля 2010 года № 238-О-О).

Таким образом, Конституционный суд последовательно проводит правовую позицию, согласно которой правовой режим публичного достояния многонационального народа России (земля, лесной фонд) предполагает, в том числе, его нахождение в федеральной (государственной) собственности как правовую гарантию сохранения и воспроизводства публичного достояния.

В постановлении Конституционного суда РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 ст. 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма», пожалуй, впервые обращено внимание на то обстоятельство, что такие вопросы местного значения, как утверждение генераль-

ных планов, правил землепользования и застройки, разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства и реконструкции, утверждение местных нормативов градостроительного проектирования, резервирование земель и изъятие земельных участков для муниципальных нужд, муниципальный земельный контроль, хотя и тесно связаны с земельными правоотношениями, но не включают в себя собственно предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена. Соответственно, нельзя отрицать, что в настоящее время органы местного самоуправления выполняют функции по предоставлению земельных участков, относящихся к публичной собственности, включая те участки, которые предоставляются гражданам для собственных нужд в коллективном садоводстве. Однако правовое регулирование этих их функций в части, относящейся к участкам, государственная собственность на которые не разграничена (что в наибольшей степени соотносимо с предоставлением участков в период, когда местного самоуправления в современном его понимании не существовало), не позволяет рассматривать эти функции как безусловно связанные именно с решением вопросов местного значения.

Данная проблема не являлась основной при рассмотрении Конституционным судом указанного дела. Тем не менее, она приобретает особую актуальность в условиях стихийного приобретения и застройки гражданами садовых земельных участков за границами населенных пунктов, когда муниципальные образования не спешат из-за отсутствия средств муниципального бюджета осуществлять подготовку документации по планировке и межеванию территории, и бремя подготовки такой документации возлагается на граждан, которые вынуждены создавать садоводческие некоммерческие товарищества либо обеспечивать эксплуатацию проходов, проездов к своим земельным участкам, а также инфраструктуры своих участков в режиме общего имущества (земельных участков общего пользования). Представляется, что вопрос о справедливом распределении бремени подготовки документации по планировке и межеванию территорий между публичными образованиями и гражданами и их объединениями еще ждет своего рассмотрения Конституционным судом. Полагая, что бремя содержания частной собственности совсем не тождественно перекладыванию на граждан функций публичной власти по подготовке документов территориального планирования, которыми могут быть предусмотрены ограничения права частной собственности.

Охрана объектов культурного наследия рассматривается Конституционным судом в качестве одной из конституционно значимых, по своей сути, ценностей, служащей сохранению памяти предков, воспитанию любви и уважения к Отечеству (преамбула Конституции Российской Федерации). В контексте культурно-исторической преемственности поколений это получило подтверждение на конституционном уровне в институте культурных прав и обязанностей человека и гражданина, в том числе в связи с закреплением в Конституции Российской Федерации обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 44, часть 3), охрана которых — одна из приоритетных задач органов публичной власти (постановление Конституционного суда РФ от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 ст. 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой»).

Государственная охрана такого невосполнимого ресурса, как объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), — одна из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Нормы Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» возлагают финансовые бреме-

нения не на всех собственников земельных участков, расположенных в границах территории такого объекта, а только на тех, кто, являясь заказчиком, проводит землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы в культурном слое, подвергая его опасности повреждения или уничтожения. Следовательно, эти обременения не являются произвольными или чрезмерными, так как направлены на реализацию конституционного права граждан Российской Федерации на сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Таким образом, федеральный законодатель сохранил прежний подход к обязанности собственника земельного участка, в границах которого расположен объект археологического наследия, оплатить проведение государственной историко-культурной экспертизы, а также последующее проведение земляных и строительных работ (определение Конституционного суда РФ от 09.12.2014 № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 ст. 31 и пунктом 4 ст. 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

В контексте правовых позиций Конституционного суда об объектах культурного наследия возможно рассмотреть вопрос охраны исторически значимых для населения зданий, иных объектов, территорий, не отнесенных к объектам культурного наследия (в том числе, не прошедших историко-культурную экспертизу) либо особо охраняемым. Указанный вопрос особенно актуален в условиях застройки городских территорий, когда зачастую меняют облик, перестраиваются либо сносятся объекты городской среды, значимые для населения соответствующей территории, но не имеющие охранного статуса. Если соответствующие объекты находятся в публичной собственности, нет правовых препятствий по сохранению их назначения путем установления их статуса с определенным конкретным целевым назначением на уровне нормативного правового акта соответствующего публичного образования, а также при территориальном планировании. При этом в Единый государственный реестр недвижимости должно быть внесено наименование и назначение объекта. Эффективно вопросы сохранения конкретного целевого назначения объектов, находящихся как в публичной, так и в частной собственности, возможно решать при территориальном планировании в зонах с особыми условиями использования территорий, исключая вариативность использования той или иной территории. Так, часть 12 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ, пункт 10 ст. 85 Земельного кодекса РФ, допускают, что в состав зон особо охраняемых территорий могут включаться земельные участки, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное особо ценное значение. При этом нет препятствий для установления границы территориальной зоны по границам земельных участков, иным границам (ч. 2 ст. 34 Градостроительного кодекса РФ), что в любом случае позволяет сохранить целевое назначение объектов, значимых для жителей соответствующей территории. Статьи 34, 59 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» допускают в целях одновременного обеспечения сохранности нескольких объектов культурного наследия в их исторической среде установление для данных объектов культурного наследия единой охранной зоны объектов культурного наследия, единой зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности и единой зоны охраняемого природного ландшафта, а в отношении территории исторического поселения предусматривают в качестве предмета охраны исторически ценные градоформирующие объекты — здания и сооружения, формирующие историческую застройку и объединенные в том числе масштабом,

объемом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами. С учетом данных обстоятельств, в Санкт-Петербурге Законом Санкт-Петербурга от 19.01.2009 № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» установлены режимы использования земель и требования к градостроительным регламентам в границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, согласно приложению 2 к настоящему Закону Санкт-Петербурга. Данный закон Санкт-Петербурга, в частности, устанавливает запрет на снос (демонтаж), кроме признанных в установленном порядке аварийными, исторических зданий, под которыми понимает здание, строение, сооружение, не являющееся объектом (выявленным объектом) культурного наследия, относящееся к следующим историческим периодам: в зонах охраны объектов культурного наследия, расположенных в исторически сложившихся центральных районах Санкт-Петербурга, а также в Невском районе Санкт-Петербурга, — построенное до 1917 г. (здесь и далее год постройки включительно); в зонах охраны объектов культурного наследия, расположенных за пределами исторически сложившихся центральных районов Санкт-Петербурга (за исключением Невского района Санкт-Петербурга), — построенное до 1957 г., деревянное 1-2-этажное здание, строение, сооружение — построенное до 1917 г. (*год постройки определяется в соответствии с учетно-технической документацией об объектах государственного технического учета и технической инвентаризации*). Наиболее острым и трудно разрешимым на нормативном уровне является вопрос установления критериев, которым должно отвечать историческое здание, для установления требования о его безусловном сохранении и недопустимости его разборки (сноса). Представляется, что сам по себе факт постройки здания до 1917 либо 1957 г. не может свидетельствовать о его архитектурной и культурной ценности вне его соотношения с окружающей застройкой, исторической (историко-градостроительной) средой, включающей природный и городской ландшафт, постройками аналогичного периода в части архитектурного решения, внешнего облика, изучения вопроса о проживавших либо работавших в здании людях, оставивших заметный след в истории страны, региона, поселения, части поселения. Вместе с тем, отсутствие таких критериев ведет к правовой неопределенности, существенно и явно несоразмерно ограничивает право публичной и частной собственности, ведет к затруднению и даже невозможности хозяйственной деятельности и сбалансированного и устойчивого развития путем повышения качества городской среды и улучшения внешнего облика, архитектурно-стилистических и иных характеристик объектов капитального строительства. Сохранение исторической застройки в Санкт-Петербурге, да и во многих других мегаполисах России и зарубежных стран, является перманентным источником конфликта между законодательной и исполнительной властью (спор о полномочиях: кто вправе принимать и (или) санкционировать решения), застройщиками, градозащитниками и гражданами, приобретая совершенно уродливые формы, когда запрет на изменение облика исторических зданий ведет к оттоку инвесторов в более благоприятные юрисдикции или вообще парализует строительную деятельность в исторических центрах, а в отсутствие бюджетных средств на ремонт исторические здания так или иначе разрушаются в силу временного фактора.

Вопросы градостроительного планирования, неразрывно связанные с использованием публичного имущества, также неоднократно рассматривались Конституционным Судом.

В постановлении от 28.03.2017 № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4.1 ст. 63 Градостроительного кодекса Российской Федерации и ст. 23 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об

административных правонарушений и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в связи с запросом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» Конституционный суд подчеркнул, что *утверждение правил землепользования и застройки является важным фактором, определяющим возможность и условия привлечения инвестиций в капитальные вложения для ведения на конкретных городских территориях строительной и другой экономической деятельности.* С учетом природы городов федерального значения как центров социально-экономического и культурного развития федеральные органы государственной власти особо заинтересованы в том, чтобы в данных субъектах Российской Федерации для этого были созданы все условия. В связи с этим возложение на высшие исполнительные органы государственной власти городов федерального значения полномочия по утверждению правил землепользования и застройки, включая карты градостроительного зонирования и *градостроительные регламенты, которые по своей правовой природе и содержанию в большей мере относятся к нормативным актам исполнительно-распорядительного характера, не может рассматриваться как нарушающее принцип разделения властей на уровне субъектов Российской Федерации и как несоразмерное вторжение федерального законодателя в их компетенцию — при том, однако, условии, что высшие законодательные (представительные) органы государственной власти городов федерального значения правомочны оказывать регулирующее воздействие на само содержание правил землепользования и застройки посредством издания собственных нормативных актов.*

В определении Конституционного суда РФ от 15.07.2010 № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, ст. 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» указано, что регламентация градостроительной деятельности *направлена в первую очередь на обеспечение комфортной среды обитания, комплексного учета потребностей населения и территорий в развитии и необходима для согласования государственных, общественных и частных интересов в данной области в целях обеспечения благоприятных условий проживания.* По своему смыслу в системе действующего правового регулирования они обязывают правоприменителя, в том числе суды, *находить в каждом конкретном случае — с учетом специфики того или иного культурно-исторического объекта и совокупности всех градостроительных факторов — разумный баланс интересов социально-экономического развития, технического прогресса и связанных с ними прав граждан, с одной стороны, и интересов сохранения исторического и культурного наследия, защиты окружающей среды и связанных с этим прав в духовно-культурной сфере — с другой.* Иное расходилось бы с конституционными принципами гуманизма, верховенства права и ответственности за сохранение исторического и культурного наследия перед будущими поколениями.

Таким образом, правовые позиции Конституционного суда являются ориентиром для законодателя и поиска баланса интересов различных социальных групп и интересов (бизнеса, органов государственной власти, жителей) при застройке территорий, изменении правового режима территории, при том, что именно права и законные интересы граждан, в конечном счете, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 18 Конституции России).

Анализ правовых позиций Конституционного суда позволяет обозначить следующие сформулированные им **базовые конституционные принципы публичной собственности**:

1) единой системы публичной власти. Указанный принцип имплицитно следует из конституционных положений о соединении многонационального народа Российской Федерации общей судьбой на своей земле, сохранении исторически сложившегося государственного единства и возрождении суверенной государственности России (преамбула), о Российской Федерации — России как демократическом федеративном правовом государстве с республиканской формой правления (ст. 1), о единственном источнике власти — многонациональном народе Российской Федерации, являющемся носителем суверенитета, который распространяется на всю территорию России, и осуществляющем свою власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3, части 1 и 2; ст. 4, часть 1), во взаимосвязи с указанием на установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 72, пункт «н» части 1). Органы местного самоуправления, которые согласно статье 12 Конституции Российской Федерации не входят в систему органов государственной власти, указанных в ее статьях 10 и 11, во всяком случае, входят в единую систему публичной власти политического союза (объединения) многонационального российского народа. Иное, в частности, влекло бы нарушение государственного единства Российской Федерации и означало бы неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства (ст. 1, часть 1 Конституции Российской Федерации), что является конституционно-правовым нонсенсом. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации и объективную необходимость взаимодействия с органами местного самоуправления органов государственной власти субъекта Российской Федерации, призванных создавать условия для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах всей территории данного субъекта Российской Федерации¹;

2) специальной правоспособности публичных образований в гражданском обороте (они вправе участвовать в гражданском обороте исключительно для достижения целей и задач, стоящих перед публичной властью). Федеральный законодатель правомочен устанавливать особенности правосубъектности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере частного права, с тем чтобы на конкретном этапе развития государства достичь поставленных целей и выполнения задач общегосударственного масштаба;

3) публично-правовой природы публичной собственности, в силу которой она — в отличие от частной собственности — следует общим интересам и связана с осуществлением задач и функций публичной власти, что предполагает нахождение в собственности публично-правовых образований только того имущества, которое необходимо для реализации их публичных функций и полномочий по предметам их ведения и составляет экономическую основу деятельности органов публичной власти; Конституционный суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что в му-

¹ См. Заключение Конституционного суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/?prime>.

ниципальной собственности, как особой разновидностью публичной собственности, должно находиться то имущество, которое требуется для решения возложенных на местное самоуправление задач; возможности ограничения права собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований федеральным законом для защиты конституционных ценностей и соразмерно конституционно значимым целям, для которых оно вводится. При этом перечень видов имущества, который может находиться в собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований для реализации их полномочий, не является закрытым.

Публично-правовая природа публичной собственности предопределяет **ее служебный характер**. Публичная собственность, в конечном счете, призвана служить реализации публичной власти и публичных прав граждан, зафиксированных в Конституции;

4) предназначения федерального бюджета как материальной основы реализации конституционных функций публичной власти, в том числе функций социального правового государства (статьи 1, 2, 7 и 18 Конституции Российской Федерации). Федеральный законодатель вправе определить не только порядок правомерного использования бюджетных средств, но и меры их адекватной защиты; введение дополнительных мер защиты средств федерального бюджета — поскольку они обусловлены объективной спецификой соответствующего объекта публичной собственности, направлены на поддержание экономического суверенитета государства и надлежащих финансовых условий для эффективного обеспечения органами государственной власти прав и свобод человека и гражданина на всей территории Российской Федерации и при этом не посягают на основное содержание конституционных прав субъектов экономической деятельности — не может рассматриваться как несовместимое с требованиями ст. 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации;

5) публично-правовой природы отношений, связанных с формированием и исполнением бюджетов, а также характер правового регулирования, особенности разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в финансово-бюджетной сфере. Публично-правовой характер регулирования бюджетных отношений, выступающих в качестве экономического выражения суверенитета государства, материальной основы осуществления публичных функций и полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, деятельность которых как публичных субъектов в силу статей 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 66 (части 1 и 2), 76 (части 1, 2 и 5) Конституции Российской Федерации должна осуществляться в финансово-бюджетной сфере исключительно на правовых основаниях и в пределах, дозволенных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством.

Публичный характер бюджетно-правового регулирования не исключает в то же время применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, но только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством.

Функционирование бюджетной системы Российской Федерации имеет целью гарантирование основ конституционного строя, финансовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина, что, в свою очередь, предопределяет конституционные требования к надлежащей регламентации бюджетно-правового статуса субъектов Российской Федерации и муниципальных образований как участников бюджетных отношений, в том числе — по обслуживанию счетов бюджетов;

6) рационального и эффективного использования публичной собственности, а также охраны земли, лесного фонда как важнейшей части природы, естественной среды обитания человека, природного ресурса, используемого в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, основы осуществления хозяйственной и иной деятельности;

7) государственной охраны объектов культурного наследия (памятники истории и культуры), территорий, являющихся публичным достоянием — как одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

8) баланса интересов социально-экономического развития, технического прогресса и связанных с ними прав граждан, с одной стороны, и интересов сохранения исторического и культурного наследия, защиты окружающей среды и связанных с этим прав в духовно-культурной сфере — с другой;

9) публично-правового характера отношений по использованию и отчуждению публичного имущества. Отношения по передаче имущества, находящегося в государственной собственности, обуславливаемые разграничением публично-властных полномочий, включая отношения, касающиеся оснований и порядка передачи имущества, в том числе формы и содержания акта, оформляющего такую передачу, также представляют собой систему публично-правовых властных отношений, одновременно субординационных и координационных по своему характеру. Данные отношения гражданским законодательством, определяющим правовое положение участников гражданского оборота и регулирующим имущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, по общему правилу, не регулируются. Регламентация Законами порядка и условий приватизации государственной и муниципальной собственности также обусловлена, прежде всего, тем, что такие отношения носят преимущественно публично-правовой характер;

10) публично-правового характера платежей фискального характера за пользование публичным имуществом независимо от того, ограничено публичное имущество в обороте или нет;

11) социальной природы государства и публичной власти, что предполагает, что государство и муниципальные образования — исходя из конституционного требования общедоступности дошкольного образования независимо от места жительства — обязаны сохранять в достаточном количестве имеющиеся дошкольные образовательные учреждения и иные образовательные учреждения, учреждения культуры, социальной защиты и при необходимости расширять их сеть.

Указанные конституционные принципы публичной собственности образуют основы правового режима института публичной собственности и подлежат развитию и конкретизации в отраслевом законодательстве исходя из специфики предмета правового регулирования, должны являться руководящими началами при осуществлении правосудия и правоприменительной деятельности.

Сформулированные Конституционным судом принципы публичной собственности позволяют делать вывод о том, что природа публичной власти, связанная с реализацией полномочий публичной власти и реализацией публичных прав граждан, исключает взгляд на Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования как на обычных собственников — юридических лиц — пусть и со специальной правоспособностью. Усмотрение публичного собственника всегда ограничено необходимостью осуществления властных полномочий наиболее эффективным образом. Принцип единства системы публичной власти предполагает использование публичного имущества в интересах многонационального народа Российской Федерации, населения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, что требует установления исчерпывающих способов распоряжения публичным имуществом, а также форм участия граждан в контроле за использованием публичного имущества в целях реализации принадлежащих им публичных прав. Это предполагает выработку общественного консенсуса на уровне страны в целом, региона, муниципального образования, отдельной территории

по вопросу использования публичного имущества, изменения его назначения, отчуждения из публичной собственности.

Это также, по нашему мнению, исключает, по общему правилу, возможность гражданско-правовых отношений на началах равенства между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями. Эти отношения всегда связаны с реализацией публичной власти и публичных прав граждан. Поэтому гражданско-правовое регулирование этих отношений имеет место ровно в тех пределах, в которых это допускается публичным правом путем прямой отсылки к конкретной норме гражданского права. В этом смысле мы полагаем, что подлежит доказыванию в конкретном споре с участием публичного образования не властный характер отношений с участием органа публичной власти, а гражданско-правовой. При этом, поскольку в судебном процессе публичное образование и субъект частного права участвуют на равных, а граждане также являются полноправными субъектами публичного права, это никоим образом не ущемляет права граждан и организаций на защиту как слабой стороны.

Очевидна взаимосвязь между публичной собственностью, публичными правами граждан, зафиксированными в Конституции РФ, ограничениями прав собственности (как частной, так и публичной, априори подверженной ограничениям, связанным с обязанностью использования ее по назначению для реализации полномочий публичной власти).

Однако отнесение к национальному достоянию либо особо ценным объектам само по себе не предвещает вывода о том, что объекты публичной собственности, и, в частности, объекты культурного наследия, должны непременно являться самостоятельными объектами недвижимости (например, ладожские курганы, иные объекты археологического наследия при решении вопроса о необходимости их сохранения), а лишь предполагает установление наиболее эффективного режима их сохранности и использования, реализации публичных прав граждан. Это не всегда связано с приданием вещам статуса объекта недвижимости, конституирующим признаком которого является юридическая связь с землей, определенной территорией. Именно территория с определяемыми границами является основным компонентом любой недвижимой вещи, и, как мы знаем из римского права, основным объектом недвижимости. Общественные отношения по использованию людьми территории, и как ее части — земельных участков — служат предметом правового регулирования при установлении правового режима территории, включая вопросы ее сохранения. Посредством установления разрешенного использования территории в условиях, когда основной массив земельных участков не сформирован и находится в государственной собственности, определяется правовой режим любых связанных с землей объектов, включая объекты недвижимого имущества. Вопрос придания объекту статуса объекта недвижимости должен решаться исходя из наличия у каждого конкретного объекта признаков дискретности и относительной обособленности, что позволяет идентифицировать его и выступать в обороте отдельно от земельного участка. В ином случае в обороте выступает земельный участок (территория) либо предметом правового регулирования являются общественные отношения по поводу сохранения и использования территории (ее части), границы которой определены либо, по крайней мере, определимы.

Сформулированные Конституционным судом РФ конституционные принципы публичной собственности конкретизируются в отраслевом законодательстве и, прежде всего в бюджетном, исходя из особой роли бюджетных отношений, выступающих в качестве экономического выражения суверенитета государства, материальной основы осуществления публичных функций и полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Таким образом, принципы бюджетной системы — это также конкретизация конституционных принципов и основ публичной собственности.

Бюджетные отношения с учетом их особой значимости в публичном хозяйстве выступают основой любых иных имущественных отношений между публичными образованиями. Соответственно, вопросы использования имущества публичного образования подлежат рассмотрению при принятии решения о предоставлении публичному образованию бюджетных трансфертов.

Это предопределяет единство правового режима перераспределения как публичного денежного имущества в виде бюджетных средств, так и неденежного публичного имущества. Единство правового режима денежного и неденежного публичного имущества, в свою очередь, позволяет рассматривать вопросы волеизъявления органов публичной власти на передачу того или иного публичного имущества на иной уровень публичной собственности в контексте межбюджетных отношений и всей совокупности отношений между публичными образованиями.

Если бюджетное законодательство принципиально допускает изъятие в одностороннем порядке неиспользуемых либо используемых неэффективно или не по целевому назначению трансфертов, не может быть никаких правовых препятствий для принятия в одностороннем порядке решений о передаче имущества публичного образования, используемого другим публичным образованием либо неиспользуемого, но прямо связанного с реализацией его полномочий, такому публичному образованию.

Таким образом, межбюджетные отношения в рамках принципов бюджетной системы задают параметры любых имущественных отношений между публичными образованиями. Применительно к отношениям между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, а также и муниципальными образованиями в части осуществления ими государственных полномочий не может быть никаких гражданско-правовых отношений.

Указанные базовые принципы публичной собственности позволяют с нового ракурса взглянуть на правовые акты управления публичной собственностью.

На природу индивидуальных правовых актов органа власти по управлению публичной собственностью высказываются две основные точки зрения:

1) Цивилисты исходят из того, что это гражданско-правовые сделки, облеченные в форму правовых актов управления — административных актов, поскольку их главным следствием является возникновение, изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей субъектов гражданского права, одним из которых является государство. Однако при наличии объектов, изъятых из оборота, сложно объяснить, каким образом действия органов публичной власти, облеченные в форму административных актов, порождают гражданские права и обязанности. Аналогичная ситуация складывается и в отношении объектов, ограниченных в обороте — основной массы объектов, находящихся в публичной собственности. Специальная гражданская правоспособность публичных образований, являющаяся следствием их функции по реализации публичной власти, и, соответственно акцессорный характер их хозяйственной деятельности, не позволяют видеть в административных актах по управлению публичным имуществом только, и главным образом, сделки.

2) Административисты, напротив, исходят из того, что административные акты по управлению публичным имуществом — это индивидуальные правовые акты органов публичной власти, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения, в том числе, гражданских прав и обязанностей.

А. Е. Елистратов в работе «Основные начала административного права» справедливо отмечает: «Следует ли в сделках по имуществу, возникающих между административным учреждением и частными лицами, или в так называемых делах казны, видеть административный акт или гражданскую сделку? Поставленный вопрос должен получить то или иное решение в зависимости от того, как разрешается более общий вопрос о границах публичного и частного права вообще. Если эти отрасли права разграничивать по формальному моменту, т. е. по различию в порядке уста-

новления и защиты прав, то, разумеется, все те хозяйственные акты, которые закон подчиняет частно-правовой регуляции и гражданскому процессу, придется отнести к области частного права. Но если различие между публичным и частным правом искать в материальном моменте, т. е. в самом содержании отношений, то *всякий хозяйственный акт, входящий в круг ведения административного учреждения, — как бы он ни приближался к гражданской сделке по формам своего осуществления и своей защиты, — останется актом публичного права*» [1, с. 182–183].

В отношении объектов (в частности, земельных участков), изъятых из оборота, акты управления уполномоченных органов, очевидно, не могут порождать каких-либо гражданско-правовых последствий до снятия ограничения оборотоспособности объектов и включения их в гражданский оборот.

Соответственно, правовые акты по управлению публичным имуществом, влекущие в отношении объектов, не изъятых из оборота и не ограниченных в обороте, гражданско-правовые последствия для участников гражданского оборота, которым они адресованы, в любом случае влекут публичные (административно-правовые) последствия для органа, их принявшего, в виде обязанности обеспечить его исполнение, внести изменения в реестр публичного имущества, бухгалтерский (бюджетный) учет.

Нормативная и правоприменительная практика по вопросу о формах правовых актов по управлению публичным имуществом отличается чрезвычайным разнообразием, унификация отсутствует: распоряжения, решения, приказы, письма, письма-согласования, акты приема-передачи.

Передача имущества с одного уровня публичной собственности на другой оформляется решением (распорядительным актом) и актом приема-передачи, с даты утверждения которого имущество считается переданным на другой уровень публичной собственности.

При согласовании сделки по передаче публичного имущества в аренду (безвозмездное) пользование согласующий орган (осуществляющий полномочия собственника) оформляет свое согласие письмом; орган, осуществляющий полномочия учредителя, принимающий решение о передаче — распорядительным актом.

Когда речь идет об отчуждении либо передаче имущества в пользование частному лицу, издается распорядительный акт в форме распоряжения или приказа (акт, адресованный, прежде всего, самому органу), на основании которого заключается соответствующий договор.

Подобное имеет место при приватизации публичного имущества либо передаче его в аренду или безвозмездное пользование.

Однако действующее законодательство знает из этого правила немало исключений, прямо определяя форму соответствующего распорядительного акта.

Например, пункт 1 ст. 39.1. Земельного кодекса РФ прямо устанавливает, что земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются на основании:

- 1) решения органа государственной власти или органа местного самоуправления в случае предоставления земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование;
- 2) договора купли-продажи в случае предоставления земельного участка в собственность за плату;
- 3) договора аренды в случае предоставления земельного участка в аренду;
- 4) договора безвозмездного пользования в случае предоставления земельного участка в безвозмездное пользование.

Другой пример — передача имущества религиозного назначения. С учетом постановления Правительства РФ от 26.04.2011 № 324 «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных на осуществление отдельных полномочий в целях реализации Федерального закона «О передаче религиозным организациям

имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» передача в собственность имущества религиозного назначения оформляется решением и актом приема-передачи (как и при передаче на другой уровень публичной собственности), передача в безвозмездное пользование — решением, договором, актом приема-передачи.

Независимо от формы акта органа публичной власти по распоряжению публичным имуществом (индивидуальный правовой акт, договор, акт приема-передачи) и на последствия, им вызываемые (административно-правовые, финансово-правовые, гражданско-правовые) этот акт всегда является публично-правовым явлением и представляет собой реализацию властных полномочий публичной власти.

Этот акт органа публичной власти не существует и не может существовать вне контекста публичной природы публичной власти и влечет всегда, прежде всего, публично-правовые последствия.

Среди правовых актов публичного собственника выделяются правовые акты, которыми изменяется правовой режим объектов публичной собственности и вследствие издания которых:

1) объекты, изъятые из оборота и ограниченные в обороте, становятся оборотоспособными. Так, в результате изменения в установленном порядке черты населенного пункта земельные участки категории земель лесного фонда переходят в категорию земель населенного пункта и, тем самым, становятся потенциально отчуждаемыми. При принятии решения о продаже высвобождаемого военного имущества оно утрачивает статус ограниченного в обороте¹. То же при изменении назначения имущественного комплекса с детского оздоровительного лагеря на базу отдыха. При изъятии в казну объекта публичного имущества из оперативного управления учреждения при отсутствии намерения закрепить его за иным учреждением либо иным образом использовать для реализации полномочий публичной власти такое имущество также становится оборотоспособным. Аналогичная ситуация имеет место при заключении соглашения о государственно-частном партнерстве;

2) происходит перепрофилирование объектов либо изменение их категории, не влияющее на оборотоспособность, что, как и в предыдущем случае, приводит к изменению их правового режима.

¹ Постановление Правительства РФ от 24 июня 1998 г. № 623 «О порядке высвобождения недвижимого военного имущества войск национальной гвардии Российской Федерации, воинских формирований и органов»: Федеральное агентство по управлению государственным имуществом по представлению федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба, в соответствии с Порядком, утвержденным настоящим постановлением, на основании сводных перечней недвижимого военного имущества, подлежащего высвобождению, принимает одно из следующих решений: о межведомственном перераспределении недвижимого военного имущества, подлежащего высвобождению, с мотивированным обоснованием; о высвобождении недвижимого военного имущества с утверждением перечней указанного имущества и его реализации (с определением способа реализации); об отказе в высвобождении недвижимого военного имущества с мотивированным обоснованием.

Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1054 «О порядке высвобождения недвижимого военного имущества Вооруженных Сил Российской Федерации»: Решения о высвобождении недвижимого военного имущества, находящегося у Вооруженных Сил Российской Федерации на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, земельных участков, находящихся на праве постоянного (бессрочного) пользования, а также имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении предприятий и организаций, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации (далее — недвижимое военное имущество), принимает Министерство обороны Российской Федерации. Функции по продаже высвобождаемого недвижимого военного имущества в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, осуществляет федеральное государственное учреждение «Центральное управление материальных ресурсов и внешнеэкономических связей Министерства обороны Российской Федерации».

Примеры: перевод земельных участков из одной категории в другую, кроме случая, указанного выше; изменение вида разрешенного использования земельного участка земель любой из категории; перевод нежилого помещения в жилое и наоборот; включение жилого помещения в специализированный жилищный фонд и исключение из него; изменение категории объекта культурного наследия: в результате историко-культурной экспертизы на основании акта органа по охране памятников выявленный объект культурного наследия получает статус объекта культурного наследия регионального значения и вносится в реестр объектов культурного наследия.

Таким образом, нами предлагается классифицировать административные акты, которыми меняется правовой режим публичной собственности, по двум категориям:

1) вводящие объекты публичной собственности, ранее изъятые из оборота либо ограниченные в обороте, в гражданский оборот;

2) изменяющие целевое назначение объектов, как неограниченных в обороте, так и ограниченных в обороте либо изъятых из оборота.

Издание актов по управлению публичной собственностью обеих категорий сопровождается обязательным проведением публичных процедур (публичные слушания, экспертная оценка последствий, экспертиза, заседание коллегиального органа, например, межведомственная комиссия, согласительная комиссия, согласование иными органами публичной власти), основная цель которых — обеспечить гласность, прозрачность, эффективность принимаемых решений, гарантии публичных прав граждан. Несоблюдение таких процедур может являться основанием для признания актов органов публичной власти недействительными и привлечения должностных лиц к административной ответственности.

Анализ правовых позиций Конституционного суда позволяет сделать вывод о формировании в российском праве конституционно-правового, межотраслевого института публичной собственности, основная задача которого — обеспечение функций единой системы публичной власти и реализации публичных прав граждан, зафиксированных в Конституции России. Законодательная и правоприменительная деятельность органов публичной власти призвана развивать сформулированные Конституционным судом принципы публичной собственности и находить в каждом конкретном случае баланс частных публичных интересов, а также обеспечивать интерпретацию правовых норм, направленную на снижение конфликтного потенциала и удовлетворение интересов всех заинтересованных субъектов.

Литература

1. Елистратов А. И. Основные начала административного права [Электронный ресурс]. М., 1914 // ЛитРес. URL: <https://www.litres.ru/a-elistratov/osnovnyye-nachala-administrativnogo-prava/>.

Об авторе:

Шульженко Станислав Игоревич, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); S.Shulgenko@yandex.ru

References

1. Elistratov A. I. Basic principles of administrative law [Electronic resource]. M., 1914 // LitRes. URL: <https://www.litres.ru/a-elistratov/osnovnyye-nachala-administrativnogo-prava/> (In rus).

About the author:

Stanislav I. Shulzhenko, Graduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); S.Shulgenko@yandex.ru

Историческое время: новые подходы к его переосмыслению

Рецензия на книгу «Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism»

Карнаух В. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; karnauh_vk@mail.ru

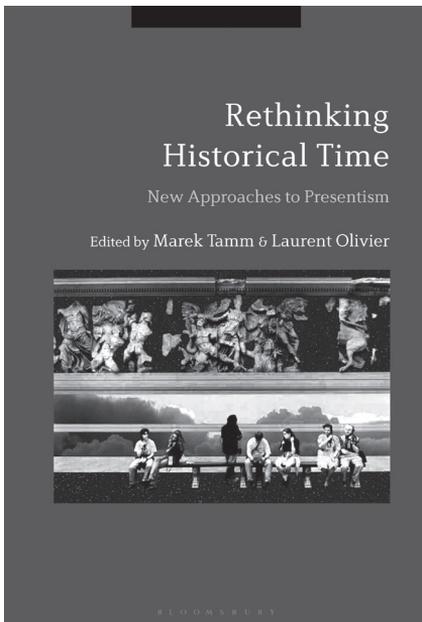
Historical Time: New Approaches to its Rethinking. Review of the Book «Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism»

Vladimir K. Karnauh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; karnauh_vk@mail.ru

Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / Eds. Marek Tamm and Laurent Olivier. L., N. Y.: Bloomsbury Academic, 2019. XIV, 226 p.

ISBN: 978-1-3500-6508-6

Предметом анализа авторов рецензируемой книги, вступивших в междисциплинарный диалог, стало переосмысление исторического времени, формирование новых подходов к презентизму.

В первой главе «Вне времени? Критические размышления о презентизме у Франсуа Артога» Крис Лоренц (Chris Lorenz) дает содержательный анализ «презентизма» у французского историка Ф. Артога, который авторы книги принимают за отправную точку своего исследования. Понятие презентизма неоднозначно. Как подчеркивает Лоренц, Артог представил две версии презентизма. В первой версии презентизм означает наше «настоящее», наш «современный» период. Это периодизационная интерпретация презентизма в линейном, прогрессивном времени. Во второй версии презентизм рассматривается в качестве аналитического идеального типа, который Артог называет «порядком времени» или «режимом историчности». Согласно этой версии, презентизм представляет

собой режим историчности, в котором доминирует настоящее. Режим историчности — это концептуальный инструмент Артога, используемый им для плюрализации понятия времени, для уточнения того, что отношение между прошлым, настоящим и будущим меняется в течение многолетнего существования культуры. Эпоха презентизма отмечена распространением концепций памяти, наследия и идентичности. Каждая из них выражает внеисторический способ обращения с прошлым. Критически относится Артог не только к прошлому, но и к будущему, таящему в себе угрозу грядущей катастрофы. Итак, презентизм — это ощущение того, что существует только настоящее.

Во второй главе «Вернемся к хронологии», подготовленной Хельге Йорджеймом (Helge Jordheim), автор обращает внимание на то, что на протяжении 540 млн лет произошло пять случаев массового вымирания живых организмов, вызванных природными факторами. Ныне ученые предупреждают об угрозе шестого по счету вымирания многих современных форм жизни, связанного с деятельностью человека. Происходившие катастрофы, по утверждению Йорджейма, ставят под сомнение прежний режим историчности и исторического времени и требуют переосмысления связи между прошлым, настоящим и будущим. Именно хронология, как считает Йорджейм, открывает возможность введения в историю других масштабов времени и других масштабов жизни, отличающихся от тех, которые содержатся в концепции «исторического времени», охватывающего примерно 6 тыс. лет. Как видим, для Йорджейма хронология означает возврат к историографической практике, которая способна учитывать многообразные временные масштабы и периодизации, использовать различные длительности, периодические структуры и ритмы.

В третьей главе «Примириться с настоящим. Изучение хронормативности исторического времени» Виктория Фарелд (Victoria Fareld) на основе хронормативного анализа недавних дебатов о роли памятников историческим личностям, значение которых в настоящее время подвергается сомнению, справедливо утверждает, что следует исходить из их исторического понимания, явно подчеркивая важность дистанции между прошлым и настоящим. Материальное присутствие статуй и памятников прошлого делает наше настоящее «многовременным» или «полихронным», насыщенным накопленным материалом прошлого. Таким образом, презентизм выступает не просто как настоящее, а как зарождающееся присутствие прошлого в настоящем. Отстаивая историческое понимание действительности, важным остается восстановление разрушенных временных границ, установление различий между прошлым и настоящим.

В четвертой главе «Трансформация исторического времени. Процессуальные и событийные темпоральности» Золтан Симон (Zoltán Boldizár Simon), анализируя концепции презентизма, приходит к выводу: поскольку прошлое не уходит и овладевает настоящим, а будущее является лишь продолжением настоящего, эти концептуализации создают ощущение неизменности. Но без возможности дальнейших изменений, без будущего, отличного от прошлого и настоящего, нет исторического времени. Итак, хотя в послевоенный период философия истории подверглась критике за идею прогресса, автор справедливо отмечает, что философия истории по-прежнему необходима западным обществам в качестве лучшего способа концептуализации, а значит для понимания, учета и осуществления изменений в человеческом мире. В результате трансформации исторического времени возникает новое чувство историчности.

Во второй части исследования «Множественные темпоральности» в пятой главе «Революционное присутствие. Историзм и темпоральная политика момента» Ханс Рюйн (Hans Ruin) исследует вклад Мартина Хайдеггера в разработку проблемы исторического времени. В работе «Бытие и время» представлена методологическая основа его экзистенциальной аналитики; в ней утверждается, что исследование

бытия само по себе характеризуется историчностью. Это относится не только к тому факту, что мыслящий человек находится в потоке истории, но и мышление является историческим. Подобно тому, как прошлое, согласно Хайдеггеру, становится полностью понятным только благодаря посредничеству через настоящее, настоящее также становится доступным для себя только как посредник через историю, в которой оно подвергается критическому «разрушению» своих собственных унаследованных мотивов.

Шестая глава книги, подготовленная Лайси Кидас (Liisi Keedus), посвящена переосмыслению времени в работах Франца Розенцвейга и Мирчи Элиаде. Несмотря на различие в понимании времени Розенцвейгом и Элиаде, автор статьи выявил общее в их позициях. Прежде всего, и Розенцвейг, и Элиаде были не согласны с принципом историзма. Их критика историзма развивалась в рамках более широких течений антиисторизма, вызванных переживаниями по поводу дегуманизации мира после Первой мировой войны. Кроме того, позиция Розенцвейга и Элиаде отличалась от более широкого недовольства «историей» тем, что они воспринимали себя как чужаков. Поэтому они создавали не только альтернативное отношение к истории, но и новые, по крайней мере потенциально, универсальные онтологии времени. Наконец, их объединяло увлечение далеким прошлым и попытки получить доступ к нему без посредничества «истории», интерес к сверхисторическому состоянию человека, утверждение фрагментации и прерывности человеческого мира и времени.

В седьмой главе Йоханнес Грэйв (Johannes Grave) исследует темпоральности в живописи и их связь с временами в истории. Обращаясь к Ф. Анкерсмицу, В. Бенямину и Ж. Диди-Юберману, автор попытался определить связи между теорией истории и представлениями об изображении. Анализ их работ показал, что сложные исторические переживания противоречивы. «Времена истории» связаны с напряженностью. Чтобы справиться со сложностью прошлого и многообразными способами его присутствия, вместо линейных и однородных представлений о времени, требуются новые модели полихронных темпоральностей. Автор делает наброски теории изображений, помогающей понять прошлое как нечто, что может отсутствовать и присутствовать одновременно. Действительно, изображения делают визуально доступным то, что сейчас в пространстве и во времени отсутствует. Только в процессе взаимодействия зрителя с изображением объект изображения становится настоящим. Это особая временность является, по мнению Грэйва, отличительной чертой картин и истории.

В восьмой главе «Время как история в фотографии XX века» Энн Фукс (Anne Fuchs), используя ряд фотографий, представляющих ключевые моменты в истории Германии в XX в. — конец войны в 1945 г. и лето 1989 г., незадолго до падения Берлинской стены, — рассматривает способы, которыми фотографии медиатизируют опыт времени как истории. Он устанавливает, что каждая из этих фотографий дает представление о характерном способе темпорализации истории, имеет свою собственную историю создания и восстановления, использует определенную нарративную структуру и конкретные способы символизации времени. Достоинством подхода Фукса к исследованию фотографии является то, что он позволяет рассматривать ее как сложный социальный процесс, который является не просто техникой, искусством или способом создания изображения, но также выражением политической ориентации, идей и даже мечтой.

В девятой главе «Наследие и несвоевременное» Торгейр Ринке Бангстад (Torgeir Rinke Bangstad) исследует значение времени в реконструкции архитектурного наследия прошлого и его сохранение в XXI в. Согласно автору, важным идеалом для такой реконструкции является понятие своевременного. Модернистское представление о своевременном предполагало, что новое может про-

цветать, только вытесняя старое. Чтобы соотнести историческое время и материальную форму, автор использует понятие несвоевременного и пытается выяснить как в материале вещи сохраняются воспоминания о прошлых событиях. Одно из преимуществ теории несвоевременного в том, что она предупреждает нас о пересечении разных ритмов в возведенном сооружении и о том, как множество чередующихся слоев прошлого представляет его богатую материальную биографию, в которой дух времени является лишь одним из множества других. Таким образом, Бангстад справедливо подвергает сомнению понятие презентизма. Он использует понятия «своевременное» и «несвоевременное», чтобы указать на многовременные свойства объектов, на различные исторические слои, вовлеченные в практику наследия.

В десятой главе «Давайте избавимся в эпоху презентизма от этих старых предметов семейного наследия во Франции» Жан-Пьер Лежар (Jean-Pierre Legendre) и Лоуренс Оливье (Laurence Ollivier) утверждают, что для аристократии Франции в период Средневековья, а затем для восходящей буржуазии было характерно накопление дорогих вещей, подтверждающих высокое социальное положение их владельцев. Однако в последние десятилетия из-за изменений в образе жизни отношение к французскому наследию стремительно меняется. Семейные реликвии, хранимые многими поколениями, стали продаваться в угоду удовлетворения непосредственных потребностей. Таким образом, сиюминутное удовлетворение эфемерных желаний одержало победу над традицией передачи семейных реликвий будущим поколениям. Новый подход к наследию свидетельствует о растущем значении настоящего в нашей жизни, что является симптомом презентизма.

В главе 11 «Смерть и археология в настоящем времени» Шеннон Ли Доуди (Shannon Lee Dawdy) начинает с антропологии истории и переходит к археологии современности. С 1990-х гг. археологи стали уделять больше внимания «недавнему прошлому». По словам автора, отношение к смерти в Америке переживает сейчас своего рода постиндустриальную революцию. Похороны занимают все меньше времени. Сжатие времени означает преобразование похоронного пространства, растущую популярность «зеленых погребений». Согласно Доуди, мы являемся свидетелями не только нового вида смерти, но и новой временной парадигмы. Происходит переход от траурных ритуалов к «праздникам жизни». На них обычной практикой стало проецировать монтаж изображений из человеческой жизни, фокусируя внимание на счастливых и забавных моментах в жизни покойного. По мнению автора, «тирания настоящего», отрицающая смерть, уже на исходе, и будущее расширяется в длительном естественном цикле возрождения.

В главе 12 Кейтлин Десилви (Caitlin DeSilvey), используя концепцию экологического ревайлдинга, исследует отношения между временностью и экологией. Ревайлдинг предполагает создание условий, способствующих максимально полному раскрытию потенциала ныне существующих природных территорий, восстановлению нарушенного баланса природных экосистем и сохранению биологического разнообразия. С этой целью автор рассматривает как прошлое присутствует в настоящем, как изучать прошлое в эпоху презентизма. Эти идеи она исследует посредством ссылки на конкретный ландшафт в долине Коа в северо-восточной Португалии. Здесь на участках земли недалеко от основной концентрации наскального искусства первобытного человека в 2000 г. группа биологов создала заповедник Файя Брава. В этих инициативах прошлое превращается в настоящее в качестве активной и определяющей силы, скрытые материальные предпосылки формируют непредсказуемое будущее. Прошлое дает «вдохновение», усилия направлены на создание «нового природного наследия» с ориентацией на будущее, которое напоминает прошлые модели.

В заключении книги Алейда Ассмонн (Aleida Assmann) анализирует состояние кризиса современного режима времени, выявляет его причины. Причина этого

кризиса, по ее мнению, в том, что данный режим времени функционировал в качестве основы модернизации западной культуры, отдавая предпочтение западной политике и искусству и обесценивая и исключая другие культуры. Ассмонн дает глубокий анализ содержания статей, представленных в этой книге. В конце обзора она напоминает о задаче книги — переосмыслить историческое время. Согласно Ассмонн, написание истории предполагает множество времен. В этом переосмыслении автор справедливо подчеркивает роль Михаила Бахтина, который подверг критике предположение, что мы живем только в одном однородном и универсальном временном режиме, который был создан в эпоху Просвещения. Вместо этого он исследовал множество культурных темпоральностей.

Данная книга представляет несомненный интерес и будет полезна философам, историкам, социологам, всем, кто занимается исследованием исторического времени.

Об авторе:

Карнаух Владимир Кузьмич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; karnauh_vk@mail.ru

About the author:

Vladimir K. Karnauh, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of NorthWest institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; karnauh_vk@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д., а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. № 10(154) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.10.2021.
Подписано к печати 20.11.2021.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,16. Тираж 200 экз.
Заказ № 10/21.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97